

Илья Кокин, диакон
**"Богородичный центр":
история, вероучение, религиозная жизнь**
Московская Духовная Академия, Кафедра Сектоведения
Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия
Троице-Сергиева Лавра, Сергиев Посад 2003

"Истинно научное понимание состоит не только в том, чтобы ответить на вопрос "что?". В полной мере оно существует лишь там, где возможно также узнать "откуда?" и при этом еще установить взаимосвязь "куда?"."
Иоганн Бахофен

Оглавление

Вступление

1. История

- 1.1. Биография и психологический портрет лидера БЦ В.Я. Береславского
- 1.2. Период становления БЦ. Вопрос о канонической преемственности
- 1.3. Внутренняя история секты

2. Вероучение

2.1. Теология и мариология

- 2.1.1. Учение об ипостаси как имени (триадология)
- 2.1.2. Учение о Женском Начале в Боге (учение о "метаипостасях")
- 2.1.3. Попытка систематизации учения о Боге

2.2. Космология и происхождение зла

- 2.2.1. Учение о божественном Сердце как о идее идей и мировой душе (космогония)
- 2.2.2. Признаки пантеизма в космологии БЦ

2.3. Антропология

- 2.3.1. Учение о происхождении человека
- 2.3.2. Учение о составе человеческой души. Образ Божий в человеке
- 2.3.3. Учение об источнике зла в человеческой природе
- 2.3.4. Проблема пола
- 2.3.5. Учение о всеединстве
- 2.3.6. Учение о множестве миров

2.4. Сотериология

- 2.4.1. Учение об образе грехопадения человека
- 2.4.2. Учение о свободе человека (фатализм)
- 2.4.3. Учение о спасении
- 2.4.4. Учение о домостроительстве Христа
- 2.4.5. Учение о домостроительстве Марии (обожение в богородичном Лоне)
- 2.4.6. Учение о посвящении Непорочному Сердцу (познание любви через страдание)
- 2.4.7. Попытка систематизации учения о спасении

2.5. Эсхатология

- 2.5.1. Учение о загробной участи души (личная эсхатология)
- 2.5.2. Учение о последних временах (всеобщая эсхатология)

- 2.5.3. Попытка систематизации учения об эсхатологии
- 2.6. Гносеология
 - 2.6.1. Диалектика "богородичного" вероучения
 - 2.6.2. "Деинституционализация" и "дерационализация"
 - 2.6.3. Попытка систематизации гносеологических представлений БЦ
- 3. Религиозная жизнь
 - 3.1. Литургия
 - 3.1.1. "Внешнее" и "внутреннее"
 - 3.1.2. Евхаристия
 - 3.1.3. Крещение
 - 3.1.4. Миропомазание и Соборование
 - 3.1.5. Священство
 - 3.1.6. Брак
 - 3.1.7. Исповедь
 - 3.1.8. Почитание Креста, святых, мощей, икон
 - 3.2. Этика
 - 3.2.1. Внутриобщинная субординация и духовничество
 - 3.2.2. Отношение к ближнему
 - 3.2.3. Отношение к матери и женщине
 - 3.2.4. О любви
 - 3.3. Аскетика
 - 3.3.1. "Нелюбовь к себе"
 - 3.3.2. Покаяние
 - 3.3.3. Образ молитвы
 - 3.3.4. Подвиг
 - 3.3.5. От "грехоцентризма" к "светоцентризму"
 - 3.3.6. "Заочное" спасение
 - 3.3.7. Деградация личности
- Заключение
- Библиография
- Приложение № 1. Исторический обзор идейных предшественников БЦ
- Приложение № 2. Священное Писание, Священное Предание и "Откровение Девы Марии"
- Приложение № 3. Влияние пребывания в БЦ на человеческую психику

Вступление

В Священном Писании и раннехристианской литературе широко распространен образ "двух путей: пути жизни и пути смерти". Каждый человек стоит на перепутье и выбирает один из них. В человеческой истории хорошо просматриваются оба пути: путь жизни – история святого человечества Ветхого и Нового Завета, летопись становления Церкви Христовой; путь смерти – трагическая череда человеческих падений, история "сынов противления" (Еф.2:2; Еф. 5:6; Кол.3:6). Однако, если жизнь Церкви ни для кого не является секретом, т. к. "не может укрыться город, стоящий на верху горы" (Мф.5:14), то процессы, происходящие во враждебном по отношению к Церкви стане, не столь очевидны, не даром апостол Павел намекал на "тайну беззакония" (2Фес.2:7). Конечной целью этих процессов является создание возглавляемой антихристом антицеркви, антирелигии, которая должна будет объединить всех подданных "князя мира сего". Но задумаемся, возможно ли объединение между собой иудеев, мусульман, буддистов и примитивных язычников? История показывает, что возможно. Среди многочисленных религиозно-философских систем издревле существует особая группа, которую и системой то нельзя назвать. Для ее обозначения мы будем

использовать термин "антисистема", впервые введенный Л.Н. Гумилевым (+1992). Его использование кажется вполне оправданным, если учесть обилие слов, начинающихся с частицы "анти-", употребляемых в данном контексте. Антисистемы – это общества (не обязательно с ярко выраженными религиозными установками), мировоззрение которых строится на основе синкретизма. Здесь следует выделить две разновидности антисистем: 1) эзотерические (тайные общества, ордена, масонские ложи, секты), имеющие несколько степеней ("градусов") посвящения, на каждом из которых "посвященному" открывается новая "истина", которая может полностью отрицать "истину" предыдущую; 2) экзотерические (представители т. н. "нового религиозного сознания": теософия, неоиндуизм, движение New Age). Надергав идей из различных религиозных и философских учений, идеологи антисистем создают некий суррогат из несовместимых элементов, а для маскировки возникающих противоречий прибегают ко лжи.

Но как зарождаются антисистемы? Подобно тому, как в организме для появления и развития заболевания необходим ряд условий (внешние факторы: загрязнение окружающей среды, вирусы и пр. и внутренние факторы: генетическая предрасположенность, ослабление иммунитета, переутомление и пр.), возникновение антисистем обусловлено определенными объективными и субъективными причинами. Л.А. Тихомиров (+1923) называет два типа предпосылок для возникновения подобных сообществ: 1-й (внешние) – условия, способствующие взаимному ознакомлению различных культур (например, объединение под одной политической властью); 2-й (внутренние предпосылки) – духовное утомление, разочарование народов. Действительно, все антисистемы вообще и синкретические секты в частности чаще всего возникают в зонах контакта великих культур, во время всенародной депрессии. С недавних пор наша страна переживает именно такие времена. В середине 80-х – начале 90-х годов в СССР началась т. н. "перестройка". На наших глазах менялся не только политический, экономический, социально-культурный строй, менялось само народное мышление, иерархия ценностей. Люди, потерявшие прежние (коммунистические) жизненные ориентиры, почувствовали духовное смятение. В это же время из-за рухнувшего "железного занавеса" к нам хлынули все "достижения" зарубежной культуры, в том числе и в религиозной области. В основной своей массе это были синкретические секты, которым Россия и страны бывшего СССР представлялись обширным полем для миссионерской деятельности. Спектр этих сект весьма широк: начиная от протестантских сект ("Свидетели Иеговы", "Адвентисты седьмого дня", "Церковь Христа" и пр.) и заканчивая движениями, пропагандирующими восточный мистицизм ("Кришнаиты", "Аум Сенрикё" и пр.). Но наряду с "импортными" сектами в нашей стране появились и доморожденные. Пожалуй, особое место в их ряду занимает секта, о которой пойдет речь в настоящей работе. За годы ее существования у нее сменилось не одно имя: "Истинно Православная Катакомбная Церковь", "Российская Автокефальная Православная Церковь", "Российская Марианская Церковь", "Церкви Божией Матери "Преображающейся"", "Православная Церковь Божией Матери Державная", однако свою скандальную известность секта получила под именем "Богородичный Центр" (далее БЦ). Именно этим названием секта традиционно именуется в религиозно-эсхатологической и апологетической литературе. Уникальность БЦ заключается в первую очередь в том (и это видно из некоторых самоназваний данной организации), что сектанты искренне считают себя православными! Более того, они пытаются доказывать, что исповедуют вполне ортодоксальное вероучение, основанное на Священном Писании и Предании, имеют канонически поставленную иерархию, во главе с "архиепископом",

совершают традиционные для Православия таинства и возрождают православную духовность. Действительно, идеологи БЦ используют православную лексику (правда, наряду с католической, индуистской, оккультно-теософской, фрейдистской и собственным новоязом), обряды и одежды сектантов также имеют православный элемент, однако при всем этом, по своему вероучению и нравственно-аскетической практике, БЦ – типичная экзотерическая антисистема, вполне укладывающаяся в характеристики движения New Age. И, хотя, по милости Божией, секта не получила широкого распространения в России и за рубежом, мы обязаны осознавать ее особую опасность, связанную с тем, что "священники" и миссионеры-"благовестники" БЦ не просто "волки", но "волки в овечьей шкуре", расхищающие стадо Христово в непосредственной близости от церковной ограды и даже внутри ее. Многочисленны случаи, когда именно мнимое православие "богородичных" проповедников (призывы к почитанию Божией Матери, столь близкой каждому православному человеку, апелляция к традиции старчества, кресты, иконы и прочая церковная атрибутика) заманивало в секту простодушных людей, ищущих дорогу к Храму. В этой связи наиболее впечатляет трагическая история, произошедшая в 1990 г. в подмосковной Кашире, когда под влияние "богородичных" "батюшек" подпал православный священник Константин Васильев (пожалуй, редкая секта сможет похвастаться подобным "трофеем"). Сначала отец Константин стал духовным чадом одного из сектантских "священников", потом позволил самозванцам служить и совершать требы в своем храме, в конце концов, бросив свою семью, он провозгласил себя "епископом Лазарем Московским и Каширским". Если даже православный священник не смог разглядеть подмены, то стоит ли удивляться тому, что в секту идут околоцерковные люди. Приведенный пример лучше любых рассуждений показывает, насколько опасна деятельность БЦ. Поэтому в настоящей работе мы ставим перед собой двойную задачу: с одной стороны – апологетическую, мы попытаемся изобличить сектантов во лжи, подробно показав беспочвенность их притязаний на близость к Православию, с другой – научно-практическую, т. е. дать систематическое описание истории, вероучения и религиозной практики БЦ.

За годы существования секты (приблизительно с конца 80-х г.г.) православные и светские исследователи не раз предпринимали попытки дать систематическое описание БЦ. Укажем здесь наиболее значимые работы. Первой серьезной попыткой явилась работа, которая сначала была опубликована в "Московском церковном вестнике" 1992 №12-13 под названием "Богословский анализ лжеучений, содержащихся в литературе, издаваемой т.н. "Богородичным центром"", а позже выходила отдельной брошюрой "Богословский анализ лжеучений "Богородичного центра". Издательство Свято-Владимирского Братства, 1992". В том же 1992 г. увидела свет работа Якова Кротова "Богородичный центр. М.: "Ирина", 1992". Наиболее фундаментальным (181 стр.) православным исследованием явилась работа иеромонаха Филиппа (Симонова) "Новые гностики (о ереси "Богородичного центра"). Машинопись. М., 1994". К сожалению, эта книга не была издана.

Интерес к перечисленным работам несколько снижает следующее обстоятельство: в 1993-1994г.г. в вероучении и практике БЦ произошел серьезный (правда, всего лишь формальный) перелом. В связи с увеличением жалоб со стороны родственников людей, попавших в секту и возбуждением против сектантов уголовного дела, лидеры БЦ стали более осторожными в своих высказываниях и практических рекомендациях. Ряд вероучительных и нравственно-аскетических положений, а также исторических оценок, некогда традиционных для секты, был серьезно пересмотрен, что естественно не могло быть отражено в упомянутых

работах. Однако, исследования продолжались. В 1999 г. на кафедре религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ г. Ю. Баклановой была защищена кандидатская диссертация на тему: "Православная церковь Божией Матери "Державная" (социально-философский очерк)". Естественно, что светский автор не ставил перед собой апологетических целей, поэтому не удивительно, что с учетом упомянутой переориентации сектантов, деятельности БЦ в целом была дана положительная оценка: "Можно сказать, – пишет автор работы в заключении, – что опыт, по крайней мере, последних "..." семи лет свидетельствует о том, что условия легального существования ЦМБ "БЦ – д.И." благоприятным образом сказывается как на внутренней атмосфере в церкви, так и на общем настрое ее приверженцев в отношении к внешнему миру. Эти условия не провоцируют религиозного фанатизма и экстремизма, комплекса гонимых и преследуемых, неприязни к обществу и власти". А все критические замечания в адрес секты, по мнению автора, делаются "без достаточно серьезного изучения фактов, на основе практики, которая имела место на первых порах деятельности богородичников. В настоящее время она преодолена, но инерция негативного отношения к ним сохранилась, что дезориентирует общественное мнение". Работа была опубликована в московском издательстве "ООО "Агент"" в 1999 г. тиражом всего в 1000 экземпляров и т. о. не доступна широкому кругу читателей. Следующей работой, о которой стоит упомянуть является курсовое сочинение студента 5-го курса заочного отделения катехизаторского факультета Православного Свято-Тихоновского Богословского Института А.И. Эмке "Секта "Богородичный Центр". Архангельск, 2000. Рукопись". И, вероятно, последним на сегодняшний день исследованием секты является статья Сергея Гущина ""Третий Завет" Богородичного центра // Вестник центра апологетических исследований. Октябрь 2000-Январь 2001 Выпуск № 12; Апрель-Июнь 2001 Выпуск № 14".

В качестве общего недостатка всех упомянутых работ следует указать несколько упрощенное понимание "богородиной" догматики. Это обусловлено тем, что любое синкретическое учение крайне противоречиво, поэтому исследователи или убирают "лишние" противоречия, или просто перечисляют их, в то время, как сами эти противоречия подчинены определенной системе. Вот, что, например, пишет последний из упомянутых авторов: "С одной стороны, богословие Богородичного Центра очень обширно и запутано, а с другой – совершенно однобоко, потому что целиком построено вокруг одной личности – Божией Матери". С первым утверждением (относительно обширности и запутанности) согласиться легко, а вот со вторым следует поспорить.

Помимо православных и светских исследователей, попытки систематического изложения своего вероучения предпринимали и сами "богородичники". Здесь, прежде всего, следует упомянуть "Державный катехизис. Основы веры святого православия. М., 1997", составленный "священником" Тимофеем Животовым, за что, кстати, он был удостоен звания "кандидат богословия". Однако данная работа представляет собой всего лишь некий бессвязный набор "марианских" псевдооткровений. Гораздо более серьезного внимания заслуживают работы "марианского" "доктора богословия" "священника" Викентия Давыдова. Например, его проповеди в сборнике "Епископ Амвросий, епископ Афанасий, епископ Феодосий, священник о. Викентий. Проповеди. М., "Новая Святая Русь", 1998". Пожалуй, Давыдов является единственным "богородичным" "богословом", способным изложить учение секты в систематической форме. Правда для этого ему порой приходится прибегать к софистским ухищрениям, из-за чего среди "богородичных" "ортодоксов" (тяготеющих к православному образу мышления)

он воспринимается как "еретик", искажающий суть "откровения". Здесь же можно указать еще одну работу: "Богословие Непорочного Сердца / под ред. архиепископа Иоанна. М.: "Новая Святая Русь", 1994". Это конспект лекций, прочитанный в "марианской" "духовной академии".

В предлагаемом нами изложении "богородичная" догматика выглядит весьма громоздко, но мы сознательно не пошли путем упрощения и постарались не упускать деталей. Насколько это было возможно, мы пытались не разрубать, а терпеливо развязывать узел богородичного вероучения. Нами было прочитано свыше 70 "богородичных" книг с "откровениями" и проповедями. Среди сборников "откровений" хотелось бы особо выделить книгу "Слово Божией Матери и Господа в России архиепископу Иоанну. Избранное. Т.1. М.: "Новая Святая Русь", 1997". В этой книге собраны наиболее значимые "откровения" БЦ начиная с 1991 г. и заканчивая 1997 г., что придает этим текстам особый авторитет. Здесь же необходимо упомянуть и сборник "Белое Евангелие", выдержавший уже не одно издание. Это повествование о "марианских" явлениях, происходящих по всему миру. Кроме того, мы постарались прояснить целый ряд спорных моментов, связанных с историей и нравственно-аскетической и литургической практикой секты.

I. История

1.1. Биография и психологический портрет лидера БЦ В.Я. Береславского

Возможно "Богородичный Центр" никогда бы и не возник, если бы не существовало на свете его отца и основателя Вениамина Яковлевича Береславского (род. 1946 г.). Читая "богородичную" литературу, невольно удивляешься тому, как одержимый бредовыми идеями и чрезвычайно деятельный человек может убедить многотысячную толпу более или менее нормальных, но слабовольных или просто доверчивых людей в том, что они находятся в страшной опасности и только он, "пророк", знает, как их спасти. Последователи Береславского, подпав под его магическое влияние, невольно перенимают и его детские комплексы, кошмарные внутренние терзания, озлобленность. Выросшие в благополучных семьях, они вдруг начинают ненавидеть своих родителей, они уходят от своих, некогда горячо любимых жен, мужей и детей, ради служения "Деве Марии", "Новой Святой Руси" и лично ее "пророку". История БЦ неотделима от истории болезни его основателя. И для того, что бы понять этот феномен, нам, прежде всего, необходимо постараться описать ту личность, которая стала как бы архетипом, объектом для подражания, которая заразила своими навязчивыми, "сверхценными" идеями такое множество людей.

Что нам известно о Береславском? Совсем немного. Почти все биографические сведения о нем известны с его же собственных слов. Наша задача усложняется еще и тем, что вокруг личности Береславского существует множество мифов и некоторые из них мы попытаемся развеять. Каких-либо объективных, проверенных данных не существует. Богатый материал для мифотворчества на тему биографии "пророка" дала книга "Исповедь поколения". Именно из нее некоторые исследователи пытаются почерпнуть информацию о Береславском. Однако почему-то никто не обращает внимание на то обстоятельство, что эта книга написана Береславским в соавторстве с "отцом" Николаем Румянцевым и с его (Румянцева) слов именно он является автором книги (т. е. в книге описаны

события его жизни), а Береславскому принадлежит лишь "художественная обработка" текста. Но все же Береславский не случайно поставил под этим текстом свою подпись и не случайно книга названа "Исповедью поколения". Вероятно в воспоминаниях соавторов книги, особенно в детских воспоминаниях, есть много общего, поэтому "Исповедь..." представляет для нас определенную ценность в качестве не столько фактически, сколько психологически достоверного источника. Так, например, в книге говорится: "С трех лет помню себя непрерывно напряженным, раздраженным, затравленным, боящимся мелких придинок". Очевидно, за этими словами стоит детский опыт обоих авторов книги. Далее из "Исповеди..." явствует, что олицетворением мирового зла и причиной всех бед для будущего "пророка" стала его собственная мать. Характерно, что образ матери-тирана абсолютизируется, т. е. речь идет о матери вообще. То же самое Береславский говорит о себе и в книгах написанных им единолично. "Исповедь..." повествует о том, как мать постоянно осыпала своего ребенка проклятиями типа: "Да чтоб ты сдох, мразь такая! Проклятая гадина! Я бы тебя удавила своими руками и без всякой жалости" или "Заткнись, скотина, или я тебя убью!". Возможно, за словами следовали действия: "Чудовищная ведьма непрерывно бьет по голове, бичует, усовещает "... Следуют один за другим удары в солнечное сплетение: меня пугают, пробивают насмерть". Несомненно, что Береславский представляет свои негативные воспоминания, связанные с семьей и матерью в частности, гиперболизирует однако, можно сказать с уверенностью: мальчик рос нервным, закомплексованным и сексуально озабоченным. Дело в том, что многочисленные тексты, посвященные "нечестивой матери" инкриминируют ей не только жестокость по отношению к своему ребенку, но, самое главное, выполнение дьявольской миссии по разращению собственного сына: "Нечестивая мать ..." распространяет вокруг себя содомскую вакханалию, являясь бессознательно или осознанно поверенным лицом князя тьмы, его священницей. Она превращает мужа в сына и сына в мужа, постоянно погружая их в свою бездонную, разжженную геенской похотью ненасытную утробу, сиречь в утробу дьяволицы, священнодействуя на генитальном престоле, воздвигнутом сатаной". Здесь же отметим и ярко выраженный фрейдистский "комплекс кастрации", навязчивая боязнь стать "евнухом", "евнушкой": "В подсознании "матери" вынашивается одна мечта: выставить гениталии сына на вселенскую витрину, на показ всему миру, а потом оторвать". Сакральным смыслом наделяется не только половая сфера и связанный с ней "энергетический вампиризм" матери, но вся физиология вообще: "Невидимые тропы влекут "мать" зайти в туалет тотчас после того, как там совершил свое черное таинство сын". Пожалуй, не стоит умножать примеры этого литературного эксгибиционизма. Скажем лишь о том, что подобных цитат среди "богородичных" текстов предостаточно. Попробуем лучше понять, почему мать, такое родное и близкое каждому человеку существо, трансформировалось в детском (юношеском) сознании в эдакого сексуального монстра, "распутную астральную шлюху"? Наверное, дело не в самой матери (ведь сейчас Береславский спокойно уживается с ней в одном доме!), а в воспаленном, пораженном низменными страстями юношеском воображении, проецирующем вовне всю мерзость своего содержимого. "Раньше, – вспоминает (правда, с явными преувеличениями) о своей жизни Береславский, – я был движим на энергии блуда: творчество, маммона, блуд прямой и мысленный – оккультизм". "Испытал вроде бы все возможное. Курил гашиш, испробовал марихуану, распутничал, блудил, менял "объекты" направо и налево... И просыпался – в полдень. Чашка кофе, боксерский удар в подушку сквозь сон и вновь – сумеречное небытие. Под вечер – телевизор, долгожданный звонок... ночное логово, шабаш, визги хохот. И опять ложе нечистоты, у которого стоит метровой высоты кузнечик с мордой осла и вращает черными глазищами... Козлице зловонное, злосчастный

покровитель твой!" – отчаянно восклицает Береславский, обращаясь к самому себе. Характерны также слова обращенные Береславским в свой адрес от имени ангела (совести?): "Ты шел дверью разврата, дитя мое, – шепчет Ангел. – Ошибочная, страшная дверь...". А чуть дальше нам открывается и сама причина ненависти "пророка" к матери – это страх наказания, "комплекс вины", вызванный ощущением собственной нечистоты: "Страх. Меня терзали страхи, я всего боялся. Я был соткан, как хитон, из ужасов. Страхи, смешанные с отвратительными страстями (амбиция, гордыня, тщеславие, зависть), сделали меня мыслящим, вольнодумцем, писателем-эпикурейцем, содомитом, садомазохистом. Любимое занятие – подсматривать в дверной замок, засунув в зад пробирку и держа руку на мамином месте "имеются в виду гениталии -д.И." (занятие семилетнего совковского кретина, будущего знаменитого поэта, автора "Дружбы народов"). Искажение образа матери и чувство вины перед ней (столь ненавистная Береславскому "материнская родовая совесть" или "генитальная совесть") требовали компенсации. Очевидно, именно так возникла оппозиция, ставшая краеугольным камнем "богородичного" учения: "нечестивая мать, дьяволица" – "Мария, Матерь Божия, богиня", что, в свою очередь, также "несомненно связано с классическим психоаналитическим комплексом противопоставления "мадонны и проститутки"". "Мать с детства водила за ручку. Мне передавалось ее видение вещей. Ее глазами видел мир и реализовывал ее программу – жестоко, бескомпромиссно, безальтернативно, безысходно... Теперь родился от Пречистой, и Она меня воспитывает, водит младенца за ручку, учит ходить "...". И тщусь видеть мир очами новой духовной Матери своей". О какой "программе" здесь идет речь? Береславский намекает на мрачные события своей биографии, за которыми, как он полагает, стоит злая воля его матери. В 18 лет он впервые попал в психиатрическую больницу, откуда сбежал. Это "Исповедь..." говорит о факте из жизни Береславского, а вот дальше описываются события из биографии Н. Румянцева, которые упомянутые нами исследователи ошибочно относят к Береславскому: "Когда мне было едва за двадцать, – повествует автор "Исповеди...", – избил какого-то парня "...". Бил до одури, до полусмерти "...". Шесть лет заключения ничего не дали. Остервенение, тупость, полное презрение ко всем...". Упомянутое "остервенение" в немалой степени характерно и для самого Береславского. Ему же принадлежит идея обвинить во всех несчастиях мать преступника. Оказывается, именно она манипулировала судьбой своего сына, именно она "замыслила послать импульс, чтобы я "Румянцев" избил мужчину "...". Следующий ее пасс: внушить судье приговор – не меньше шести лет. "...". Я отсиживал ее срок. Я был наказан за ее грехи". Вот еще один штрих к психологическому портрету Береславского – инфантильность и безответственность. Страшно этого стесняясь, Береславский до сих пор остается "маменькиным сыночком" и вся грязь выливаемая им на мать – всего лишь попытка заглушить осознание этого факта.

Доподлинно не известно, где именно учился будущий "архиепископ". Согласно официальной версии в 1970 г. он окончил Московский государственный институт иностранных языков им. Мориса Тореза. По другим, еще менее правдоподобным версиям Береславский учился в консерватории или занимался востоковедением, и, хотя этим заявлениям трудно поверить, следует признать, что "пророк" действительно достаточно музыкален (на "Богородичных Соборах" он лихо танцует и поет) и знаком с восточными религиями, преимущественно с неоиндуизмом, теософией и рерихианством (агни-йога), причем, судя по всему, не только теоретически. Следует также заметить, что Береславский однозначно человек эрудированный и образованный, правда, несколько поверхностно, и в силу данного обстоятельства старается не упустить возможности лишний раз

блеснуть своими познаниями. Чтобы составить себе представление о религиозно-философском кругозоре Береславского, приведем здесь имена и учения, на которые он ссылается в своих работах. Это учение о Матери-земле, которую Береславский отождествляет с Божией Матерью, греческая мифология (Афродита, Зевс, Уран, Дионис, хотя Береславский явно путает его с Орфеем), "эллинистические мистерии", греческая философия (Аристотель, неоплатоники Аммоний, Плотин, Порфирий, Прокл), средневековые мистики (Эммерих, Валторта, Агреда), каббала ("трактаты каббалы дают очень много сокровенных имен"), теософия, русские философы и мистики (Вл. Соловьев, "прозорливые религиозные мыслители" священник Павел Флоренский, прот. Сергей Булгаков, Бердяев, "святой" Мережковский, "космический ясновидец" Даниил Андреев) и пр.

Уже в молодые годы Береславского очень важным для него мотивом становится стремление к славе (вспомним его "скромную" самохарактеристику: "будущий знаменитый поэт"). Он действительно пытался писать под псевдонимом Вениамин Яковлев, однако особого таланта не обнаружил и никаким "знаменитым" так и не стал, но навсегда возненавидел творчество вообще и литературу (точнее более удачливых, чем он литераторов) в частности: "Я думаю, любителям поэзии пришло время каяться не в чем ином, как в содомском блуде".

Вероятно, полный провал на литературном поприще усилил в Береславском комплекс неполноценности (возможно, сыграли свою роль и непонимание родственников, и периодические курсы лечения от душевного заболевания, и пресловутый 5-й пункт), окончательно сформировав в нем сознание изгоя, аутсайдера. Это обстоятельство легко объясняет еще один существенный аспект "богородичной" теологии: учение о непрестанно страдающем Боге (Христе) / богине (Деве Марии). Так, например, оказывается, что "вся жизнь Господа с самого детства была сплошным страданием, унижением и мукой. ..." И был Он бит неоднократно, без всякой причины", "каждый час Его на земле был непрерывным мученичеством", но самое главное, "Христос распят поныне из-за наших грехов". То же самое относится и к Богоматери: "О сколько испытала Я "Мария" после разлуки с возлюбленным божественным Сыном Светов! Сколь часто была брошена, избита демонами и людьми, и проводила ночи в неутешных рыданиях и в оцепенении как полумертвая", "жила под чужим именем" и т. п. Поэтому не удивительно, что лжебогородица устами своего "пророка" говорит: "Страждущих Я привечаю особенно, ибо их состояние близко Моему". Юродивый, сумасшедший, немощный – образы весьма близкие Береславскому: "Детей Божиих распознают по особым печатям просветленности и премудрости, духовности и сиротливой раненности сердца". "Будут призываться недополучившие родительского тепла". "Многоскорбный немощный интеллигент ..." столь характерный образ подвижника последних дней". Береславский пишет от имени "нас, изгоев"! Вот кто в первую очередь попадает в секту, а те, кто поначалу не ощущает себя изгоем, через короткое время приходят к этому состоянию, благодаря усиленному "смирению" и "подвигу".

Но вернемся к биографии Береславского. По его собственным воспоминаниям, он искал "прозрений, озарений, иллюминативных вспышек", "ботхисаттствовал как учитель на подмосковной даче", открывал у себя "третий глаз", и, в итоге, "переменил девять вер".

Неизвестно, что именно заставило Береславского в 70-х (?) годах формально оставить оккультную практику (хотя по своим убеждениям он по сей день остается

последовательным оккультистом!) и обратиться в своих духовных исканиях к Православию. Так или иначе, Береславский начал читать Псалтирь, класть поклоны, работать на приходах (вероятно, в Ивановской епархии), посещать монастыри (Троице-Сергиеву, Почаевскую Лавру, Псково-Печерский монастырь), купаться в святых источниках и т. п. Вот, как он сам вспоминает о том периоде своей жизни: "Строгая аскетика, постоянная внутренняя молитва, ночью – следованная Псалтирь, пятисотица поклонов, купание на святых источниках, затвор келейный при свечах, горящие лампадки и воздевание рук горе в многослезной молитве". Серьезное влияние на Береславского оказала жившая недалеко от Почаевской Лавры "старлица" Евфросинья (+1993), женщина, вероятно, находившаяся в духовной прелести, во всяком случае, позже так считал сам Береславский. Вполне закономерно, что и его собственное духовное состояние катастрофически ухудшалось. Духовные искания вскоре привели его к тупику, непроглядному унынию и, в конечном итоге, к мысли о самоубийстве. В одном из своих дневников он писал: "Запретить читать мои рукописи, пока я живу..."" Я, кажется, совсем впал в детство. "" Хочется читать дневники Толстого и Монтеня. Библия чужда. И это мне, реформатору и вестнику! "" Я отметил определенную закономерность, с которой многие моего порядка мятущиеся натуры, прежде чем обратиться в веру, испытывали суицидальные вселенские кошмары. "" Мысль о самоубийстве, как никакая другая приближает к духовному порядку "" Кто-то властно приказывает мне умереть". Через какое-то время Береславский со скандалом ушел от Евфросиньи. Он не хотел оставаться "послушником", учеником, он желал быть "пророком", "вестником" и "реформатором". Ему самому хотелось иметь учеников, давать им "духовные" наставления, при этом слава "старца" могла бы с лихвой компенсировать его бесславие на литературном поприще, ведь любой бред, сказанный "старцем" воспринимается почитателями как "духовная мудрость". Однако учеников у новоявленного "старца" не хватало, ему было необходимо "чудо", божественная санкция. И вот, наконец, в 1984 г. в Смоленске Береславский получает свое первое "откровение" от "Божией Матери"! Что это было на самом деле, удачный рекламный ход, шарлатанство, кликушество или реальное бесовское наваждение, которому тоже не стоит удивляться, учитывая "ночные молитвы" Береславского в сочетании с ожиданием "иллюминативных вспышек", нам сложно судить. Не менее сложно определить, что же больше всего способствовало началу т. н. "откровений": оккультное прошлое или влияние Евфросиньи, порочные привычки или чрезмерное подвижничество, душевная болезнь или интеллигентский романтизм. Вполне возможно, что перед нами человек, находящийся в состоянии духовной прелести, подверженный воздействию бесовских сил и являющийся не более, чем марионеткой в их руках. С другой стороны, если видеть в Береславском лишь интеллектуала с нереализованными амбициями, то многое в его поведении смогут объяснить слова протоиерея Сергия Булгакова, который, кстати, по мнению самого "пророка", "несомненно, получал знания свыше": "Легче всего, – пишет о. Сергий, – интеллигентскому героизму, переоблачившемуся в христианскую одежду и искренне принимающему свои интеллигентские переживания "" за христианский праведный гнев, проявлять себя церковном революционизме, в противопоставлении "" религиозного сознания неправде "исторической" церкви. Подобный христианствующий интеллигент, иногда неспособный удовлетворить средним требованиям от члена "исторической церкви", всего легче чувствует себя Мартином Лютером или, еще более того, пророческим носителем нового религиозного сознания, призванным не только обновить церковную жизнь, но и создать новые ее формы, чуть ли не новую религию". Однако, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Береславский страдает тяжелым душевным недугом. Вполне вероятно, что его "пророческий дар" не более, чем болезненный

симптом: "Такой больной, – говорится в Настольной книге священнослужителя, – может вдруг объявить, "... что он "на самом деле" один из "угодников Божиих" (и уточняет кто именно), "пророк", посланный преобразовать весь мир или дать новое "откровение". "... Как правило, это всего лишь некоторые из многообразных проявлений определенного типа психопатологии". Скорее всего в данном случае имеет место целый комплекс факторов. Так или иначе, в действиях Береславского несомненно присутствуют и злой умысел с трезвым расчетом, и патология, и определенный мистический компонент.

1.2. Период становления БЦ. Вопрос о канонической преемственности

О начальном этапе становления БЦ как религиозной организации нам снова доподлинно ничего не известно. Первые сведения относятся к 1985 году, когда Береславский вместе со своими единомышленниками (С.Ю. Большаковым, А.А. Красновым, Б. Малаховым (позже отошел от БЦ), М.Н. Поповым и др.) находился в Краснодарском крае, в тайном монастыре, который является резиденцией одной из т. н. "катакомбных" или "Истинно Православных" церквей. Эти церкви (точнее, общины) возникали в период ожесточенных гонений на Русскую Православную Церковь (в 20-30-е г. г. XXв.), порой они возглавлялись архиереями, которые тайно совершали богослужения, и даже епископские хиротонии. Так в Советской России параллельно с официальной Церковью существовали целые церковные образования, каждое из которых управлялось тайными архиереями. В те страшные годы, когда Русская Церковь была на грани уничтожения, подавляющее большинство иерархов и духовенства было или убито, или находилось в заточении, подобные меры были оправданы, однако "катакомбные церкви" существуют и по сей день, и, несмотря на очевидный расцвет Православия в России, считают себя единственными право-преемниками "тихоновской" церкви, отказывая в этом "сергианской", "красной" Патриархии (РПЦ). Главное, что ставится в вину "официальной" Церкви – это принятие ею Декларации от 29.07.1927 г., составленной митрополитом Сергием (Страгородским) (будущим Святейшим Патриархом (+1944)). В Декларации заместитель патриаршего местоблюстителя, владыка Сергей призывал российскую и зарубежную паству к лояльности по отношению к советской власти. Этот призыв и стал камнем преткновения, ускорившим окончательный разрыв между "официальной" Церковью (РПЦ), с одной стороны, и "катакомбной" (ИПЦ, ИПКЦ и т. п.), а так же "зарубежной" (РПЦЗ) иерархиями – с другой. Мы не имеем возможности подробно и обстоятельно доказывать каноническую безупречность и целесообразность Декларации митрополита Сергия, укажем лишь на то обстоятельство, упорно не замечаемое раскольниками, что и Святейший Патриарх Тихон и его Местоблюститель святой митрополит Петр (Полянский) в свое время делали схожие по содержанию заявления о своей лояльности по отношению к советской власти. Развивать эту тему не стоит еще и потому, что для БЦ православные каноны не имеют какой-либо реальной силы. Зато сектанты часто говорят о духовных реалиях. И поэтому нам кажется уместным перевести разговор о церковном расколе именно в эту плоскость. Мы можем судить о духовных симптомах безблагодатности раскола. Вот, что говорит святитель Тихон, лицемерно почитаемый "богородичниками" как "Глава Истинно Православной катакомбной Церкви на небесах" (непонятно откуда на небесах взялись катакомбы и в каких отношениях "катакомбная Церковь на небесах" с Церковью Торжествующей?), о послушании Церкви: "В Церкви Христовой повсюду разлит мир. Здесь молятся о мире всего мира, о соединении всех; "... И когда христиане послушны гласу Церкви и живут по ее велениям, тогда у них действительно мир и

любовь". Яркой иллюстрацией к сказанному могут послужить дневниковые записи митрополита Вениамина (Федченкова) (+1961), одного из немногих русских зарубежных иерархов, подписавших Декларацию 1927 г. Испытывая вполне объяснимые колебания, владыка Вениамин решил отслужить Сорокоуст (40 Божественных литургий) и в течение этого периода наблюдать за своим душевным состоянием, внимательно прислушиваясь к голосу своей совести. Вот его наблюдения: "Должен отметить очевидный факт. Когда я стою на принятом решении (о лояльности) – хорошо на душе! А как только начну колебаться – мука!". Владыка получил одобрение от афонских старцев и более того, сам святитель Тихон явился ему в сонном видении и поддержал его, сказав: "послужи народу!". Непослушание Церкви по данному вопросу владыка называет "сектантскими стремлениями", "самочинием", оно приводит к душевному ожесточению и потере благодатной связи с Матерью Церковью. Вполне понятно, почему Береславский, человек озлобленный, да и к тому же пораженный диссидентской романтикой, изначально примкнул именно к "катакомбникам". Причина этому – отсутствие внутреннего мира, "дух противления" (Еф.2:2), и, кроме того – неудовлетворенные амбиции церковного реформатора. Не добившись столь вожделенного священства законным путем, ересиарх решил "перелезть инде" (Ин.10:1), навсегда проникнувшись ненавистью к Церкви Христовой. И в этом он ушел далеко вперед (точнее, назад) по сравнению с обыкновенными раскольниками. Об этой, поистине дьявольской, ненависти свидетельствуют сотни страниц его писаний. В них Береславский выдвигает против РПЦ абсурдные обвинения в "каноническом самозванстве", ставит Церкви в вину "молитвы за палачей" (а разве не к этому призывает нас Христос (Мф.5:44; Лк.6:28; Ср.: Рим.12:14)?) и сотрудничество с КГБ, но самое главное – БЦ постоянно говорит о том, что Церковь разрушила Завет со Христом и вступила в завет с дьяволом, став его приспешницей! "Завет с дьяволом, заключенный через Сергия Страгородского, преступил все возможные пределы. Поклонившись Дракону, фарисеи-обновленцы "весьма несуразное словосочетание, т. к. фарисейство предполагает консерватизм, а не обновленчество -д.И." полностью приняли одержавшего его духа "...". Московская патриархия, сегодня претендующая на наследство РПЦ, в действительности – детище Красного Дракона" и т. п. Отцы II Вселенского Собора проявили мудрую осторожность в отношении тех, кто предъявляет какие-либо обвинения в адрес законной церковной иерархии. 6 правило этого Собора гласит: Если обвинение в адрес епископа будет носить "церковный" (т. е. вероучительный или канонический -д.И.) характер, тогда прежде всего подобает рассмотреть личность самого обвинителя. И, во-первых, не позволять еретикам приносить обвинения на православных епископов по делам церковным. Еретиками же мы именуем как тех, которые издавна объявлены чуждыми Церкви, так и тех, которые после того нами анафеме преданы. Кроме этого и тех, которые, хотя и притворяются, будто веру нашу исповедуют здраво, но которые отделились и собирают собрания в противовес нашим правильно поставленным епископам. Кроме того, если некоторые из принадлежащих Церкви за какие-либо провинности ранее были осуждены и извержены из клира или отлучены из разряда мирян, то и таким да не будет позволено обвинять епископа до тех пор, пока не очистят себя от обвинения, под которое сами подпали. То, что "богородичники" – еретики, будет подробно доказано в разделе "Вероучение". Скажем лишь о том, что они не только повторяют "древние" ереси, но и изобретают новые, за что и были осуждены Архиерейским Собором РПЦ в декабре 1994 г. А вот о том, что БЦ пытается стать альтернативой канонической иерархии Русской Православной Церкви, речь пойдет в настоящей главе.

Итак, вернемся к "катакомбному" этапу становления БЦ. Краснодарский монастырь, о котором мы начали говорить, принадлежит, пожалуй, к наиболее сомнительной с точки зрения каноничности, и, в то же самое время, к наиболее многочисленной т. н. "секачевской" ветви "катакомбной" церкви. Это название она получила по имени своего основателя "митрополита" Геннадия (Секача) (Георгий Яковлевич Секач (+1987 г.)). Согласно версии самих "секачевцев", многократно изложенной в "богородичной" литературе, Георгий с юных лет страдал за веру. В 1929 г. он был сослан на Кольский полуостров, в г. Кировск, откуда через 9 лет сбежал (отпущен домой на побывку и не вернулся), женился, но вскоре вновь был арестован и помещен в гомельскую тюрьму, где в 1939 г. впервые встретился с "архиепископом" Серафимом (Поздеевым) (+1971(?) г.), который, в свою очередь, якобы был тайно рукоположен самим святым Патриархом Тихоном, однако как-либо подтвердить достоверность этой хиротонии "секачевцы" не могут. Вскоре Георгий освободился, вернулся на родину, в Белоруссию, где принял священство (о юрисдикции судить трудно). В семье о. Георгия было четверо детей, однако "жизнь семейная не ладилась". Секач оставил дом и отправился странствовать. Остается не ясным, где и от кого он принял монашеский постриг. Так или иначе он очутился в Абхазии, где в районе Нового Афона основал тайную общину-монастырь, в которой "игуменствовал" (возможно, еще до принятия пострига и "епископства"). В начале 70-х г. г. Секач вновь встретился с "архиепископом" Серафимом, к тому времени уже отпущенным на свободу (то ли в 1954 г., то ли в 1959 г., то ли в 1964 г.). В 1971 г. в домашнем катакомбном храме г. Бузулука "архиепископ" единолично рукоположил Секача во "епископа", что с т.з. православных канонов далеко не безупречно, и сам "владыка" Геннадий это сознавал. Об этом свидетельствует загадочное упоминание о повторной (!) хиротонии Секача двумя архиереями, каноничность которых (впрочем, как и имена) не известны. В 1975 г. Секач попадает в тбилисскую тюрьму, в которой отсидел два с половиной года. В это время там же находились 25 "архиереев" из Грузинской и Русской Церкви. Старейшим из них был "митрополит Кутаисский Малхаз", однако в Грузинской Патриархии ничего об этом иерархе не знают. Иеродиакон Иона причисляет Малхаза к грузинским "катакомбникам". Так или иначе, "секачевцы" вкуче с "богородичниками" утверждают, что в тюрьме в 1976 г. на тайном пасхальном богослужении "митр. Малхаз с собором архиереев посвятил владыку Геннадия в митрополиты". После освобождения из тбилисской тюрьмы Секач вместе с "епископом" Алфеем, еще одним ставленником Серафима (Поздеева), формируют иерархию "секачевской" ветви ИПКЦ: совместно они "посвятили в митрополиты" (? – характерна любовь раскольников и сектантов к пышным и бессмысленным титулам) Феодосия (Гуменникова) и Григория (племянник Секача). Позже добавился "митрополит" Елифаный. В этом составе "секачевцы" и обосновались в тайном монастыре на Кубани. Как можно было понять на основании изложенного материала хиротония каждого из "иерархов" ИПКЦ весьма сомнительна с канонической точки зрения.

Согласно официальной версии БЦ, в 1985 г., по другой версии (что удивительно, изложенной в той же самой книге!) – в 1987 г., "синод" в составе "митрополитов" Геннадия, Феодосия и Григория постригают и рукополагают в "иеромонахи" Береславского и Большакова (возможно еще Малахова с именем "Серафим" и Попова с именем "Илья"). Остается не ясным, каким образом сразу три "митрополита" совершали священнические хиротонии? Возможно, ситуацию прояснят два документа: "Окружное послание иерархии Тихоновской катакомбной Истинной Православной Церкви от 21/3 мая 1992", подписанное "схимитрополитом Феодосием" и "митрополитом Елифанием" и справка "Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви – Московское епархиальное

управление от 13.02.93" за подписью "епископа Никона (Ламекина)". Согласно этим документам будущие "богородичные" "иерархи" были рукоположены уже после смерти Секача (+1987 г.) в 1988 г. единолично "схимитрополитом" Феодосием. В своем "Окружном послании" Феодосий и Епифаний отлучают от Церкви "иеромонахов" Иоанна, Петра и Серафима за "параклитскую ересь третьего завета". И не смотря на то, что БЦ оспаривает подлинность указанных документов, налицо разрыв канонического общения между "иерархиями" ИПКЦ и БЦ. О том же свидетельствуют и весьма холодные отзывы Береславского о Секаче: "Сила веры, непрерывная молитва и бескомпромиссное свидетельство. В основном качества, как мы видим, внешние. Пути внутреннего, узкого, митрополит не ведал. Глубинного покаяния, как его понимает духовное крыло ИПЦ "т. е. БЦ -д.И.", ныне преображенное в братство Божией Матери, не познал".

Так или иначе, в 1992 году "иеромонах" Иоанн (Береславский) именовал себя уже "архиепископом". Порой "богородичников" обвиняют в самосвятстве, и для этого имеются веские основания, иногда делается предположение о том, что Береславский и иже с ним получили "епископское" достоинство от "иерархов" ИПКЦ, однако на самом деле имел место другой вариант развития событий. По официальной версии БЦ, Береславский (и в его лице все российское "богородичное" движение) получил "апостольское преемство" от главы раскольничьей Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ) "митрополита" Иоанна (Боднарчука) (Василий Николаевич Боднарчук (1929-1995 г.)). Боднарчук родился и вырос в Тернопольской области, в селе Иване-Пусте (весьма промыслительное название для родины будущего раскольника Иоанна). В молодости Василий участвовал в движении украинского сопротивления (ОУН), за что в 1947 г. был сослан в Казахстан. Отсидел 9 лет. Освободившись, поступил в Ленинградскую Духовную Семинарию и затем в Академию. Оканчивая Академию в 1964 г. Василий уже был пресвитером. В 1977 г. о. Василий был пострижен с именем Иоанн и рукоположен во епископа Житомирского. В ноябре 1989 г., обидевшись на резолюцию Священного Синода относительно себя (Боднарчук был отправлен на покой по состоянию здоровья), владыка Иоанн вышел из подчинения Московской Патриархии (РПЦ) и объявил себя "первоиерархом" Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). В ответ на это Священный Синод РПЦ постановлением от 14 ноября 1989 г. (позже подтвержденным на Архиерейском Соборе РПЦ 30-31 января 1990 г.) на основании Церковных канонов лишил самозванца сана и монашества. Но, не смотря на решение Собора, начиная с 1990 г. Боднарчук совершил целый ряд самочинных "хиротоний". Доподлинно известно о шести из них. Вероятно в это смутное время была совершена хиротония и над Береславским, точнее над его посланниками. Дело в том, что по одной версии, изложенной самим лжепророком, он "в епископы был рукоположен и в архиепископы возведен митрополитом Иоанном Боднарчуком (ныне покойным) и двумя другими архиереями Украинской Автокефальной Православной Церкви". Однако, согласно другой, более правдоподобной версии, Боднарчук лично не принимал участия в хиротонии, он лишь дал на нее свое "благословение". Сами сектанты описывают произошедшее следующим образом: "в феврале 1991 г. по благословению митр. Иоанна (Боднарчука) "состоялась" хиротония в катакомбном храме в Москве о. Иоанна "Береславского", архимандрита катакомбной Истинно Православной Церкви, в епископы Российской Автокефальной Православной католической Церкви". Ни сами сектанты, ни кто-либо из исследователей их истории не говорят о том, кто же именно совершил "епископскую" хиротонию. Сказано лишь "через иерархов УАПЦ". Существует и еще одна версия, в которой изменены не только сроки хиротонии, но и юрисдикционная принадлежность ее совершителей: "12

декабря 1990 года в домово́й Церкви Покрова Пресвятой Богородицы двумя архиереями Катакомбной Церкви был хиротонисован во епископа архимандрит Иоанн (Береславский)". Это сообщение еще более запутывает следы. Однако мы имеем возможность, основываясь на свидетельствах очевидцев и непосредственных участников точно реконструировать те события. Естественно, что ни у кого из "иерархов" УАПЦ, способных выполнить "благословение" Боднарчука, в ряд ли бы возникло желание отправиться в Первопрестольную для этой более, чем сомнительной хиротонии. Но, как говорится, "если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе". В Киев для хиротонии отправились два посланника Береславского: уже упомянутый нами запрещенный священник Константин Васильев и его "духовник" "священник" Тихон Филипов (Владислав Дмитриевич Филипов позже женился и отошел от БЦ). Там они получили "апостольское преемство" и возвратились в Москву. Именно они были теми загадочными архиереями то ли ИПЦ, то ли УАПЦ, совершившими "хиротонию" над Береславским и его приближенными.

В апреле 1992 г. Боднарчука изгнали из УАПЦ. Естественно, что никто из "автокефалов" не признал законность рукоположения Береславского. Здесь же следует упомянуть о том, что Боднарчук предпринял попытку вернуться в РПЦ, однако он не стал дожидаться решения Поместного Собора и вернулся в раскол, уже "филаретовский" (УПЦ-КП). Осенью 1995 г. Боднарчук погиб в автокатастрофе.

Несмотря на все оговорки о "преемстве в духе", лжепророку никак нельзя разрешить одного логического противоречия: если он не признает благодатной преемственности в РПЦ, то он автоматически должен подвергнуться сомнению епископское достоинство Боднарчука, ставленника РПЦ. Признав епископство Боднарчука, Береславский вынужден признать благодатность и каноничность РПЦ. То же самое относится и к вопросу о благодатности "патриархийного" священника Контантина Васильева. Видимо, не желая лишней раз демонстрировать собственную непоследовательность, "архиепископ" в последнее время избирает путь политкорректности: "Есть промыслительные траектории церковного пути, с трудом поддающиеся человеческому прослеживанию. Бог как бы разводит странствующую церковь на две колонны. Вот они шли вместе и на время как бы разошлись их пути. Обе огибают некое препятствие с разных сторон, а затем встречаются вновь и делятся опытом". Впрочем, у Береславского в запасе есть еще более радикальный способ снять имеющиеся противоречия – это учение о возможной преемственности "от руки Самой Пречистой", но об этом речь пойдет в главе "3.3.5. Священство".

1.3. Внутренняя история секты

На документе, заверенном подписью и печатью "митрополита" Иоанна Боднарчука говорится о том, что Береславскому благословляется быть "епископом Санкт-Петербургским и Валаамским" (?!), а возглавляемая им организация именуется "Российская Автокефальная Православная Церковь". Однако это название никогда не было официально использовано. Изначально БЦ был зарегистрирован как "Московская городская профсоюзная организация священников и монашествующих". С тех пор это абсурдное название не раз менялось. В июне 1991 г. профсоюз был преобразован в общественно-просветительский фонд "Богородичный Центр", который с 27 апреля 1993 г. стал именоваться "Фондом Новой Святой Руси". Этот прием, широко используемый сектами (напр., мунитами), называется "конфессиональная анонимность". Его

цель ввести потенциальную жертву в заблуждение, не дать человеку заподозрить подвоха, что гораздо легче сделать, если действовать на правах светской организации, а не "церкви".

Параллельно с профсоюзными и общественно-просветительскими организациями регистрируются и религиозные. В июне 1992 г. в Управлении юстиции Мосгорисполкома была зарегистрирована первая религиозная община "Церкви Божией Матери "Преображающейся"". Данное наименование было избрано сектантами еще на I Богородичном Соборе, проходившем в Москве 15-16 июня 1991 г. В феврале 1997 г. "церковь" сменила старое название на новое: "Православная Церковь Божией Матери Державная". Это название, в качестве единого для всей секты (и для московской общины) сохраняется и по сей день, хотя на местах возможны варианты.

Неоднократная смена названий свидетельствует о частых изменениях в настроении "архиепископа" Иоанна, кроме того, имеется и мистическая подоплека этого явления. В БЦ имя магически отождествляется с именуемым (человеком, предметом), поэтому, например, существует практика переименования людей, осужденных на покаяние. Возможно, что смена самоназвания свидетельствует и о частичной смене вероучительного и религиозно-практического курса секты. Сама история БЦ дает нам основания так полагать. В первые годы своего существования "богородичники" прославились экстремистскими выходками и откровенным эпатажем. Так 7 января (на Рождество) 1992 г. представители БЦ предприняли попытку захвата здания московской районной библиотеки №221, расположенной на ул. Берзарина д. 6. После вмешательства ОМОНа, выдворившего захватчиков, "богородичники" устроили демонстрацию протеста в здании столичной мэрии. 20 июня того же года без разрешения властей сектанты устроили "богослужение" на Лубянской площади у Солвецкого камня. После нескольких часов экзальтированного исполнения песнопений типа "Боже, Царя храни" и "Смело мы в бой пойдем за Русь святую" сектанты отправились на Красную Площадь, где попытались прорваться в мавзолей. После неудачного штурма они предали анафеме Ленина и "изгнали его дух". Вообще, это был хорошо продуманный рекламный ход: в первые годы перестройки, особенно после неудачного путча, в народе были очень сильны антикоммунистические настроения. Береславский со своими соратниками умело использовали их для завоевания популярности. Идеологи БЦ в многочисленных публикациях и выступлениях раскрывали "мистическую глубину" отечественной истории. Так коммунистическая власть отождествлялась ими с апокалиптическим красным драконом о трех головах (здесь следует заметить, что апостол Иоанн говорит о драконе с семью, а не тремя головами (Откр.12:3)): КПСС, КГБ и "Красная Патриархия" – РПЦ (!). А поражение путчистов в августе 1991 г. объявлялось победой Божией Матери в "священной войне" с красным драконом (правда, к великому сожалению сектантов уцелела последняя, "третья голова" – Московская Патриархия). Все это, впрочем, не мешало Береславскому заигрывать перед отдельно взятыми путчистами и искать признания от Русской Православной Церкви.

Однако, не смотря на некоторые успехи, прежде всего объясняемые обманом людей, не понимающих принципиальной разницы между Православной Церковью и "Православной Церковью Божией Матери Державная", БЦ завоевал в народе недобрую славу в связи с многочисленными скандалами в семьях сектантов. Как правило, люди уходившие в секту, бросали родителей, жен, мужей, детей, учебу, работу. Их изолировали в "богородичных" "обителях", а, если адепты

БЦ и оставались в семье, то вели себя агрессивно по отношению к близким, в первую очередь, к матерям. Было очевидно, что психическому и физическому здоровью сектантов наносится непоправимый вред, и родственники пострадавших забили тревогу. На основании многочисленных писем родственников и близких сектантов (не только "богородичников") при поддержке Комитета по спасению молодежи в марте 1994 г. в отношении руководителей и активных участников БЦ отделом по надзору за исполнением законов о межнациональных отношениях прокуратуры г. Москвы было возбуждено уголовное дело. В ходе разбирательства в ноябре того же года было проведено исследование учения секты экспертной комиссией Государственного научного центра социальной и научной психиатрии им. Сербского. На основе изучения сектантской литературы психиатры сделали вывод о том, что в ней "содержатся призывы на причинение психического и физического вреда здоровью граждан, ..." к невыполнению гражданских обязанностей, такие как отказ от брака, воспитания детей, учебы, общественно полезного труда". К подобным выводам пришли и специалисты из Санкт-Петербурга, проводившие экспертизу в 1995 г. Возбуждение уголовного дела явилось мощным стимулом для пересмотра идеологами БЦ своей деятельности, в результате чего, с одной стороны несколько смолк резкий обличительный пафос "пророка" (ряд старых публикаций, напр., "Коммунистические б"..." – жрицы супротивицы" "игумена" Николая (Румянцева) были объявлены не соответствующими учению БЦ), с другой – произошло ослабление аскетических требований по отношению к адептам секты. Им разрешили более или менее полноценно питаться и спать. Кроме того, сектантам был дан приказ не конфликтовать с родственниками. В июне 1996 г. уголовное дело против активистов секты было закрыто, и все же негативное отношение российского общества к БЦ вряд ли когда-либо изменится.

Другим мощным стимулом к изменению методов БЦ явилось стремление Береславского наладить контакт с зарубежными "марианскими" сектами и маргинальными католическими группами. В ноябре 1994 г. Береславский принял участие в "I Соборе марианских епископов всего мира" в Японии, на котором было провозглашено создание "Вселенской Марианской Церкви". А уже 12-14 мая 1995 г. в Москве в рамках "XII-го Богородичного Собора" состоялся "II-й марианский Собор" ("Всемирный Конгресс православный и католических марианских церквей"), на котором присутствовали "боговидцы" и гости из стран СНГ, США, Канады, Японии, Мексики, Сингапура и Франции. Среди них, например, "патриарх Вселенской Марианской Церкви Афанасий-Константин" из Калифорнии (США). Можно предположить, что Береславского не устроило наличие какой-либо конкуренции (зачем ему был нужен "вселенский патриарх"?) и впредь столь крупномасштабных контактов с "братьями-марианским" он не искал (разве что он поддерживает дружбу с японской "боговидицей" Розеттой из Хиросимы и некоторыми другими "марианами"). Возможно, что и сами "мариане" не признали в Береславском своего пророка. Это видно из реплики обиженного Береславского: "Среди мариан запада много фарисеев".

Так или иначе, 1993-1994г г. стали во многом переломными для жизни БЦ. В этой связи весьма символично, что 12-14 июня 1993 г. в Санкт-Петербурге состоялся "I Всероссийский покаянный Собор", он же VII "богородичный", на котором, с помощью весьма бюрократической процедуры (сбор подписей), было принесено "покаяние в грехах отдельными людьми, ведомствами, сообществами, от лица профессий, целых городов и всей России". К слову сказать, этот "Собор" был сорван представителями другой печально известной отечественной секты – "Белого братства". На сегодняшний день (весна 2003 г.) состоялось 22

"Богородичных Собора". Соборы проходят 1-3 раза в год и каждый раз длятся 1-2 дня. Повод для созыва очередного "Собора", как правило, бывает весьма абстрактный ("венчание Девы Марии на мистический престол Новой Святой Руси", "коронация Божией Матери", "личное посвящение Сердцу Приснодевы", "омовение Руси в Белой Купели" и т. п.). Собор для "мариан" является не способом решения насущных проблем секты, а очередной "ступенью посвящения России Божией Матери". "Собор" – это праздничное действо, фестиваль с долгой (намного длиннее обычного) службой, спектаклями-мистериями, бесконечными проповедями и "пророчествами" Береславского. Помимо "всероссийских Соборов" проводятся и "поместные": в Донецке (июль 1992 г.), Иркутске (май 1994 г.), Твери (май 1999 г.). Хотя устав БЦ предусматривает соборное управление сектой (пп.№ 3.6-3.18; 3.22-3.23), на практике все нити власти собраны в руках Береславского – "Главы Духовного Управления", а само "Духовное Управление" (аналог Священного Синода) и "Собор Епископов" лишь формально "одобряют" его инициативы; инакомыслящие анафематствуются и объявляются приспешниками дьявола, т. о. БЦ несомненно является тоталитарной организацией. До недавнего времени ближайшими помощниками Береславского были "генрал-епископ" Петр Большаков и "священник" Паисий Краснов, однако в последние годы идеологическое управление, а главное – контроль над финансовыми потоками БЦ превратился в "семейный бизнес". У кормила секты помимо Береславского в настоящее время находится его жена и зять "архиепископ" (??) Александр Долаберидзе.

На сегодняшний день секта насчитывает не более 2-3 тысяч последователей и имеет общины примерно в 50 городах России и СНГ (помимо Москвы и Санкт-Петербурга БЦ действует в Твери, Нижнем Новгороде, Архангельске, Саратове, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Уфе, Улан-Удэ и др). Не во всех городах общины регистрируются официально (регистрацию имеют около 20 общин). Известны случаи, когда местные власти отказывали "богородичникам" в регистрации (например, в 1995 г. в Иркутске и в 1997 г. в Санкт-Петербурге). Зачастую речь идет о малочисленных группах ("агапах") по 5-10 человек, порой не имеющих собственного "священника". В секте имеются и свои "обители". Многие из них сначала размещались на квартирах, потом обзавелись частными домами. "Обители", как правило, смешанные (например, на 2-м этаже – мужчины, на 3-м – женщины), хотя в них могут проживать не только "монахи", но и семьи. Существуют "обители" в Подмосковье (пос. Трудовая, пос. Вешки Мытищинского р-на МО, дер. Глазово дер. Бабаиха Дмитровского р-на МО, в Санкт-Петербурге, под г. Северодвинском Архангельской обл. и др. При "обителях" действуют хлебопекарни, пошивочные и ремесленные мастерские.

В БЦ организована и своя "Духовная Академия "Свет Марии" им. преподобного Симеона Нового Богослова", имеющая очное и заочное отделение, а также филиал в Санкт-Петербурге. В "Академии" обучается более 100 студентов. Среди преподавателей "богородичной" МДА имеется два "доктора богословия" ("священники" Илья Попов и Викентий Давыдов) и один "кандидат" ("священник" Тимофей Животов). При "Академии" действуют полугодовые курсы для "благовестников". В 1994 г. по инициативе БЦ в г. Балашихе Московской обл. был учрежден "колледж "Императрицы Александры"", зарегистрированный в 1996 г. как "негосударственное общеобразовательное учреждение школа "Вечной Весны"". Помимо обязательных предметов дети проходят "экспериментальный" курс по "Белому Евангелию" – главному труду Береславского, описывающему всемирные "марианские" явления. Все преподаватели этой школы являются прихожанами БЦ.

С 1991 г. при секте действует издательство "Богородичный Центр", с 1993 г. переименованное в "Новую Святую Русь". За минувшие годы этим издательством выпущено свыше 300 наименований книг. Прежде всего, это "откровения" и проповеди Береславского и труды "богородичных отцов". Среди периодики – журналы "Оазис Мира", "Россия Нового Тысячелетия", газеты "Рыцарь веры", "Милосердие Богородицы", "Державная Мать", выходившие тиражом от 1 до 80 тыс. экз.

В ряде городов России и СНГ в миссионерских целях сектантами были проведены бесплатные выставки, преимущественно посвященные "марианским" явлениям по всему миру. "Богородичные отцы" и "благовестники" навещают больницы, тюрьмы, интернаты, дома престарелых, где ведут благотворительную деятельность.

Особые надежды Береславский возлагает на "патриотические силы" России, в особенности, армию. В связи с этим прозападная "рыцарская" атрибутика сектантов была заменена "родной" "богатырской", повышенный интерес стал проявляться к казачеству. Известно, что у БЦ до недавнего времени имелись связи с краснодарскими и ставропольскими казаками, возглавляемыми неким Виктором Васильевичем Коваленко, однако речь идет об объединениях отколовшихся от официальных структур казачьих войск.

Лжепророк неоднократно предпринимал попытки проникнуть и в Российскую армию. Под видом православных священнослужителей "богородичники" навещают военные части, проповедуют, совершают "крещения", предлагают офицерам стать священниками, говоря, что "только офицеры спасут Россию". Одно время у них были устойчивые контакты с военными. Так, например, "священники" БЦ "окормляли" дивизию им. Ф.Э. Дзержинского, одну из частей воздушно-десантных войск в г. Наро-Фоминск. В январе того же года "духовное управление" БЦ даже обратилось с просьбой к главнокомандующему ВМФ РФ адмиралу В.И. Куроедову с просьбой о предоставлении военного корабля для "кругосветного Крестного хода", однако им было отказано. Свои амбициозные планы относительно армии Береславский оправдывает "благословением Царицы Небесной". Еще в 1991 г. от имени Божией Матери он обращался к военным со следующими приказами: "Я, Царица Российская, помазанная на Престол Самим Первосвященником Иисусом, повелеваю вам: присягнуть Мне как Своей Военноначальнице Верховной, пасть на колени и преклонить пред Мои "Мной" стопы, признать Меня живой управляющей Россией"! Примерно те же требования выдвигались и в 1995 г.: "Покоритесь под Мою эгиду! Признайте Мою власть и силу "...". Благословляю "...". принести публичный обет отречения от власти лукавого и присягнуть Мне, как Матери армии, Матери Церкви, Матери новой России"! Движимый жаждой власти Береславский требует, чтобы "пророк Пречистой был правой рукой при Президенте России". Но и это еще не предел утопическим фантазиям "пророка". Его конечная цель – тоталитарное государство, "теократия святых" (об этом речь пойдет в главе "2.5.2 Учение о последних временах").

II. Вероучение

2.1. Теология и мариология

2.1.1. Учение об ипостаси как имени (триадология)

Для любой религиозно-философской системы представление о Божестве являются той отправной точкой, тем зерном, из которого произрастают и все теоретические вероучительные построения, и нравственные убеждения, и аскетическая практика. В этом зерне сконцентрировано все, чем впоследствии характеризуется данная система. Вот почему разбору "марианского" учения о Боге необходимо уделить особо пристальное внимание. Для начала посмотрим, каково же "марианское богомыслие о догмате Пресвятой Троицы"?

Вопреки декларируемому "православию", в "пророческих" и дидактических текстах БЦ отсутствует внятное изложение исконно православного учения о Святой Троице. Нигде, в том числе и в "Державном катехизисе", определенно не говорится о том, что Бог един по божественной Природе и имеет три Лица (Ипостаси), которые просты, неслитны и неизменны. Нигде четко не определена внутритроичная субординация: от безначального Бога Отца рождается Бог Сын и исходит Дух Святой. А если порой у "отцов" БЦ и встречаются высказывания, формально не противоречащие православной догматике, то в общем контексте "марианского" учения они теряют свой ортодоксальный смысл. Зато, в сочинениях БЦ четко видны следы католического влияния. Некоторые высказывания имеют явные аналогии с латинским учением о *filioque*. Но на этом сходство между католической триадологией и "марианской" теологией прекращается. Ведь, если в католической Троице Ипостась Святого Духа приижена перед Ипостасями Отца и Сына, то в учении Береславского прочие "Лица" нисколько не уступают Духу в своем безличии! Например: "В действительности Бог Отец есть энергия абсолютной Любви". Следует напомнить, что именно христианской богословской мысли принадлежит заслуга в определении понятий "лицо" и "ипостась" как простого, неизменного, неделимого, самождественного, уникального, глубинного "я". "Мариане" вкладывают в понятие "лицо" и "ипостась" совсем иной, неправославный смысл: "Ипостась – деятельное проявление Божества или Божественной силы, которая создает мир". В качестве синонима к слову "ипостась" идеологи БЦ используют понятие "имя", что роднит их учение со взглядами еретиков евномиян (Шв.), каббалистов (имеется ввиду концепция сефирот) и крайних "имябожников" (ХХв.): "Ипостась тесно связана с именем. Имя как бы заключает в себе основную функцию ипостаси". Таким образом, для "богородичников" ипостась – это модус Божественного бытия (отсюда название одной из ранних христианских ересей – модализм (Шв.), Его "проявление", "имя", которое носит временный, неустойчивый характер, вследствие чего божественные Лица лишены ипостасной самождественности, они взаимозаменяемы: "Другой смысл ипостаси – замененность: Отец проявляется в Сыне и Сын в Духе", "Дух Святой, открывшийся как Божие Слово" или наоборот: "Бог открывался как Слово в Евангелии и свидетелях и через откровение тайн явится как Дух Святой по всей земле". Поэтому Троица, которая видится Береславскому "очами Божией Матери", предстает перед нами как некая изменчивая монада: "Тайна Троицы величайшая, – вещает лжебогородица, – Сын и есть Отец, и Он же – Дух Святой "!!! -д.И." Один в Трех и Три в Едином". "Сын Божий, Он же Отец и Дух Святой и Слава Троицы Превечной", "Тот, который и Сын и Отец и Дух Святой в одном Лице "!! -д.И."". Слияние различных "Лиц" происходит за счет "истощания Отца в Сына и Духа Святого". Не удивительно, что в текстах БЦ Святая Троица с одинаковым успехом может именоваться: "Бог Отец, Триипостасный Всесильный Самодержец", "Триипостасный Христос" (как вариант – "Триипостасный Сын") или "Дух, единый в трех Лицах".

Береславский учит о скором наступлении Третьего Завета: "Три завета (Ветхий, Новый, Святодуховский) – одно". При этом, "если ипостась Отца была явлена, дабы соизжидить и устроить, задача Сына – спасти через Жертву, то Дух Святой не устроит и не распинается, но животворит и воскрешает, и потому настал час воскресения из гробов, ибо пришла эпоха Третьей Ипостаси", "Грядет эпоха Духа Святого". Из приведенных текстов можно предположить, что модусы Божества должны последовательно сменять один другой, но на самом деле все обстоит гораздо сложнее: различные ипостаси-модусы действуют параллельно, причем каждая из них, в свою очередь, может иметь несколько ипостасных имен-проявлений. Так "пророк" сообщает своей пастве, что "отличительная черта новой эры: двойственная ипостась "! -д.И." Христа – Агнец и Жених", далее следует уточнение, число ипостасей Христа одновременно увеличивается до трех: "три изумительных неслиянных "? -д.И." ипостаси Христа последних времен: Царь, Агнец и Жених". И, наконец, самый удивительный пассаж (вот уж, где, воистину, "начинается наложение ипостасей и путаница", а никак не в учении, сформулированном на семи Вселенских Соборах, как полагают идеологи БЦ): "На скрещении ипостасей "! -д.И." будет дан истинный образ Христа: юный Царь Славы. Образ юной Божией Матери, который нам раньше давался, теперь будет дан как образ Господа".

Абсолютно непонятно, что имеет в виду субъект откровения, когда заявляет: "Господь наш всегда один и тот же". По сути, "марианами" наносится удар по одному из важнейших тезисов христианской догматики о неизменяемости Божественного бытия. Согласно православному пониманию Бог, по Своей Природе, находится над изменчивым миром, в Нем "нет изменения и ни тени перемены" (Иак.1:17), "Бог "... не сын человеческий, чтоб Ему изменяться" (Чис.23:19; Мал.3:6). Береславский же пытается вовлечь Бога в игровое пространство падшего мира, в котором "все течет, все изменяется", и подчинить Его закону изменения. Об опасности для православия подобного учения еще в IVв. предупреждал святитель Григорий Богослов: "Сократив понятие о Боге в одну ипостась, оставим у себя одни голые имена "! -д.И.", признавая, что один и тот же есть и Отец и Сын и Святой Дух и, утверждая не столько то, что все Они одно, сколько то, что каждый из Них ничто "! -д.И.": потому что переходя и переменяясь друг в друга, перестают уже быть тем, что Они сами в Себе". Но для наших оппонентов должен быть более весом не богословский, а мистический довод. Его предоставляет нам житие другого великого святителя Григория Неокесарийского. При появлении савелиианской (модалистической) ереси он молился Господу и Божией Матери. В ответ на горячую молитву подвижника явилась Богоматерь с Иоанном Богословом (святым, имеющим особенный авторитет среди "мариан"). По повелению Царицы Небесной апостол Иоанн изложил святителю истинное учение о Святой Троице, которое было им тут же записано.

Теперь мы вплотную подошли к основному вопросу "марианской" веры. Кем для "богородичников" является Дева Мария, Богом или человеком, и в каком отношении к Богу она находится? Вопрос чрезвычайно сложный и однозначно на него ответить нельзя, потому что мариалогия БЦ неотделима от теологии и в своей совокупности они представляют громоздкое, разветвленное и избыточное противоречиями учение о "метаипостасях" Божества. Мы попытаемся изложить его лишь в общих чертах.

2.1.2. Учение о Женском Начале в Боге (учение о "метаипостасях")

Всего существует три "метаипостаси". Это, как бы, стадии, разворачивающегося во времени, эволюционного процесса внутри безликого Божества. Первая "метаипостась" охватывает период от сотворения мира до Нового Завета. В этом "метаисторическом" периоде, как и во всех последующих, Божество имеет как Мужское ипостасное проявление, так и Женское. Маскулинная ипостась Божества выступает как "Создатель, Зиждитель, Творец", "Отец всякой твари и Зиждитель всего сущего", "Отец Светов". Феминная – как "Премудрость Божия, Светоприемница Божественного Света, Ее ипостась – "Мать творения"". "Премудрость Божия – это как бы женственное премилосердное откровение Вседержителя-Творца". Но не просто "откровение", а Сам "Бог, открывающийся в женской ипостаси, Мать Милосердия или, как мы учим, Пресвятая Дева". "Я "Мария" Вышний Бог, Я твоя Царственная Мать". Божественной Софии уже в первый "метаипостасный" период усваиваются имена "Богородица", т. к. Она "являла сияние Солнца Божества", была "Славой Божией" – мотив шехины – и даже "Мария Сокровенная". Это становится возможным в силу того, что первая "метаипостась" прообразовательно уже содержит в себе все последующие. Эпитет "Сокровенная" также указывает нам на доминирование в первом "метаипостасном" периоде Мужского начала над Женским: "Ветхий Завет – Завет Создателя. Метаипостасное проявление Марии здесь крайне ограничено". Важно отметить, что Женское начало в лице Софии-Богородицы-Марии отождествляется со Святым Духом. София-Мария не просто "стояла у Трона Божия при сотворении мира, Духом Святым уневестовлённая Отцу", она – сам (или сама) "Дух Божий, в образе голубя носившийся над бездной". Этим обстоятельством объясняется и то, что Святой Дух назван "Ипостасью Богородичной".

Вторая "метаипостась" охватывает период от Боговоплощения до наших дней. Новый этап обусловлен рядом изменений в структуре Божества. Об их причинах и целях мы скажем позже, формальная же сторона изменений такова: Мужское начало Божества отныне выступает как "Отец", а Женское как "Богородица". Они порождают или, скорее, переходят в Ипостаси Христа и Марии, соответственно. "Господь-Отец привел в мир едиnorodного возлюбленного Сына Своего, Свою Вторую Ипостась. Себя Самого низвел в образ человеческий и принял зрак раба", "в лице Иисуса пришел в мир Сам Бог Отец". В свою очередь "Премудрость созидает Себе дом. Это очень важно понять, ибо речь идет о Марии", "Премудрость Божия олицетворена в образе Приснодевы". При этом Женская ипостась Богородицы-Марии явно выходит из тени. За редким исключением во всем подчеркивается Ее равенство со Христом: "Перед очами Отца Небесного Пресвятой Деве и Господу подобает равная слава !!! -д.И.". Это равенство особенно ярко проявляется в равноценности Христа и Марии в деле нашего спасения. Христос уже не Искупитель, а "Соискупитель человечества", Мария – "Соискупительница", при этом сама она, "не нуждающаяся в Искупителе", "могла не умирать, и быть живой восхищенной на Небеса". Христос и Мария – "Агнец и Агница, два Соискупителя". Единственным, на первый взгляд, существенным недостатком Марии по отношению ко Христу может показаться Ее тварность. Мария – "Дочь Человеческая, призванная из смертных, Тварь от Творца", "земная и смертная женщина". Но здесь кроется некая уловка. Во-первых, "богословы" БЦ с тем же успехом рассуждают и о тварности Самого Христа: "Сын Божий тоже творение", – вслед за еретиком Арием (IVв.) заявляют они. Оказывается, Христос имеет не просто "человеческую ипостась", а "тварную ипостась", – что по существу является откровенным несторианством (Vв.) – и, т. о. сотворены и Христос, и Мария, и это обстоятельство вновь уравнивает их статус. Во-вторых, сам тезис о тварности Богоматери так и остается тезисом, не подкрепленным никакими серьезными доводами. Вот пространная цитата, излагающая учение о тварности

Девы Марии: "Дочь Вышнего Отца в человеческом естестве, будучи в отличие от Господа Богочеловека, смертной по происхождению, являет собой другую тайну – тайну Неопалимой Купины: куст горит и не сгорает (Исх.3:2). Под кустом здесь имеется в виду падшая человеческая природа, обреченная тлению, которая не способна принять свет: огонь Духа Святого ее испепеляет. И вот огонь горит и куст не опалается, – это и есть тайна Марии". "Будучи смертной по происхождению...", но, если верить Береславскому, ипостаси Христа и Марии существовали превечно: в первой "метаипостаси" уже "прообразовательно содержалась Богородично-христианская ипостась Иисуса и Марии". Мария подобно Иисусу, "Который был сотворен"! -д.И." по имманентно содержащемуся в Пресвятой Троице образу, также потенциально содержалась в Славе Пресвятой Троицы "напомним, что Мария именуется "Славой невестственной" или "Олицетворенной Славой" Бога", куда и была возвращена по Успении". Мария – Превечная Невеста Превечного Жениха. Вероятно, следует сделать акцент на слова "в человеческом естестве" и обратить внимание на различия в образе зачатия Иисуса и Девы Марии, к тому же, для Береславского этот аспект составляет "одну из самых важных тайн", т. к. "зачатие – священнодействие". "Мариане" признают, что в отличие от "бессеменного" зачатия Христа, зачатие Богоматери "небессеменное", хотя при этом они и не берутся судить о "степени участия престарелого и праведного Иоакима в зачатии"! -д.И.". Но, не взирая на указанное обстоятельство, в итоге, Мария и здесь не уступает Христу: Они – "совершенное человечество – Иисус и Мария", "они никак, никаким преемством, наследством или проклятием не связаны с грешной Евой и Адамом", их зачатие "абсолютно непорочное", в отличие от "относительно непорочного", "относительно порочного" и "абсолютно порочного" зачатия остального человечества. "Дева – символ небесной чистоты и совершенства", "в Ней не заключено было ни возможности, ни потенции, ни пятна, ни чего-либо сообразующегося, связанного с грехом", Она "абсолютно чужда греховному началу (первородному греху)" и отнести к ней слова "падшая человеческая природа, обреченная тлению" – "что выставить икону в похабном месте". Почему же "богородичники" так настойчиво подчеркивают "человечность" Марии? Дело в том, что "Отец"... посылает Сына затем, чтобы человечество возлюбило Его, как родного Отца. Но это почти невозможно и непостижимо". Тогда "Премудрость Божия посылает Марию, образ Которой доступней и ближе нам". Вероятно, именно в целях лучшей "приемлемости" идеологи БЦ делают акцент на мнимой тварности Марии. К тому же, Береславскому дает о себе знать рефлексия человека знакомого с православным учением и боящегося быть обвиненным в неправославии. Так или иначе, онтологическая дистанция между Творцом и тварью, кажется, легко преодолевается в момент Распятия. "Мария стала одно со Христом на Голгофе. Страстотерпец Крестный наделил Марию полнотой Божественной природы на Кресте". "Тогда Я "Мария" уже перестала быть земной женщиной и чудотворно, сердцем и всею полнотой ощутила Его"... Я была неотделима от Него и нерасторжима с Ним". Залогом этого единства стали "два сердца Иисуса и Приснодевы, соединенные в одно у Голгофы". С этого момента, "первая из обоженных смертных существ, Мария принимает в Себя полноту божества". Приведенные цитаты лишней раз свидетельствуют о вере "мариан" в нетварность Девы Марии, т. к., по учению Церкви, разумная тварь (люди и ангелы) соединяются с Богом посредством божественной благодати, но ни в коем случае не в силу сущностного единения: "Обожение есть уподобление и соединение с Богом. Уподобление, но не слияние, – непреложная грань Божественной неприступности остается всегда ненарушенной". Вполне очевидно, что эта проблема беспокоила и самих "богородичников". Лишь недавно, на XXI-м "Соборе" (24 ноября 2001 г.) упомянутый нами "священник" Викентий Давыдов сделал первую серьезную попытку систематизировать учение секты по данному

вопросу. Мы здесь приведем большой фрагмент его выступления, т. к. в нем один из ведущих идеологов секты наконец внятно формулирует ряд важнейших положений "богородичного" вероучения: "Мучительная тайна "... Как это понять? Наше представление о Богородице Марии "... все-таки не вяжется с тем, что это София на земле "... София, пренебесная ипостась, Бог в Женской ипостаси "... была и остается премирно, пренебесно, но Она имеет Свое ипостасное выражение на земле – Богородицу Марию. Это Она, но Она в Своем инобытии на земле "... И вот, сначала они предельно разведены: на земле юная Дева, "... а София по-прежнему на небесах. Но эта предельная разведенность должна идти навстречу друг другу, и они должны воссоединиться. Пресвятая Дева проходит путь обожения, успенский одр, воссоединение с возлюбленным Сыном, но это "... менее известно, облечение в Софию. "... Затем Она возносится на небеса, тела Ее на земле нет. Она входит в славу Троицы, и дальше нечто для нас непостижимое, только теперь мы начинаем это уразумевать: Мария входит в Софию. София вбирает в Себя Марию, и это – новая реальность по имени "Жена облеченная в Солнце". Жена – Мария, облеченная в Солнце – Софию. Что происходит? Происходит то, что София обретает тот земной опыт, который никак иначе нельзя было обрести. "... И вот, через это возможности рода Адамова глубинно вбираются в Софию и Она становится тем высшим образцом, до которого мы можем взойти".

Но, несмотря на прозрачность формулировок, вопрос о тварности Пресвятой Девы пока еще не исчерпан. Мы выяснили, что Пресвятая Дева априори не имела в своем естестве тварного элемента. Не был он привнесен в природу Приснодевы и в момент ее воплощения. Зато можно предположить, что у Голгофы Мария восприняла не только полноту Божества, но и полноту тварности, когда в лице Иоанна Богослова усыновила себе весь Адамов род. "У Креста Иисус Христос совершает Свое последнее обетование или то, ради чего Он пришел в мир "!! -д.И." "... Он по благословию Отца Вышнего называет Марию Матерью христианского человечества. "... Марии в лице Иоанна унаследовано христианское приголгофское человечество. "... Отныне учеником, вестником и сыном Христа является тот, кто исповедует Марию своей родной Матерью. В этом органичное и промыслительное завершение Нового Завета". Все дело в том, что для "богородичников" это не символический, а глубоко онтологический акт, в результате которого "Пресвятая Дева становится Матерью Церкви и Матерью каждого из нас. У Креста церковь (в лице Иоанна) усыновлена Пресвятой Деве". "Сердце Твое вместит весь род человеческий" – предупреждает свою Мать "Христос". И Богородица становится "соборной Девой Марией". "Я приняла в Себя души всех людей вместе и каждую в отдельности, и это тайна". Отныне Мария действует уже "в Своем Соборном Сердце от лица человечества земли "... от лица всех Своих детей, ибо Ей препоручен адамов род". Скорее всего, человечество, усыновленное Марией и помещенное ею в своем Сердце, которое также является не просто поэтической абстракцией, библейским антропоморфизмом, а вполне определенным божественным атрибутом, и следует понимать в качестве пресловутого тварного элемента. Таким образом, Женский лик Божества одновременно содержит в себе различные "ипостаси": "Ипостась Матери во Мне, ипостась Любви божественной "ср. с определением Святого Духа как любви -д.И." и ипостась Дщери земной".

В настоящее время начинается эпоха третьей "метаипостаси" – "человечество вступает в эру Христа-Эммануила. Это домостроительство третьего Лица. Родившийся через Пресвятую Деву на земле, ныне рождается и воплощается в каждом из своих творений. Эммануил в переводе "Христос среди нас"". В своей

третьей "метаипостаси" Мужское Божество предстает, с одной стороны, как Христос и Святой Дух (одновременно), но под эсхатологическим именем Жених: "Христос открывается нам ..." как Дух Святой – Жених", и, с другой стороны, как Христос-Эммануил – "младенец мужского пола", Бог, воплощаемый в каждой душе. В обоих случаях речь не идет об "историческом" Христе, т. к. "домостроительство Иисуса Христа, Единородного Сына, второго Лица завершено", поэтому для ясности будем употреблять имена "Жених" и "Эммануил". "Вторая метаипостась Богородицы втекает в Ее третью ипостась" и являет нам образ "Марии как Матери Эммануила (Христа, живущего в нас), как Матери всечеловеческой, Матери церкви и сокровенной Матери каждого из нас; Домостроительницы третьего Лица, вместе с Духом Святым совершающей обожение христианских ипостасей – личностей Христовых "! -д.И."". Мария "рождает свыше – Бога в нас и нас в Нем". Каждый человек должен, родившись заново в Лоне Марии, "стать сыном Вышнего и младшим братом Иисусу", посему "и наречется рождаемое Иисусом Христом Сыном Божиим". О чем именно идет речь в этих загадочных текстах станет более понятно, когда речь пойдет о "богородичной" сотериологии. Сейчас же обратим внимание на то, что в третьем "метаипостасном" периоде эпитет "сокровенный" вполне приложим ко Христу – Он "сокрыт" в Сердце Марии: "Христос сокрыт во Мне, как Я была сокрыта в Нем". Однако в образе Эммануила Христос сокровенно присутствует в каждой душе, во всем творении. В тоже время, "Сокровенная Мария", которая "прежде стояла в тени", теперь проявляет небывалую активность: "В отличие от первого пришествия (когда Спасителю принадлежала явная роль, а Божией Матери – сокрытая, тайная миссия), ныне, с началом тысячелетия Иисуса Христа, Ему отводится скрытая миссия ("на облаках небесных") Державной Божией Матери – триумфальная". В связи с этим в третьей "метаипостаси" у Феминного лика Божества имеется еще одно апокалиптическое имя, подчеркивающее его активизацию – Жена, Облеченная в Солнце или Дева Апокалипсиса. "XXI век – Век Богородицы, Жены Облеченной в Солнце". В ближайшее время "Царство Божие сойдет на землю, и начнется новая эпоха – эра Непорочного Сердца". "Триумф Моего "Марии" Непорочного Сердца, о котором Я говорила еще в Фатиме, – великое торжество побеждающей Церкви Христа". "Триумф Моего Непорочного Сердца будет полным".

Определенную сложность для понимания составляет двойственное положение Святого Духа. На всем протяжении данной главы утверждалось, что Святой Дух – Женское начало Божества, но в третьей "метаипостаси" он выступает в качестве Жениха, т. е. Мужского начала. В чем тут дело? Сразу предупредим, что предложенное объяснение не сможет разрешить всех противоречий, т. к. противоречивость – отличительная черта учения БЦ. Все же попытаемся. Во-первых, понятие "Дух" и даже "Святой Дух" в "богородичных" текстах может обозначать Божество вообще, а это значит, что термин "Дух" может в равной мере относиться как к Мужской ипостаси: "Дух спустился в образе Божественного Агнца, Сына Божия, и Дух же принял Жертву от Самого Себя", Бог Отец – "величайший из всех Духов", "Чистый Дух", так и к Женской: Богородица – "Дух духов", "всевластный Дух, устрояющий судьбы мира", "Дух от Духа родом". Иногда между различными проявлениями Духа проводится четкая грань, обособляющая "Духа Святого и Духа Приснодевы Марии". Во-вторых, именно третья "метаипостась" как ни какая другая являет нам "глубочайшую таинственную связь" Марии со Святым Духом: "Божество Святого Духа является сегодня через Пресвятую Деву", "Я и Святой Дух – одно", – говорит лжебогородица. "Я есть другая ипостась "т. е. в контексте мировоззрения БЦ – "имя" Духа Святого, так что Оба Мы составляем единое целое". Поэтому классическую православную

формулу "Отец, Сын и Святой Дух" "марианские" "богословы" легко подменяют "богородичной": "Отец, Сын, Мария" или "Отец, Мать, Жених". "Мы, – свидетельствует один из идеологов секты, – поклоняемся Отцу Небесному, Сыну Божию и Пресвятой Деве". Все это лишний раз доказывает тот факт, что для Береславского православная триадология является своего рода рудиментом, изжившим себя стереотипом, который сохраняется лишь по привычке ("никоенцареградский двенадцатичленный Символ веры устарел").

Тождество Марии со Святым Духом не только номинальное, но и функциональное. Во-первых, как "Ипостась Богородичная" Святой Дух выполняет медиативную, т. е. женскую, функцию внутри Божества. Такая же функция возложена и на Марию: "Отец изливает не вечерний Свет с Седьмого Неба Многострадальцу Сыну Божию через "-д.И." Мать Его Марию". Во-вторых, Мария и Дух абсолютно сливаются в третьем "метаипостасном" периоде в своей освячительной функции: "Мария обитель домостроительствующего в конце времен третьего Лица Пресвятой Троицы". Но это говорится об эсхатологическом периоде истории, а "пока не пришла кончина мира, Я, – говорит лжемария, – остаюсь в послушании у Духа Святого". Видимо, тварный элемент Марии все же привносит в отношения со Святым Духом (да и с Божеством вообще) отмеченную выше диалектику двуединства: "Дух Святой – Божия Мать, Я рядом с Духом. Я и есть Дух". В данном вопросе мы не претендуем на уяснение подлинного учения БЦ о "лице" Святого Духа, но позволим себе предположить, что когда между Духом и Марией намечена четкая граница, речь идет о сочетании "тварной" ипостаси Марии с нетварной мужской Ипостасью Божества, а когда лики Богоматери и Духа сливаются воедино, речь идет о перетекающих один в другой женских модусах Божества.

2.1.3. Попытка систематизации учения о Боге

Теперь для облегчения дальнейшего повествования пришло время разогнать "гностический" туман "богородичных" лжеоткровений и постараться упразднить излишние детали.

Итак, "марианский" Бог безлик и представляет Собой союз Мужского и Женского начала, которые, в свою очередь, образуют во времени три модальные пары. От цепи пар гностических эонов их отличает то, что предыдущая пара не столько порождает последующую, сколько "истощается", "втекает" в нее. "Я утверждаю: – несколько самонадеянно для догматиста заявляет "отец" Викентий, – по аналогии с догматом троического единосущия – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой суть "одно" (ср. Ин.10,30) – единосущны и три метаипостаси Пресвятой Девы в некоем высшем единстве. Олицетворенная Премудрость, Богородица Мария и Дева Апокалипсиса едины таким же сверхличным единством". И хотя автор всячески пытается устранить подозрения связанные с ассоциированием сверхличного и безличного ("сверхличное может быть и личностью, но не сводится к ней"), все же "сверхличное" – это когда "все личные структуры уже преодолены", "личный уровень превзойден", кроме того, в качестве единственного источника учения о "сверхличном" указывается дзен-буддизм, которому не знакомо учение о личности. Все это позволяет нам утверждать, что между собой "метаипостаси" каждого из двух божественных начал (Мужского и Женского) абсолютно тождественны, причем "третья метаипостась "каждого из них" вбирает в себя и первые две в силу их глубинного единства". Таким образом, внутри божества намечено два типа единства. Первый тип – абсолютное тождество между модусами одного божественного начала. Для Мужского начала это – Творец, Отец,

Сын или Христос, Новый Адам, Царь, Агнец, Жених, под которым подразумеваются и Христос, и Святой Дух, и, наконец, Христос-Эммануил. Для Женского начала – Святой Дух, София-Премудрость, Богородица, Мария, Новая Ева, Агница (или Невеста Агнца) Жена Облеченная в Солнце, Матерь Божия "Державная", Матерь нового человечества и пр. Проиллюстрировать данный тип единства можно следующей цитатой: "Я "Мария" есть другая ипостась Духа Святого, так что Оба Мы составляем единое целое. Как Сын в Отце и Отец в Сыне, Оба суть одно, неразрывны и святы в единстве, так Матерь Божия одно с Духом Святым". Мужской и Женский лики Божества не противопоставляются друг другу онтологически, как, например, мировые начала инь и янь в китайской философии, они единосущны, но при этом не сливаются, подобно собственным модусам ("отец живет в сыне и сын в отце. И это связь большая, чем между мужем и женой"). Их самоидентичность обусловлена половой дифференсацией: "Тайна пола упирается в тайну взаимоотношений Христа и Божией Матери. Это, по сути, тайна ипостасей – одна из величайших в Превечном Завете Троицы". Их союз обозначает второй тип внутрибожественного единства – единства мужа и жены, являющихся "одной плотью": "Не становятся ли одним муж и жена? "... И Мария, Невеста невестная, предуготованная от века к Браку с Женихом, "... есть одно с Ним". В приведенном тексте Мария названа невестой исключительно как олицетворенное человечество: "Бракосочетание Иисуса и Марии в конце времен: Иисуса как главы церкви с предопределенным числом искупленных агнцев". "Божество – Жених, человечество – невеста. Божество – Христос, человечество – Мария". Применительно к отношениям Божества и человечества говорится и об усилении во времени любви между Женихом и Невестой. Их взаимная любовь развивается, становясь все сильнее и сильнее и, наконец "достигнет апофеоза в конце времен, в канун преображения. Перейдя в мистический брак". Таким образом, Мария одновременно "сладчайшая Невеста и Супруга" Христа. Но, если говорить исключительно о взаимоотношениях между Маскулинным и Феминным началами Божества, то они априорно пребывают в состоянии мистического брака, иерогамии. В этом смысле Они уже не Жених и Невеста, а "совершенный образ супругов – Господь и Божья Матерь, Новый Адам и Новая Ева". "Бог сочетается узами особой любви с Премудростью-Марией". Причем, эта "особая любовь" имеет ярко выраженный эротический характер: "Царица "... одно с Ним "Христом" с часа непорочного зачатия, и простерлась на успенском одре как невеста, жаждавшая абсолютного соединения и сочетания с Ним, еще и еще!..".

Уже сам факт введения в Божество Женского начала является вызовом для христианского богословия. Но идеологи БЦ пошли гораздо дальше, они обращаются ко всему миру с откровенно ньюэйджирским призывом: "Время исповедовать истинную веру в единого Бога – внеконфессиональную, недоктринальную, недогматическую. Время снять все различия, которые отчуждали людей". Кому же тогда поклоняются "мариане"? "Я есть тот, о Котором ничего нельзя сказать" – свидетельствует о себе обожаемое ими существо. Но что же это за "Бог", о котором нельзя сказать ничего определенного – личный он или безличный, добрый или злой? А, если принять во внимание несколько застенчивое признание "марианского божества" "Азь есмь, Который больше есть, когда Меня нет, чем когда Я есть", то становится абсолютно непонятным вообще есть оно или его нет? Нисколько не приближают нас к разгадке и "откровение" о том, что "божественная природа – чистая любовь" или о том, что "марианский" бог есть "Бог Любви, Огня и Света". Вполне очевидно, что любить может только существо обладающее личностью, а, как мы выяснили, "марианский" бог к таковым не принадлежит. Даже если вспомнить утверждение о том, что "Отец, Сын и Святой Дух – одно Лицо" и признать в этом "Боге" одну личность, все

равно, ни о какой божественной любви говорить нельзя, т. к., выходит, что взаимная любовь между божественными Лицами – элементарный эгоизм и себялюбие! А упоминание об "огне" и "свете" с еще большей очевидностью указывает нам на первого себялюбца, некогда бывшем ангелом света – дьявола.

2.2. Космология и происхождение зла

2.2.1. Учение о божественном Сердце как о идее идей и мировой душе (космогония)

Христианская космогония устанавливает четкую субординацию между Богом-Творцом и миром, который "сотворил Бог из ничего" (2Макк.7:28; Ср.: Рим.4:17): Безначального Бога от тварного мира отделяет непреодолимая "онтологическая дистанция". То обстоятельство, что в "марианских" текстах Бога нередко именуют "Создателем, Зиждителем, Творцом", а мир – "творением" или, например, "тварью трепещущей" (вероятно, это скрытая цитата из романа "Преступление и наказание": "тварь дрожащая") может создать иллюзию единодушия по этому вопросу идеологов БЦ с христианами. Но все дело в том, что закономерности, заданные "богородичной" теологией неизбежно должны привести к совершенно иной космологии. В данном случае сами "законы жанра" языческого мифотворчества уже предопределяют мотив иерогамии: наличие в Боге Мужского и Женского неизбежно предполагает их брак и космогенез как плод этого брака. Акт творения, т. о., превращается в порождение мира Божественной Четой – Отцом и Матерью. В этом акте Мужской модус, естественно, выполняет активную функцию: Он – "Отец всякой твари и Зиждитель всего сущего", Женский, соответственно, – пассивную: "Мать творения" бездейственно "стоит" при сотворении мира. Однако далее распределение ролей кардинально меняется и в процессе становления порожденного мира уже Феминному началу отводится более активная роль: "Я, – заявляет субъект откровения, – Архитектор сущего", "премудрая Художница", "Всеустроющая", "всевластный Дух, устроющий судьбы мира и каждой души отдельно", "Та, по мановению десницы Которой, созидаются целые миры". Маскулинному началу отныне отводится пассивная роль: "Примите Иисуса, покоящегося "-д.И." на Моих "Марии" руках", "Господь любит Меня и, взирая на Мое Сердце-Зерцало, благословляет отраженный и запечатленный в нем мир". О чем здесь идет речь? В предыдущей главе мельком уже упоминалось о том, что у Христа и Марии общее Сердце: "Вы должны много богомыслить о Непорочном Сердце своей Святой Матери, сочтанном в одно с Пресвятым Сердцем возлюбленного Господа". "Два сердца Иисуса и Приснодевы, соединенные в одно" представляют собой "сообщающиеся сосуды". Значение сердца и сердечности в мировоззрении БЦ трудно переоценить. Как видно из приведенных выше цитат, во взаимоотношениях между Мужским и Женским началами Божества Сердце символизирует середину, сердцевину, точку соприкосновения двух начал: "сердце – инструмент соединения". Вообще религиозная символика сердца весьма глубока и разнообразна, чему имеется достаточно свидетельств. Но самое главное заключается в том, что "богородичная" догматика усваивает божественному Сердцу роль вместилища идеального мира. Ближайший аналог "марианского" Сердца – это гностическая плерома, т. е. полнота божественных сущностей. В силу того, что Сердце в равной степени принадлежит, и Мужскому, и Женскому модусу Божества, мы можем встретить два вида текстов. В первом идеальный мир усваивается Мужскому модусу – "Единому Богу", в недрах (синоним Сердца) Которого содержатся универсальные духовные законы или Христу, Который "в Своем царственном сердце-сокровищнице "... заключает печати, благодать, тайны Царствия", "вышние

"логосы", прекраснейшие, светлейшие образцы". Во втором виде текстов мир идей и прообразов ассоциируется с Женским началом: "Пресвятая Дева содержит в Своем Сердце новые Свои имена и ипостаси". В Ее "превечно-сущих недрах" содержатся "прообразы, совершенные идеалы, социальные системы, нравственные принципы и добродетели". Текстов второго типа намного больше, нежели первого. Это позволяет нам сделать вывод, что в вероучительной системе БЦ мир божественных идей или мировая душа ("богорородичная" догматика не дает четкого различия этих понятий) в большей степени ассоциируется с Женской ипостасью. Вероятно, это обстоятельство обусловлено традиционной трактовкой феминного начала как душевного, сердечного ("Господь – Дух, а Я "Мария" – Душа", "Я – бьющееся Сердце Бога") и особо тесной связью рождаемого с Материнским началом. Здесь же следует упомянуть еще одну важную деталь: применительно к Женскому началу (Премудрости-Марии) Сердце очень часто именуется Лоном или Сердцем-Лоном, что само по себе весьма определенно свидетельствует о брачном космогенезе и лишней раз доказывает отрицание Береславским акта творения мира.

Вполне очевидно, что Женский модус Божества не растворяет в себе мировую душу, а лишь является "Олицетворенной Премудростью" (Ее Лоно служит "Домом Премудрости Божией") или "Софией Горней", в то время как "Сердце-Зерцало" содержащее и отражающее идеальный мир выполняет функцию "чертежной Софии" и, т. о. выступает как София Дольняя. По той же причине следует различать "Промысел Божий", "Промысел Святой" в собственном смысле от Марии, которая лишь являет собой "Десницу Божию", "олицетворенный Промысел Господень", в то время как "Промыслом" следует считать Сердце Марии. "Пресвятая Дева в Своем Сердце содержит все возможные имена и ипостаси, в Ней заключена вся история и полнота". В этом Сердце-Промысле, как в огромном компьютере запрограммирована вся мировая история, что неизбежно ведет к детерминированной предопределенности всех мировых процессов в соответствии с "математикой Промысла Божия". Согласно "марианскому" учению, мир похож на огромный часовой механизм. Вводится даже особое понятие "Часы Христа (или Креста)". Вероятно, сам лжепророк подсознательно чувствует несостоятельность своей космологической парадигмы, созвучной идеям пантеизма, деизма и материализма, но никак не согласующейся с православным богословием. Не случайно он сам признается: "Великим искушением для философов явилась [непреложность] закономерного и взаимосвязанного устройства Вселенной, причинно-следственных зависимостей в происходящем". Но, несмотря на все свои сомнения, Береславский все же поддался этому "искушению". Уже в своих ранних произведениях, написанных еще до "откровений" (в 1983 г.) он развивает концепцию "Великой Машины". Эта Великая Машина запечатлевает "всю совокупную историю мира в целом и каждую отдельную судьбу". "Времена – лишь ряд незаполненных клеточек в табели Великой Машины. Должны совершиться такие-то события, прийти в мир такие-то предписанные души". Позже произошло наложение образов Сердца Марии и "Великой Машины": Мария стала "небесной Мастерницей, вычислившей в Непорочном Сердце день и час нашего рождения свыше". Ее "Сердце – тончайший инструмент божественной Любви". После того, как Береславский стал называться "епископом", откровенно нехристианское учение о Великой Машине было необходимо "воцерковить". Ересиарх пошел по самому легкому пути, он просто перевел слово "машина" на церковно-славянский. Так появилось учение о "Колеснице". ""И увидел Бог Свет, что он хорош..." Этим Светом было сияние Колесницы Божией Матери – нетварный, невечерний Свет". Колесница становится неотъемлемым божественным атрибутом: "Царь мира на Колеснице" –

буквально Deus ex machina. Более того, Колесница в глазах идеологов БЦ приобретает самостоятельную ценность: "На небесах преобразается Колесница Огненная" и порой даже вытесняет Божество: "И воссияла Колесница Божия, и три луча пошли от нее. Слева "! -д.И." – три Престола Славы Троицы" или "Я есть Свет! Я – Колесница". Одним из наиболее часто употребляемых синонимов Колесницы является слово, взятое из греческой мифологии – "Эгида". Порой, упомянутая самостоятельность Колесницы-Эгиды доходит до откровенного произвола: "Державная Эгида Твоя вольна изменить решение: определенного направо прогнать налево и осужденного на вечную смерть причислить к роду избранных". А может быть именно Великая Машина является богом "Богородичного центра"?

2.2.2. Признаки пантеизма в космологии БЦ

Все выше сказанное позволяет идентифицировать учение БЦ (по крайней мере, его теологический и космологический аспекты) как пантеизм. Характерными чертами пантеизма является, во-первых, отрицание Личного Бога, о чем было достаточно сказано в предыдущей главе, и низведение Его до уровня безликой силы. Богу Любви в пантеизме противопоставляется бездушная мироустроющая энергия – "Великая Машина", поэтому "пантеизм, – согласно Шопенгауэру, – это прежде всего форма атеизма". Во-вторых, пантеистическому мировоззрению свойственно растворение Бога в мире и мира в Боге. Уже одним учением об имманентности мира в своей идеальной основе Божеству БЦ стирает границу между Творцом и тварью. Но, кроме того, в "богородичных" сочинениях имеются и более характерные высказывания: "Творец живет в Своем творении, творение в Творце". "Я "Бог" и творение одно. Я живу в творении". "Господь есть Все", "Святой Дух растворен в Творении", "Дух – основание всякого творения". И вот еще замечательное высказывание богини: "Я – Плоть Творения". Естественно, что этими заявлениями идеологи БЦ отрицают православное учение о простоте божественной природы, однако это обстоятельство их ничуть не смущает. Более того, они даже позволяют себе высмеивать данное святоотеческое учение: "Простота божественной сущности – детский вывих претендующего на глубокомыслие ума "... пережиток аристотелизма "... Я бы это "учение" просто выкинул", – заявляет "отец" Викентий. И вот уже из его уст следуют обвинения в адрес Православного учения, причем догматически выверенного, Соборного: "Христианское богословие четвертого века нанесло ощутимый урон пониманию единства всего сущего, породив иллюзию непреодолимой пропасти между тварным и нетварным". Таким образом, творение наделяется божественной нетварностью и присносутием, а Бог признается "нерукотворенным (вариант, "нетварным") Творением".

И, наконец, в-третьих, в рамках пантеистической религиозно-философской системы не ставится вопрос о противостоянии добра и зла, они являются равноценными проявлениями единой слепой энергии, имманентной миру. До этого самого момента "марианское" учение не выходило за рамки пантеистического мировоззрения, но данный вопрос серьезно осложняется тем, что в "марианских" книгах весьма резко обозначена тема непримиримого антагонизма между добрым и злым началами в мире. "Это абсолютно две противоположные вселенные, два несовместимых мира, которые всегда воевали и будут воевать. С одной стороны зверь, антихрист и дьявол, и с другой – Мария и Господь". В качестве олицетворения злого начала нередко выступает "супротивица дьяволица и блудница", которая является "тенью Пречистой": "Сейчас идет армагедон за преемство между истинной и супротивной церковью,

стоящих соответственно под Покровом Пречистой Девы и под покровом супротивицы".

Добро и зло разделены не только идеологически, но и пространственно. "Два мира, две сферы и два пространства ..." – бездонная пропасть адская и рай светлый на небесах, "ад и рай – ..." земля и небо". Причем под словом "земля" подразумевается вообще весь материальный мир, не редко именуемый "космосом": "Земная сфера состоит из трех ярусов: космос, поверхность земли и ад. И все три суть падшая вселенная, три яруса гигантской преисподней". "Как земля относится к небу, так и ад к земле". "Нет правды в мире. Все в нем ложь ..." Ибо мир сей есть космос, а космос – ад". "Космос – царство Антихриста. Ни одной пядью оно не связано с Царством Божиим".

Царство Божие (или рай) расположено над видимым миром (космосом), поэтому к явлениям духовного порядка часто применяется эпитет "надмирный", т. е., буквально, находящийся над космической сферой: "Господь принес с собой весть об истинном Небе и духовном мире, надстоящем находящемся во власти зла и тьмы космосу", причем "космос связан со сферой Божественного так же, как земля сопряжена с космосом. Одно влияет на другое. Как земля немыслима без космоса, так космос невозможен без духовной сферы Пресвятой Троицы". Далее приводится характерная аналогия: "Как тело не в состоянии функционировать без души, так душа не может жить без Духа". Четко намеченная иерархия: рай ® космос ® земля ® ад, напоминает неоплатоническую модель пантеизма с ее постепенным умалением Единого. По учению неоплатоников, дробность материального мира является отрицанием Единого, а значит – злом. Но эта модель не приложима к БЦ, т. к. их тексты все же говорят о двух враждебных началах, а не о цепи эманаций. "Как две сферы – ад и рай, – так и два рода существ – бесы и ангелы, зло и добро, смерть и жизнь вечная". Это "два полярных источника", "две силы в мире, ..." два начала" – "Непорочное начало" или "семя Жены" (оно же "семя Авраамово", "обоюдоострый меч, разящий жезл" и пр.), несущее в себе "субстанцию нетленной чистоты", "белый камень" и начало греха, "черный камень", именуемое "семенем змия", содержащее "вещество греха", "субстанцию геены, отпечаток Велиара", "субстанцию нечестия и блуда". "В ХХI веке совершится полная поляризация на силы Божии и сатанины". В этом пункте своего учения БЦ парадоксальным образом совмещает две крайности: пантеизм и дуализм, характерной особенностью которого является представление о субстанциональности зла. По учению Церкви зло и грех не имеют собственного бытия: "Зло, – пишет преподобный Максим Исповедник, – созерцается не как относящееся к сущности тварей, но как относящееся к греховному и неразумному движению их". Но, не смотря на это, учение БЦ не подходит и под определение "дуализм", т. к., согласно "богородичной" догматике, зло, хотя и имеет субстанциональное бытие, находится в зависимости от Бога по своему происхождению. Причиной зла в мире "мариане" считают отпадение дьявола. "Некогда на небесах восстал возлюбленный сын Троицы, один из трех архангелов, именуемый Денницей, или Люцифером. Имел этот дух миссию создателя миров и решил, что в праве отдельно от Господа управлять миром ..." Последовало низвержение Люцифера в ад и сотворение мира". Это весьма важный текст. Мы будем еще не раз возвращаться к нему. Но сейчас попытаемся ответить на один закономерный вопрос: если Береславский отрицает понятие "личность", то кем же тогда, по его мнению, являются ангелы. В данном вопросе ересиарх развивает свое учение вполне последовательно. "Иерархии ангелов не что иное, как степени откровения Моей "Марии" любви" или просто "иерархия вышней любви". То есть в контексте "марианского" учения ангелы не являются разумными и свободными

существами, как об этом учит Церковь Христова, они более походят на гностические зоны или каббалистические сефирот. Это божественные лицамодусы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что иногда, например, "Господь "предстает", в лице высочайшего ангела (Власти)". Судя по всему, здесь имеется в виду архангел Михаил, особенно почитаемый "марианами". Кстати, имя архангела соотнесено с "Часами Христа": "В сердце архангела Михаила как бы вмонтированы "!" Библия и Часы". Здесь же скажем, что для стилистики БЦ, как для мифологического мышления вообще, характерно олицетворение безликого. В одинаковом значении употребляются понятия "божество", "благодать" и "ангел" или "зло" и "демон".

Теперь можно с уверенностью заключить, что для Береславского и дьявол не личность, а лишь одна из масок на этом странном маскараде. Иначе как объяснить следующее заявление: "Вельзевул – князь тьмы, покровитель темной силы и ближайший слуга сатаны". Или вот еще: "Блудный бес "... побудил к падению сатану". Полный абсурд! Но главное в другом. Если довести учение о ликах божественной любви до логического завершения, то мы неизбежно придем к выводу о том, что и сам дьявол являет нам один из этих ликов! В таком случае последняя из приведенных цитат обретает определенный смысл. Дьявол для Береславского действительно олицетворяет любовь, но любовь низкую, страстную, порочную, которую следует отличать от более возвышенной, святой. "Земля содержит два полярных источника: адский, блудный, и эдемский, целомудренный". "Ибо как ад и рай – две силы в мире "... так два начала: блуд и святость". Не случайно, что зло в "богородичных" писаниях часто предстает в образе "блудницы". Весьма любопытно и свидетельство о том, что "в его "дьявола" державе первично только женское начало", "космос есть по преимуществу женский дух". В чем же разница между двумя видами любви? Если учесть уже упоминавшийся эротизм, кощунственно приписываемый отношениям между Христом и Девой Марией, то принципиального различия не существует. Блуд и любовь оказываются явлениями одного порядка и относятся друг к другу как образ к первообразу: "Блуд столь же всеобъемлющ, как и его божественный прототип "!! -д.И." – любовь". Пожалуй, в этом учении проглядывает попытка реанимировать гностический миф о падении Софии, произошедшем в результате страстного влечения к высшему эону. Бросается в глаза и то обстоятельство, что дьявол функционально схож с Софией. Напомним, что этот "возлюбленный сын Троицы" "имел миссию создателя миров". Похоже, сложное гностическое учение о порождении падшей Софией дьявола и демиурга упрощается за счет слияния всех троих воедино. Вообще следует заметить, что уже само учение о Софии как о некоей обязательной промыслительной программе делает ее, а следовательно и Самого Бога, источником зла в мире. Но из "марианского", текста повествующего о возникновении зла можно сделать вывод о том, что ад существовал еще до падения сатаны и создания мира, а, следовательно, его происхождение не связано с этими событиями. Откуда же тогда взялся ад? "О чадо, вонми страшной правде! Два мира, две сферы и два пространства сотворил Господь во Вселенной – бездонную пропасть адскую и рай светлый на небесах. Два огня – мрак и свет". Действительно, это слишком страшно для того, чтобы быть правдой! Оказывается, зло не нарушает божественного замысла о мире, а является его составной частью и имеет божественную санкцию на свое существование. Но зачем Богу было нужно творить две сферы? Может быть, это соответствовало его внутреннему устройству? В пользу такого объяснения свидетельствует и то обстоятельство, что Бог, как мы уже выяснили, не творит, а порождает, Он не создает мрак и свет, а только разделяет их: "Свет был отделен от тьмы: Пречистая от дьяволицы". Следовательно, прежде они были нераздельны. И выходит, что Пречистая и

дьяволица, любовь и блуд это не враждебные начала и никакие не "два несовместимых мира, которые всегда воевали", а два проявления женского лика божества!

В том же духе толкуется и другой библейский текст, о сотворении двух светил (Быт.1:14-19). Мария символически обозначена под видом "светила большего для управления днем" и олицетворяет собой действие "прямого Промысла" Божия в мире. Соответственно под видом "светила меньшего для управления ночью" выступает "дьяволица, теневая держава косвенного промысла". Каждое из "светил" управляет своей сферой: Мария-Солнце раем, а дьяволица-Луна космосом-адам. При этом действие косвенного Промысла сводится к тому, что "в пределах космоса действительны влияния зодиаков на психику и судьбу, определенную предписанность сущего". Можно догадаться, что под звездами, входящими в зодиакальные созвездия подразумеваются падшие духи: "Звезды, луна, солнце, одухотворенная тварь небесная, видимая и невидимая, все духи поднебесной". Косвенный Промысел это – рок, судьба, провидение, "которое есть рабство у сатаны, полная преднаписанность происходящего, ..." зодиакальное рабство". Но через достижение "богородичной" святости над космосом можно обрести магическую власть: "Космос (и падшие ангелы его) ненавидят всякого праведника. Ведь если ты победил страсти и земные притяжения – получаешь власть пользоваться этой гигантской колесницей по своему усмотрению. Можешь садиться в нее и управлять бегом зодиакальных троек"! Вот и ответ на вопрос "что такое колесница". Это космос, косвенный Промысел. Грешнику он несет несчастье, а праведнику – служит: "Зодиаки (космос) – рабы Христа ..." Например, "созвездие" Дева содержит аспект чистоты Пресвятой Богородицы, целостной благой мудрости во Христе, Свет Троицы. "..." Лев преломляет луч Отца Светов, или духовное Солнце Иисуса Христа. Весы напоминают о святой стране покоя на Небесах "..." однако вне веры космическим их заложникам сообщается лишь механическая энергия Левиафана-зверя (зодиак)".

Как же на практике осуществляется согласование между прямым и косвенным Промыслом? Для того, чтобы понять механизм их внутреннего взаимодействия нам потребуется отказаться от образа "Промысел-часы" и представить себе "Промыслительные весы", "Весы Правды". "Промысел святой творится между двумя Чашами, ..." происходящее на земле и в мире воспринимайте как взаимодействие греха и меры, меры и срока". "Есть предстательство Марии, взывающей к милости, и супротивное предстательство слева – предстательство дьявола "..." он требует возмездия тем, кто попал под его влияние", "объективный ход событий склоняет чашу весов к возмездию, к бедствиям, кровопролитию. Небесная Заступница вновь просит отсрочки".

"Пришло время с особой четкостью провести грань между миром космоса и Божественным, чем окончательно отчертить сферу Троицы Святой и область мира сего", – заявляет Береславский. Но как "понять многомерно сложное сочетание свободы и преднаписанности, постичь благодать Промысла, несмотря на преобладание в мире сил зла"? Если следовать его же рекомендации: "Смотрите на действие злого духа "..." как на действие косвенного Промысла к вашему спасению", т. к. "враг везде и всюду исполняет волю косвенного Промысла", то будет очень "трудно "..." различить действие Божественного и космического". Да и нужно ли различать, если между ними никогда не было (вспомним приведенное выше "марианское" толкование на библейский текст о разделении вод (Быт.1:6-7) и нет принципиальных отличий? "Ныне стерта грань между Землей и Небом", "все едино в невидимой вселенной; миры пронцаемы, и ад таинственно связан с

раем". "Для Господа нет ни ада, ни рая. "... Ад и рай одно "... Рай выше ада. Ад выше рая. Пока есть ад, рай – ад". А сам "ад – небесный свет в преломлении проклятых".

Таким образом, и в 3-м пункте "богородичное" учение полностью соответствует пантеистическому мировоззрению: добро и зло не просто прямое и косвенное действие единого Промысла, это два вида божественной любви (возвышенной и эротической), это два божественных лика. Если вслед за Береславским воспользоваться понятийным аппаратом фрейдизма, то злой косвенный промысел можно определить как проекцию божественного подсознания или божественное либидо. "Для нас, – пишет "отец" Викентий, – неприемлема идея, что рядом с Богом есть какое-то второе начало – источник греха и вины. Значит, грех надо понимать как-то по-другому, ибо все в Промысле Божиим от Бога". Возникает вопрос: откуда взялся этот пафос непримиримой борьбы добра со злом, зачем понадобилось инсценировать ссору между добрым и злым модусами божества, в то время как они мирно уживаются друг с другом? Здесь кончается действие законов пантеистического мышления, и вступают в силу законы синкретизма. Во-первых, этот прием имеет важное психологическое значение. Во-вторых, это рудимент древних синкретических сект эзотерического типа: два учения – для профанов и посвященных. Для профанов – яростное противостояние добра и зла, для посвященных – двойственность божественного проявления (посредством добра и зла), по сути, снятие вопроса о различии между добром и злом как несущественного. В то же самое время любому "богородичнику" (и просто любому желающему) доступны книги, в которых раскрыто подлинное учение секты о внутреннем единстве добра и зла с одной стороны и о нравственном двуличии "марианского" бога – с другой: "Пришел век силы. Знали Бога Смиренного – узнаете Всемогущего, "... знали милосердного – познаете Карающего! Познаете гнев Бога Правды"! "Я ли не создал вас? Я и уничтожу"! Таким образом, БЦ – антисистема экзотерическая. Но в православном понимании Бог не просто Любовь (Ин.3:16; 1Ин.4:8), которая иногда может сменяться ненавистью, ("ибо как Он, будучи по природе Благим, мог возненавидеть?"), а Любовь и только Любовь. "Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы" (1Ин.1,5). "Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром" (2Кор.6,14-15)? Добро всегда просто, в то время как зло – многолико: "Подлинное добро по природе своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и сочетания с противоположным, а злое разнообразно и прикровенно". И вполне очевидно, что именно это лицемерное (буквально, примеряющее различные "лица") существо является объектом религиозного поклонения "мариан". Страшно подумать, ведь если в прежние времена, чтобы уловлять человеческие души, дьяволу приходилось маскироваться под "ангела света" (2Кор.11:14), то теперь в этом уже нет необходимости. Современный человек утратил критерии, с помощью которых можно отличить зло от добра.

2.3. Антропология

2.3.1. Учение о происхождении человека

"Богородичная" антропология столь же запутана, как и все остальное учение БЦ. Трудности возникают, начиная с вопроса о появлении человека. Иногда речь идет о сотворении первой четы, Адама и Евы, но мы уже знаем, что Береславский определенно лукавит, говоря о творении. К тому же это было бы слишком банально для "тайны". "Тайна происхождения человека останется запечатанной до конца дней, "... если открыть вам всю правду о первых людях вы не выдержали

бы", – как всегда нагнетает таинственность дух оболыщения, но вскоре охотно приоткрывает завесу тайны и "преподносит в России уникальное учение о человеке". Его мнимая "уникальность" заключается в том, что человек, оказывается, "превечносущ". Это утверждение относится, по крайней мере, к "внутреннему человеку", т. е. человеческой душе, поскольку все "души рождаются в недрах Пресвятой Троицы" и посылаются в мир с благословения Марии (или даже "произрастают" в Ее Сердце). "Не прежде зачинается плод во чреве матери, чем сладчайшая душа покидает Лоно Небесного Отца и скорбя приходит в мир". Понятие "Недра", "Лоно" или "Сердце", как нам уже известно, обозначает вместилище божественных идей и души мира. Применительно к учению о порождении Божеством человеческих душ вводится новое сказочно-слащавое обозначение – "Ларец Рождения": "В Ларце Рождения душ по земным меркам неисчислимо количество". Каждый человек, согласно этому "уникальному учению" в своей идеальной или душевной основе, всегда пребывал в Боге, а именно в "Памяти", под которой подразумеваются все те же "святые Троичные Лона" или "Лона Памяти". "Откуда родом сам ты? Из предвечной Памяти Господней "... Человек – единица памяти в Уме Господнем". При этом Береславский дает несколько оккультное определение души: "тонкое тело" или "духовное тело". Он даже употребляет понятие "аура". Таким образом, "творение" с закономерной последовательностью вновь подменяется "порождением". А в тех случаях, когда и говорится о творении Адама и Евы, имеется в виду, что они сотворены "по имманентно содержащемуся в Пресвятой Троице образу".

2.3.2. Учение о составе человеческой души. Образ Божий в человеке

Все выше сказанное, не прибавляет ясности в понимании "марианского" учения о человеке. Ясно лишь то, что и в этом вопросе БЦ не собирается изменять своей пантеистической парадигме. Индуистский пантеизм весьма лаконично определил учение о душе: "Атман (душа) есть Брахман (божество)". Ту же самую формулу, со ссылкой на своих "индийских братьев по вере", повторяют и наши доморожденные пантеисты: "Я "Мария" – твоя душа, "... увидишь на дне души своей Меня". "Я в сердце каждого, в основании души". Таким образом, БЦ утверждает, что каждая человеческая душа едина сущна божеству. "В человеке есть искра от полноты Отца Небесного, как бы божественное нетварное семя" "микро-ипостась Отца Небесного в каждом из нас". Учение о том, что в каждом человеке сущностно обитает Бог, является одним из важнейших пунктов "богородичной" антропологии и этики. Вот как, например, "Державный катехизис" интерпретирует евангельскую заповедь о любви к Богу и ближнему: "Возлюби Господа всем сердцем твоим и ближнего – Господа в нем – как самого себя". "Оком Марии мы видим Христа в ближнем и сочетаемся с ним в одно. Передо мной брат – Господь в ближнем"! Эта идея порой даже включается в исповедание веры: "Смысл нашей Христовой веры: мы верим в воплотившегося Бога, живущего в ближнем". Или предельно коротко: "Ближний – Христос".

Но человеческая душа для Береславского не просто "искра" божества, по его представлениям душа имеет более сложную структуру. "При сотворении человека Божественный Творец придал душе Адама два чудных состава: божественное умащение – невидимое масло, растворенное в сердце; и целительную каплю росы – человеческий состав". "Божественное умащение в сердце...". Человеческое сердце зачастую выступает в качестве синонима понятия "душа". Как божественное Сердце содержит в себе мировую душу и является средоточием внутрибожественной жизни, точно также и человеческое сердце олицетворяет его

духовную суть: "Сердце – духовное средоточие человека". Здесь же следует заметить, что для БЦ характерно ветхозаветное (Лев.17:14; Втор.12:23 и др.) представление о крови как носителе души. Так вот, "божественное умащение" это, судя по всему, та божественная субстанция, которая находится "на дне", "в сердце каждого, в основании души".

"Человеческий состав" в первую очередь ассоциируется с телесной составляющей человеческой природы, но от этой версии вскоре приходится отказаться, т. к. в следующем же абзаце мы узнаем, что результатом грехопадения может быть утрата не только "божественного умащения", но и "человеческой капли", при этом человек не лишается тела, а как бы превращается в робота. Уже само слово "состав" указывает на нечто сложное, состоящее из частей. В "марианских" текстах эти составные части называются "частицами души", "крупичками", "печатами". Причем комбинация ("состав") этих печатей понимается как некий эквивалент личности и представляет собой "идеальную структуру личности": "Любая личность лишь посредник, маска, образ, и отождествление с ней несет определенные печати". Но более подробно о "человеческом составе" будет сказано чуть позже. Изначально человеческая душа (Атман) не имела никаких печатей. Адам и Ева в раю созерцали божественную Славу, которая еще именуется "Сокровищницей добродетелей" или просто "Сокровищницей", и является ни чем иным как "Непорочным Сердцем Божией Матери". При этом души первых людей должны были получить определенные печати, которые также называются "добродетелями". По сути "добродетели" это "семена Божественного Логоса", т. е. все те же божественные идеи, содержащиеся в "Непорочном Сердце". "Эти добродетели трансцендентны, они надстояли над совершенной человеческой природой. Ими надлежало окормляться, они составляли то движущее, организующее и окормляющее начало, которым питалась эта природа. Имея эти добродетели, окормляясь и питаясь ими, восходя в них к Славе, совершенный Адам и Ева "... созерцали Славу Божию". Усвоение душой божественных добродетелей "не присущих человеческой природе как таковой" означает принятие человеком "образа Божия". Посредством своих логосов-добродетелей Бог вселяется в человеческую душу (или сердце) "как образ, преподнесенный свыше", причем стяжание этого "образа" равнозначно видению лица Божия. Возможно, здесь раскрывается загадка божественных "Лиц". Судя по всему, они также образуются печатами, иначе как можно объяснить, почему Мария называется "полнотой всех ипостасных свойств" Христа? Единственным объяснением может быть указание на общность идеального мира, заключенного в их Сердце.

Если в православном понимании Образ Божий связан с личностной душой человека ("Образ Божий – это наше глубинное "я""), при этом душа, как и Божество, проста и не имеет определенной формы, ей чуждо всякое сложение и разложение, то для БЦ, который учит о безличии Бога, такое понимание неприемлемо. Личность как образ подменена набором божественных логосов. Поэтому выходит, что человек подобен Богу не как уникально-личностное, вечное и свободное существо, а как "воплощенное божество", как некий оттиск божества, "клонированный" бог.

Как следует из "марианских" сочинений, первоначальный замысел Божий о человеке не осуществился – человек отпал от Бога. "Последовало отступление Сокровищницы" – снова намек на легенду об изгнании шехины – и "отнятие сверхъестественных добродетелей", вследствие чего люди "потеряли образ Божий". Подобное заявление было бы не возможно для православного богослова,

т. к. человек не обезличился в результате грехопадения, а, следовательно, не мог потерять Образа Божия: "Образ есмь неизреченныя Твоя Славя, аще и язвы ношу прегрешений" – свидетельствует Церковь. Грех нанес ущерб только подобию Божию в человеке. "Державный катехизис" хоть и утверждает, что человек сотворен по образу и подобию Божию, четкого определения подобия Божия в человеке не дает.

2.3.3. Учение об источнике зла в человеческой природе

Но человек не долго оставался "безобразным". Лишенный "семени Жены", Адам, некогда "рожденный для блаженства, принял семя греха". "Чадо падшего Адама было запечатано семью печатями греха от ангелов злобы". "Две печати из семи коренятся даже в нашем "тайном"". "Первая печать самая поверхностная, внешняя. Начиная с четвертой все печати держатся на блюде и гордости. "...". Седьмая печать снимается на Страшном Суде. "...". Последняя печать греха, печать Адамова". И божественные и дьявольские печати образуют в человеке "семя духовное, являющее собой лишь одно из двух начал: змия или Жены. Между ними положена вражда (Быт.3,15)". "Предназначение души – принять определенный образ в веке сем. Этот образ подается свыше Пречистой Девой или Ее соперницей".

От духовного семени следует отличать "семя душевное: генетический код, наследство состава души". Это и есть "человеческий состав" или личность человека. Как уже видно из самого определения, душевное семя наследуется от предков: "Ветхий состав душ скроен из частиц душ ближайших родственников по крови "...". приписываемое личному началу есть семя родительское, продолжение чужой души "...". в одном – душа матери, в другом двоюродного дяди". Но преимущественно дети усваивают материнскую и отеческую ипостаси. Человеческая душа превращается из Образа Божия в образ родителей, "собираемый портрет родового прошлого".

Хотя, по определению "Державного катехизиса" следует различать духовное и душевное семя в человеке, на самом деле разница между ними иллюзорна. Все, что связано с родом, в том числе и душа, носит для Береславского откровенно inferнальный характер. Душа понимается им как "блудный слепой, навязанный сатаной". "Генетический код наш, или наследие прошлого, – это "...". сосуд, предполагавший сокровище нетленное, но в котором оказались только змеи". От родителей человеку достается не душа в нашем понимании, а лишь греховные печати, включая и печати первородного греха: "Первый человек потому назван Адамом, чтобы знали, как по генетической цепочке из рода в род передается прародительский грех, умножаясь". В итоге, каждая душа запечатлевает в себе "грех совокупный, или Адамов, грех всего человеческого рода, грехи родовые, коллективные, родительские до четвертого поколения "даже до седьмого -д.И.", грехи ближних, с которыми вступали в контакт". Совокупность греховных печатей (как унаследованных, так и приобретенных) носит название "греховная чаша". Весьма любопытно описание этой чаши: "Сосуд формы небольшого бокала, доверху полный черным ядом. Яд греха вашего, чадо Мое, столь силен, что от самой малой капли его умрет всякая тварь земнородная, вкусившая его". "Ныне призываются души с наибольшей греховной чашей". Поскольку грех субстанционален, он наделяется рядом физических свойств: помимо ядовитости, грех наэлектризован, намагничен, токсичен, радиоактивен и заразен подобно вирусу, разносимому через бактерии.

Идеологи БЦ уподобляют совокупность душевных частиц "генетическому коду", но, в отличие от ДНК, структура души крайне неустойчива. Душу можно "раздробить" на составляющие частицы, "перегруппировать" их между собой, при этом одну часть забрать (или передать кому-либо), а другую оставить в теле. Более того, можно заменить душу и сердце, по крайней мере, полностью изменить состав души, сердца и крови, что, как уже было сказано, в сущности одно и то же. Но самое поразительное состоит в том, что душа может "раствориться". Так души грешников после смерти "окончательно" -д.И." растворятся в околоземном космосе", а потом снова выделятся из сизо-серого дыма перед Страшным Судом.

Нам абсолютно не представляется возможным как-либо примирить учение об изменчивости личности, вплоть до полного ее уничтожения с утверждениями типа: "Что, произойдет какая-то деперсонализация – утрата индивидуально-личного начала? Нет, Боже, упаси". О каком же тогда "преодолении личностных структур" и "превзойдении личностного уровня" говорит "отец" Викентий? Сначала он пытается объяснить метаморфозы души с помощью весьма запутанной схемы структуры личности: "В человеке есть искра от полноты Отца Небесного, как бы божественное нетварное семя, последующие тварные оболочки: "тайный", "внутренний", "внешний", и тело – совсем внешняя часть "внешнего"". Так вот, оказывается, что уничтожению подлежат только "внешний" и "внутренний", в то время, как "искра" и "тайный" остаются целыми: "Уйдет падшее, греховное, ненужное, а личность, сокровенное ядро личности как микроипостаси Небесного Отца останется навсегда в вечности". Явно не удовлетворяясь данным объяснением, "доктор богословия" прибегает к софистике и в противовес понятию "безличное" вводит загадочное понятие "сверхличное": "У безличного нет и не может быть личностных проявлений. А сверхличное может быть личностью, но не сводится к ней".

Все эти объяснения благополучно разбиваются об утверждение Береславского, согласно которому выходит, что человек может быть лишен своей личности во всех смыслах этого понятия. Происходит это при участии демонов, которые наделены способностью "поедать души" человеческие, добываясь "лишения человека не только божественного образа, но и человеческого: извлекается и семя Духа, Искра, и душа, сердце", то есть "человеческая ипостась". Это состояние называется "двойная падшесть". Наступает время, предупреждает субъект откровения, когда состояние "двойной падшесть" будет преобладать среди людей: "Вы вступили в полосу гомункулосного века. ..." Цивилизация гомункулов – последняя. После машин, кукол, роботов не ждите ничего, кроме всепоглощающего Огня". Но появление целого поколения полуроботов-полулюдей не связано с дьявольскими происками; "люди-машины", "заводные человечки", изначально обреченные на адские муки – плоть от плоти "Великой Машины" и их появление – очередная "богородичная тайна". "Тайна в том, что засев душ происходит неравномерно ..." происхождение обреченных на пекло – тайна, которую пока не могу раскрыть: не снята печать с Ларца". "В мир идут души, не имеющие своей судьбы и расплачивающиеся за грехи родителей "м. б., именно в этом смысле они называются "незаконно рожденными душами" -д.И.". Умастительный состав и капля человеческая содержатся у них в самых малых пропорциях". Как видно из последнего текста, причастность к роду подчиняет человека закону кармы, что отождествляет влияние рода с влиянием космоса. "Рок, фатум – не что иное, как тяжесть провидения, действующего через генеалогическую предопределенность". Это сходство между роковым влиянием на человека усопших предков и зодиакальным воздействием космических демонов отнюдь не случайно. Рок (косвенный Промысел) действует в "космической сфере,

близлежащей к земле, наполненной мириадами упырей... Развоплотившиеся детища дьяволочеловечества, наши предки во втором и третьем поколении, не идущие ни в рай ни в ад, ни на мытарства, продолжают нависать над миром коричневыми вурдалачьими тучами, пьющими кровь из живых". Теперь мы можем избавиться от еще одной излишней условности. Оказывается демоны, уловляющие человечество в зодиакальные сети, пытающиеся "поедать души" и "пить кровь", не кто иные, как наши усопшие предки, они также иногда именуются "родовыми демонами". Но не только предки, а еще и детища: "Завет с нечестивой супротивицей Пречистой трансформировал наши души, так что, вступая в тонкую связь с блудницей вавилонской, мы порождаем невидимых чудищ, рои и легионы бесов". Напомним, что и в том, и в другом случае речь идет не о вечных и свободных личностях, а о неустойчивых комбинациях греховных печатей.

Наконец, пришло время задать вопрос, который давно должен был прозвучать, но до времени сознательно был нами обойден стороной. Бог придал человеку и "божественное умащение", и "человеческую каплю". Но, как мы могли убедиться, эта "капля" изначально несла в себе только греховный яд. Может быть, грех проник в человека, не в результате падения, не извне, а был всегда присущ ему, начиная с момента творения? Наше предположение находит достаточно подтверждений в "богородичной" литературе. Так выясняется, что зло это "изначальная порча" в человеке, "семя тли, заложенное в нем при сотворении", точнее при рождении. "Адам и Ева рождены относительно непорочными, имея два начала: порочное и непорочное. До грехопадения в них преобладало непорочное начало (греховное начало находилось в приглушенном состоянии). Сотворив человека по Своему образу и подобию, Господь дал ему дар свободы: человек должен сделать выбор. В нем находилось начало тли, но он мог и не оказаться подвластным ему. В условиях свободы человек сделал выбор в пользу греха: в нем стало преобладать порочное начало". Нам пришлось процитировать довольно пространный отрывок из-за того, что в своей монолитности он гораздо ценнее. В нем одновременно заключается и загадка, и разгадка. Загадка в том, что, оказывается, Бог Сам всевает семя зла в человеческую природу. Разгадка же кроется в словах "сотворив человека по Своему образу и подобию". Ведь прежде, говоря о происхождении человека, мы не упоминали о том, что "марианский" бог сочетает в своей природе и добро, и зло. Но теперь все встает на свои места. Если бог имеет святой и демонический лик, то вполне справедливы его слова, обращенные к "богоподобному" человеку: "в тебе два существа: святой и демон", если бог породил и рай, и ад, то "человек – микрокосм. Внутри него находятся две сферы, рай и ад".

2.3.4. Проблема пола

Нам известно еще одно свойство "марианского" божества – бисексуальность. Человек, согласно представлениям Береславского, и в этом аспекте подобен Богу, хотя половые характеристики человека весьма относительны: "В Лона Брачные войдете, где нет ни мужчин ни женщин". Возможна также трансформация мужчин в женщин и наоборот. Этой теме посвящена целая книжная глава под названием "Мутация полов". Половая принадлежность может и вовсе отсутствовать: "Назначение человека – стать ангелом, существом, в котором теряется начало пола". И уже скоро "придут души "... с едва выраженным полом". Какова же природа пола? Если сопоставить последний текст с родственным по содержанию отрывком о грядущем пришествии в мир душ с недостатком человеческого состава, то станет очевидным, что пол определяется составом

греховных печатей. Приведем здесь отрывок, ранее цитировавшийся в урезанном виде: "Чадо падшего Адама было запечатано семью печатями греха ..." две из них принадлежали мужской его ипостаси, а пять – женской". Таким образом, греховные печати соотнесены преимущественно с женской ипостасью человека: "В Еву было всеяно противоположное качество: подвластность греху (что и было засвидетельствовано в грехопадении), она, соответственно, слушала змея". "Женщина ..." и грех – однотипные понятия". Справедливо и обратное утверждение: за счет греховных печатей формируется женский лик человеческой души. Отсюда следует, что каждому человеку "должно внутренне преодолеть раздвоение на ипостаси – мужскую и женскую – и порождаемый ими греховный образ жизни и мыслей. Я говорю не о внешнем, а о духовном – о необходимости преодолеть в себе начало женского лукавства, от которого вся ложь мира и все грехи". Именно поэтому, как отмечают все исследователи БЦ, для секты характерно подчеркнуто негативное отношение к женщине и особенно к матери. Мать, чаще именуемая "ветхой", "нечестивой матерью" или издевательски ласково "мамой" является для своего ребенка (прежде всего сына) проводником родовых печатей. Ветхая мать рождает не для Бога, а для сатаны, поэтому она еще называется "сатанородицей". "Сатанородица – полная противоположность Приснодеве. Привести в мир ребенка для себя – уготовить его душу Левиафану". На практике это достигается следующим образом: "Нечестивая, выполняя родовую программу, стремится окрасть в сыне мужское начало и развить женское". "Когда мужчина предаёт Бога, у него отнимается пол, и соответственно подстраиваются женские души, несущие на себе нагрузку косвенного Промысла".

Справедливости ради следует заметить, что Береславский поливает грязью "прекрасную" половину человечества не всю поголовно. По его мнению, не каждая женщина ведьма, а только "каждая вторая". Такая двойственность положения женщины в вероучительной системе БЦ связана с амбивалентностью по отношению к добру и злу Женского начала в Боге. В силу этого обстоятельства в женской природе заложена и позитивная перспектива: "Живая, истинная и святая вера способствует восстановлению ..." ипостасно-женского в женщине (жертвенность, долготерпение, милосердие)".

2.3.5. Учение о всеединстве

Возникает еще один существенный вопрос: если источник "Непорочного семени Жены" и "семени змия" един (божество), то существует ли какая-то принципиальная разница между божественными "добродетелями" и греховными "родовыми печатями"? Ответ очевиден – нет! Вся разница сводится к тому, что "частицы души, призванные служить Богу, родовым потоком заряжаются радиоактивной энергией жупела "имеется в виду энергия блуда -д.И." и разлагают изнутри тонкое тело". Оказывается, все различие между добром и злом обусловлено положительным и отрицательным зарядом частиц души. Но в чем принципиальная разница между плюсом и минусом сказать трудно. Поэтому Мария не заменяет человеку грешную душу на святую, как это иногда может показаться, а всего лишь "производит великое таинство перегруппирования частиц нашей души". Но, как известно из школьного курса математики, от перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Своим учением о "печатах" ересиарх пытается не только упразднить православное понимание человеческой личности, но и стереть какие бы то ни было трансперсональные различия. Согласно "марианской" догматике, между всеми людьми существует "связь вечная и нерушимая, столь пронзительная, что уже не

можешь сказать, ты ли живешь в ближнем или ближний в тебе, но вы суть один человек, нераздельно-неразлучный, вечный". Именно так, по мнению идеологов БЦ, следует воспринимать человечество. А каждый "индивид – клетка в общем всечеловеческом организме Адама". "Адам – совокупность всего первочеловечества". Речь идет об онтологическом единстве всех людей, умерших, живущих и еще не рожденных: "Имей душу вселенскую, открытую, вмещающую всю совокупность бывше-будущего. В тебе запечатлелись все люди земли". Даже, если исторические Адам с Евой и существовали на земле, то их уже нельзя вычленишь из "общечеловеческого организма". Их индивидуальность – всего лишь набор божественных печатей, кочующих из поколения в поколение. Каждая личность навсегда остается всего-навсего "единицей памяти в Уме Господнем", единицей "электронной памяти" в огромном "компьютере" – Великой пантеистической "Машине". "Уподобьте вселенную Оку Божию, а космос – маленькому хрусталику с едва заметными микроскопическими пятнышками, и это мир человеческий. Бог видит каждую соринку". Даже то обстоятельство, что все человечество раздроблено на множество тел, не останавливает лжепророка в его стремлении уничтожить любое проявление человеческой индивидуальности. Ведь если заявить о том, что "Дух – основание всякого творения", то рано или поздно придется сделать вывод: "земная оболочка призрачна", "видимое иллюзорно" а значит, не является препятствием для всеединства.

В этом пункте, как и во многих других, БЦ солидарен с индуизмским пантеизмом. Так, например, "Державный катехизис" учит не только о предсуществовании в "Ларце Рождения" человеческих душ, но и реинкарнации: "Пресвятая Дева настоятельно открывала эту тайну, которую вообще никто не знает на земле: подвижник, переходя в вечность получает власть (свободный выбор) вновь вернуться на землю". Впрочем, этой возможностью обладают и закоренелые грешники: "Изошедший из гробницы дух Тамерлана вселился в нового Тамерлана – Гитлера". По некоторым высказываниям можно заключить, что Береславский признает возможность переселения человеческих душ и в тела животных. Так антихрист, по убеждению ересиарха, наделит людей способностью "выделять из себя тонкое тело", т. е. душу и "переходить в другие тела (животных)". Да и сами животные по своей природе, оказывается, не так уж далеки от "человека разумного": "Животные, омытые Моими "Марии" Слезами, обретут дар разума и дар речи человеческой", "во дни Преображения заговорят животные". Это же относится и к неодушевленной природе: "Отверзу уста животным и заговорят камни". Хотя "вселенная сотворена ..." антропоцентрично", человек, по представлениям сектантов, ничем не отличается от животного, растения или камня, и, что самое главное, праведник по существу ничуть не лучше самого закоренелого негодяя. Все это объясняется тем, что "богородичники" исповедуют "Христа, живущего во всех творениях, какими бы отталкивающими и презренными не казались бы они, противоречащими нравственным, интеллектуальным нормам и личным понятиям". Сквозь все нагромождения несуразных и зачастую противоречивых утверждений сектантов неизменно проглядывает пантеистическая основа.

Мы специально не затронули темы сотворения (точнее, порождения) материи, растений и животных. Этот вопрос теряет свое значение в пантеистической системе координат, т. к. материя призрачна, а все многообразие форм жизни состоит из двух компонентов: божества, лежащего в основе всего сущего, и божественных идей-печатей или семян. Это позволяет Береславскому расширить границы всечеловеческого Адама до каббалистического "Адама Кадмона". "Адам – это мир вне Христа". "Вся твердь земная предо Мной – как один человек, впавший

в оцепенелый сон". В широком смысле Адам это совокупность всех печатей, порожденных Божественным Сердцем-Лоном, поэтому "в глубине души переживается сумма потенциальных миров, пространств и бытий". Отсюда и "цельность первозданно-сотворенной природы". "Прост был мир в изначальной цельности своей еще до разделения на тверди". И лишь потом в процессе становления мира произошло разделение, и то весьма условное.

2.3.6. Учение о множестве миров

В свете последних умозаключений вызывает определенные затруднения упоминание в "марианской" литературе о существовании множества миров и цивилизаций. Так, "Премудрость Божия предусматривает духовные ступени восхождения для целых цивилизаций и миров". "И до вас было множество цивилизаций, и все они кончили одним и тем же". Оказывается, "существуют тысячи невидимых миров", "мириады миров". И наш "мир связан с другими обитаемыми мирами, которые атакуют его". И все же, в этих текстах не следует искать веры в существование инопланетян, хотя иногда Береславский и упоминает о них. Если вспомнить "богородичное" представление о космосе, то станет очевидным, что здесь идет речь о "планетарных духах", т. е. демонах, а обитаемые миры это – "люциферианские миры, каждый из которых представляет то или иное космическое облучение". Помимо люциферианских, существуют и ангельские, "небесные миры". И те и другие еще именуются "сферами" (демонические иногда называются "антисферами").

Что же касается упоминания множества цивилизаций, то в данном случае мы имеем дело с обыкновенной для БЦ фигурой речи. Под словом "цивилизация" может подразумеваться "языческая цивилизация", к которой относятся "инопланетные амаликитяне ..." Вольтер, Руссо, Марат, Робеспьер... Ленин" и пр. или "раса космических мудрецов" – тибетские махатмы. Не стоит останавливать свое внимание на учении о различных мирах и цивилизациях уже хотя бы потому, что оно неважно для самих "мариан": "Забудьте про иные цивилизации и миры". На самом деле упоминание множества миров свидетельствует только об одном – о дробности мышления самого Береславского и о его неспособности мыслить конкретными понятиями.

2.4. Сотериология

2.4.1. Учение об образе грехопадения человека

В двух предыдущих главах мы рассмотрели проблему возникновения зла в мире и человеке. Мы выяснили, что в обоих случаях зло присутствует изначально, в силу своей укорененности в божественной природе. Таким образом, по логике вещей, учение о нравственной амбивалентности человека должно исключать проблему грехопадения (и, соответственно, проблему спасения), но, как уже неоднократно говорилось, к "марианской" догматике неприменимы требования законов логики. Более того, в "богородичной" литературе существует не одна, а целых две версии истории грехопадения. Условно назовем их "натуралистическая" или "мифологическая" и "гностиическая". Общим знаменателем в обеих версиях служит тезис о заключении человечеством "завета с дьяволом".

Для начала рассмотрим натуралистическую версию. Суть ее сводится к тому, что завет с дьяволом был заключен в результате соблазнения Евы змием. Вот как это представляет себе Береславский: "змея вгрызся в чресла Евы "именно в силу

своего нездорового натурализма эта версия получила такое название -д.И." и на исторгнутом куске запечатлел свой образ". Вследствие этой противоестественной связи Ева родила "змееныша" – Каина, став, т. о., первой в своем роде нечестивой матерью. Но ни Адам, ни, даже, Ева не были "прокляты" Богом за свой грех, они были всего лишь "изгнаны из рая". Больше того, "уже тогда Пресвятая Троица простила Адама, ибо он не ведал, что творил "правда, остается непонятным, какова была роль Адама в этом сценарии грехопадения -д.И.", и наказала виновника грехопадения – дьявола". Вместе с дьяволом подпали под проклятие и его биологические потомки – каиниты, т. н. "семя змия" (Быт.3:15), "их род от проклятых, от змия – вообще нечеловеческий". Это незаконно рожденные души, проклятые космические духи с других планет, "змеи нечеловеческого происхождения (приходят от нижних, ср. Исх.3:14) которые подают превратный образ Бога по образу дьявола", т. е. являют собой темный лик божества. Но, как уже было доказано в предыдущей главе, противопоставление адамитов, носителей "Непорочного начала" или "семени Жены" носителям "семени змия" имеет искусственный характер, т. к. души и тех и других зарождаются в божественном Лоне, т. н. "Ларце Рождения". Взаимная "вражда" (ср. Быт.3:15) между адамитами и "проклятыми" напоминает игру в казаки-разбойники, затеянную детьми из одного двора. Деление на хороших и плохих обусловлено только правилами игры, а не личными качествами игроков. Не удивительно, что, согласно "марианской" мифологии, потомки Адама и змия-искусителя вскоре смешиваются. Намек на это событие Береславский видит в библейском повествовании о вавилонском смешении. В результате этого "незаконного" смешения человеческие души несут в себе и святое, и порочное семя, но в различных пропорциях. "Качество и состав души определяются характером зачатия "...". Зачатие – мистический процесс, при котором сходит сила свыше и происходит посев в душу". В "Державном катехизисе" описаны четыре образа "зачатия", соответствующие четырем вариантам соотношения добра и зла в душе. 1) Абсолютно непорочное зачатие, им обладали только Иисус и Мария (при этом "богородичное" понимание догмата о непорочном зачатии отличается от католического); 2) Относительно непорочное зачатие, в котором Божественное семя смешено со семенем змия, хотя действие последнего приглушено и не имеет никакой силы; 3) Относительно порочное зачатие, в котором преобладает семя змия, что, в прочем, не мешает человеку стремиться к Богу. К этому типу принадлежит подавляющее большинство рода Адамова; 4) абсолютно порочное зачатие, полностью лишённое непорочного начала – потомки змия в чистом виде. Однако на практике межкастовые границы сильно размыты. Так "богородичники" признают возможность рождения проклятых детей от святых родителей (например, нечестивые ветхозаветные священники Офни и Финеес, дети праведного судии Илия. Возможно и перерождение проклятых в случае их искреннего покаяния. Даже "враг номер один" – тибетские махатмы способны "обратиться в истинную веру".

Натуралистическая версия грехопадения не выдерживает критики не только в частном, но и в целом. Самым большим ее недостатком является несовместимость с учением о коллективном Адаме и о змие как о "совокупности падших ангелов, пытавшихся нарушить божественный план". Кроме того, для "марианской" экзегезы более характерно аллегорическое толкование первых глав книги Бытия (разделение света и тьмы, отделение вод, сотворение двух светил и пр.), что мы и находим во второй, как нам кажется, более последовательной, гностической версии грехопадения. Согласно ей грехопадение выглядит следующим образом: "Души рождаются в недрах Пресвятой Троицы. "...". Грехопадение познается ими при прохождении через космическую сферу лжи и соблазна. "...". Грехи, на которые был заключен завет в космической сфере, обычно реализуются в земной

жизни". Так в общих чертах выглядит "марианская" версия грехопадения. Она условно названа гностической, т. к. очень напоминает гностические мифы о падении Софии и порабощении ее хаотическим материальным миром. Нельзя также не отметить явного сходства "богородичного" учения о грехопадении с учением Оригена (+254), на которого порой ссылаются и сами идеологи секты.

2.4.2. Учение о свободе человека (фатализм)

Итак, БЦ отрицает факт грехопадения как акт свободного выбора первых людей, Адама и Евы. Вместо этого говорится о выпадении идеального мира из божественного Сердца-Лона (по типу выпадения птенца из гнезда) в космическую сферу зла. Человек не свободен, потому что свобода является прерогативой личности и, хотя божественные идеи-печати могут структурироваться наподобие "личности" и в этом качестве проявлять определенную "свободу" (напр., "души дают согласие перед воплощением на крест, отмеренный им и взвешенный на промыслительных весах"), тем не менее, их судьба с самого начала подчинена непреложному закону кармы: "Земная жизнь есть вынужденный "-д.И." спуск. Душа движется в ад", поэтому "сладчайшая душа покидает Лона Небесного Отца и скорбя "! -д.И." приходит в мир". В первую очередь человек несвободен в момент совершения греха. "Большинство грехов совершается бессознательно. Человек грешит, не отдавая отчета в том, что делает". "Пока человек остается рабом страстей и путь его – космически predetermined, пока он является пешкой в игре стихийных сил и жертвой рода – на нем печать последнего раба родового потока и, неспособный нести послушание, уже несет его – от тайных неосознанных приказов". Действие дьявола на человека по своей непреодолимости уподобляется гипнозу: "Его гипнотические сети расставлены над большинством душ". И не просто над "большинством", а поголовно над всеми, независимо от образа зачатия и степени порабощения греху. Грех – это "сила, над которой наша свобода не властна". БЦ определенно отрицает свободу человеческого волеизъявления, хотя при этом всегда делает оговорки. Так, с одной стороны "все преднаписано и совершается в свой день и час, не раньше и не позже ни на йоту. И вместе с тем душа свободна и вольна переменить предписанное". "Рассеки сети обольщения и сна, – призывает лжепророк, – и не один зодиакальный луч тебя не тронет, бессилён будет рок", но на поверку вожденная "свобода во Христе", "духовная свобода" оказывается очередным миражом, т. к., даже разорвав "сети гипноза", человек все равно остается рабом: "Когда призывает Господь, душа как бы лишается возможности выбора "-д.И." и, призванная, следует пути, ей предначертанному "-д.И."". "Ничего не бойтесь: угрозы исходят от дьявола. Вы [же] пришли в мир от Бога. Каждый шаг ваш определен "-д.И."". "Посвященные Тебе "Марии" обладают несравненным преимуществом, именуемым благодатью: хотели бы согрешить, но не смогут "-д.И."". Таким образом, "человек свободен настолько, насколько осознает себя водимым и смиряется". В человеческой власти находится выбор между двумя состояниями рабства – косвенному Промыслу или прямому, между гипнотическим рабством греху и рабством "непреодолимой благодати": "Человек свободен в плане сопричастности Божественному Промыслу". Но по своему существу "Великий Промысел" един и лишь условно разделен на "прямой" и "косвенный", внутри "Великой Машины" не может быть никакого противодействия или сопротивления. "Благословенно все происходящее рассматривать как волю косвенного Промысла для устройства по всей вселенной Утешительной церкви, в которой благодать и печати трех Заветов: Промысел прямой". Поэтому, в итоге, от человеческого выбора принципиально ничего не зависит: Каждая душа зажата в тисках "предeterminedности к раю или к вечному

страданию". "Предписана каждая минута и каждая душа предопределена. Смиритесь, дети Мои, перед неизбежностью происходящего, как больной смиряется с постигшей его болезнью "...". Смиритесь подобным образом со всем происходящим, ибо всюду действует закон, и Воля Божия не дает переместиться песчинке со дна морского". "Помимо ваших личных уделов и волю неуклонно действует План Божий о спасении".

2.4.3. Учение о спасении

Пришло время поговорить о "марианском" понимании спасения. Для сравнения кратко определим православное учение о спасении. Согласно Православию, спасение заключается в избавлении падшего человека от действия греха и благодатном соединении человека с Богом, что является для нас наивысшим благом. Для борьбы с грехом необходим подвиг и покаяние, но для избавления от т. н. "первородного греха", коренящегося в нашем естестве после грехопадения Адама, этого не достаточно, т. к. "любая изолированная, сущая сама по себе природа не может сделаться иной природой, она может только осуществлять себя", "покаяние не выводит из естественного состояния, а прекращает только грехи". Поэтому потребовалось, чтобы Сам Бог в Лице Своего Единородного Сына соединился с больной грехом человеческой природой (воплотился) и через Крестную смерть и Воскресение "осудил грех во плоти" Своей (Рим.8:3-4), уничтожил в Своей индивидуальной человеческой природе остатки греха. Отныне люди получили возможность усваивать плоды искупительной Жертвы Христовой и благодатно соединяться с Ним (становиться "причастниками Божественного естества" (2Петр.1:4)) через таинства Церкви, которая является мистическим Телом Христа.

Крестная смерть Сына Божия явилась не только "для иудеев соблазном, а для эллинов безумием" (1Кор.1:23), но и камнем преткновения для большинства христиан. Так католики выдвинули юридическую концепцию искупления, согласно которой Христос от лица человечества принес кровавую жертву за оскорбление, нанесенное Адамом божественному правосудию. В понимании сути искупления с католиками солидарны и протестанты. Вопрос об исправлении Христом падшей природы человека в западном богословии не ставится, т. к., согласно католической доктрине, Спаситель воспринял от Девы Марии уже исцеленную от первородного греха природу. Она была исправлена в момент непорочного зачатия самой Приснодевы. Но, в таком случае, по справедливому замечанию Леонтия Византийского, Спасительницей человечества следует считать саму Богородицу. Уже в наше время то, что вызывало возмущение православного богослова, превратилось в кредо мощной католической партии, ратующей за введение нового догмата, провозглашающего Деву Марию "Соискупительницей" рода человеческого.

Подобные мотивы, только в какой-то предельно гротескной, причудливой форме, мы встречаем и в БЦ. Суть "богородичной" сотериологии лучше всего передать с помощью определения из Державного катехизиса: "Совершенная небесная Чета, новый Отец и Мать, Жених и Невеста, Мужчина и Женщина воссоздают вселенную, какой ей надлежало быть, если бы не было змия и грехопадения". При этом домостроительство Христа и Марии различаются некоторой "специализацией": "Христос, по святым отцам, обожил природу в целом. Богородица обоживает ипостаси (личности)". "Он – Домостроитель по природе, Она – Домостроительница по личности. Он – Домостроитель второго Лица Пресвятой Троицы, Она – Домостроительница третьего Лица, Духа Святого". Обожение

совершается посредством "втеснения", "всевания" в человеческую природу Непорочного начала, которое есть "величайший дар с Неба от Пресвятой Троицы", "действенное проявление Бога в мире". Можно даже определить Непорочное начало как божественную ипостась, т. к., по существу, оно представляет собой "раскрытие божеством Святого Духа ..." имени "= ипостаси - д.И." Господа Яхве" точнее даже "то имя, под которым проявляется ипостась Святого Духа в мире". "Процесс всевания Непорочного начала именуется Непорочным Зачатием".

2.4.4. Учение о домостроительстве Христа

Для начала остановимся на домостроительстве второго Лица – Христа. Как абсолютно справедливо заметил сам Береславский, "кармический тип мышления вообще исключает действие Искупителя", что замечательно иллюстрируется на примере учения БЦ. Но это становится понятно далеко не сразу. Изначально делается утверждение, что миссия Спасителя сводится к обожению человеческой природы в целом. "Он это сделал в духе, тем, что воплотился в адамовом роде (еще до искушения в пустыне и распятия на Кресте). Внутри нас стало действовать начало, противоборствующее греховному, и сила первородного греха стала умягаться по мере втеснения в нашу природу божественной непорочности Христа". "Через Господа Иисуса Христа, Искупителя и Спасителя, в мир привнесено новое, Непорочное начало, через что Сын Божий становится Новым Адамом". Но что вкладывается "марианами" в понятие "Новый Адам", если учесть, что первый (ветхий) Адам – это падшая душа мира, выпавший из Лона идеальный мир, "мир вне Христа"? Очевидно, что Новый Адам также представляет собой совокупность божественных идей, "обновленный образ и подобие Божие, утраченное Адамом первым и возвращенное новым Адамом, Христом". Воплощение Христа сделало возможным "схождение на землю Сокровищницы добродетелей, возвращенных Крестною Жертвой Спасителя". Таким образом, в Лице Нового Адама, Христа совершилось новое низведение в мир божественных идей-печатей (Сокровищницы добродетелей, Непорочного начала, мировой души). С момента распятия "душа изъята у Адама и отдана Христу в Алтарной Жертве". Кроме того, совокупность идей представляется и как ипостась Христа, поэтому "со времени воплощения Спасителя человеку возвращена ипостасность его природы".

Но возникает закономерный вопрос: если Христос посредством "втеснения" Непорочного начала избавил человеческую природу от первородного греха "еще до распятия на Кресте", зачем тогда понадобилось само распятие? Непонимание данного вопроса доводит еретиков до полного абсурда. Несмотря на ожесточенную критику юридической концепции, Береславскому, в конце концов, ничего не остается, кроме как признать ее, при этом вывернув наизнанку, и сделав очередное бессмысленное, откровенно кощунственное утверждение: "Творец в лице Божественного Сына словно просил прощение у ветхого Адама за семя тли, заложенное в нем при сотворении". Но в то же самое время, согласно лжеоткровению, Творец в лице Сына просил прощения и у Самого Себя, что окончательно превращает "драму искупления" в фарс: "Отче! Прости Мне грехи их, как если бы Я Сам их совершил". Распятие "умилостивило сердце Небесного Отца" и отсрочило Страшный Суд. Но для этого Христу пришлось выпить яд из совокупной чаши человеческого греха и перенести не только крестные муки, но и "всеподавляющее чувство вины и греха", т. к. "только такая мучительная и позорная смерть, как распятие, могла стать достойной жертвой", "выкупом, ценой искупления". Как и в случае с индивидуальной греховной чашей, чаша

совокупного Адамова греха объект вполне конкретный и даже осязаемый: "Она была прямоугольной формы, наподобие Ноева Ковчега, несколько десятков метров в высоту и немного меньше в ширину. Тысячи демонов сидели во множестве отсеков этой чаши, тысячи змей извивались кольцами". Когда Крест со Спасителем был вознесен над землей, эта чаша рухнула и растеклась по днищу и стенам преисподней, а змеи расползлись. По мере приближения смерти Христа, чаша греха таяла в небе, и, когда от нее ничего не осталось, Он произнес: "Совершилось". В этом кощунственном и абсурдном учении есть лишь один ясный мотив – спроецированный в область догматики комплекс вины самого Береславского.

Кстати, как следует из лжеоткровения, Христос не сразу пришел к мысли о распятии. Этому предшествовали многолетние истерические припадки: "Господь объяснил, что 33 года земного служения до перевода в страстное состояние Он провел в непрерывном адском кризисе. Как спасти человечество? Каким путем вести его? ..." Когда Господь удалялся на гору, Он метался, был в бешеном движении, кричал "?! -д.И.". Он не видел, как спасти этих людей, пока не открылся путь Креста".

Голгофа имплицитно уже содержала образ ада, но все же схождение во ад было необходимо: "Схождение во ад – одна из целей Плана Божия". Этим актом Христос нанес "сокрушительный удар по змею. Вся держава сатаны была разрушена". Однако превращение ада в "Божественный Ад "!!?" -д.И."" было бы невозможно без Креста и распятия: "Спаситель не смог бы сойти в ад, пока не претерпел Крестный путь и Голгофское посвящение". Распятие, т. о., преподносится в качестве некоей мистериальной инициации.

Особое значение в деле искупления придается самому Кресту. Крест для "мариан" – очередная "тайна". "На кресте была распята Сама Жизнь. Источник жизни умер на кресте и, обьяв его, отдал жизнь Свою кресту. И жизнь вошла в древо, прежде впитавшее грехи наши и омывшееся кровью Господа... Неслыханная страшная тайна! Крест взял на себя грехи и вину, впитал их и вернул нам жизнь". Этот текст вскрывает всю магическую, оккультную сущность "богородичного" учения. Оказывается, деревянный крест принял на себя грехи мира и взамен отдал нам, впитавшуюся через Кровь Христа, жизнь! Но Крест не просто пространство, на котором совершено наше искупление, он – "основной закон и ключ к Царству Небесному". Порой Крест даже замещает собою Самого Христа. Это не удивительно, если учесть, что, когда "из недр Божества, Отца Небесного, родился Господь наш Иисус Христос, ..." с Ним родился и Крест". Или, если верить в то, что Крест "начертан в Троице как сияние творения". Наконец, лжепророк откровенно заявляет: "Крест и Христос – одно. Господь есть Крест олицетворенный, а древо крестное преобразовывало "вероятно, имеется в виду прообразовывало -д.И." Его".

Извращенное понимание распятия привело еретиков к гипертрофированному расширению временных рамок голгофской Жертвы. Из исторического события оно превращено в некое метафизическое явление, растянувшееся на два тысячелетия. "Господь распялся уже в самый момент погружения в космическую сферу греха. Каждый час Его на земле был непрерывным мученичеством" и по сей день "Господь распят в сфере между землей и нижним небом, нарекаемым космической сферой ..." Поныне гигантское Распятие Сына Божия простерто во вселенной", причем "мучения Его все тяжелей и невыносимей". "И вся суть Его Откровения в том, что Он по сей час распят". В этих утверждениях фактически отрицается Воскресение Христа, что, согласно апостолу Павлу, полностью

обесценивает Его Жертву: "если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна" (1Кор.15:16). Учитывая это обстоятельство, Береславский выдумывает теорию повторного распятия, последовавшего "вослед за Воскресением". "Все, все знайте: Христос распят! Да, да, воскрес и распят". Но зачем?! Все дело в том, что "род Адамов, хотя искуплен, но не прощен", поэтому Христос "был распят дважды – в ознаменование спасения и в освящение искупленных жертв". Но, несмотря на все свои ухищрения, Береславский вынужден признать: "Фундаментальный водораздел пролег между Параклитской Предстоящей и Православной церковью в вопросе о Распятии Христа, дящемся по сей день и час".

2.4.5. Учение о домостроительстве Марии (обожение в богородичном Лоне)

Учение БЦ, как и любое другое ложное учение только умаляет величие Божие. Это, кроме прочего, видно и из того, что, по мнению еретиков, Крестной жертвы Христа оказалось недостаточно для нашего искупления. Поэтому "милосердный Господь, Искупитель человечества пожелал, чтобы души, не искупленные Его Крестом, все-таки были спасены. Понадобилась соискупительная миссия. По любви, дарованной Ей Господом, Мария чаёт разделить Его страдания за души, погубленные дьяволом. Вот уже две тысячи лет Мария сораспята со Спасителем и соразделяет Его Чашу". Слово "сораспята" употребляется в буквальном, а не переносном смысле, т. к. на Голгофе: "Мария вошла в Крест и сораспялась Иисусу", Она в точности испытала все Его крестные страдания, трижды умерла во время казни и воскресла. Но и это еще не все: в конце времен Марии "придется принести жертву, равную жертве Агнца Божия" (а м. б. даже более значимую), быть распятой (выходит, уже второй раз?) и воскреснуть. Возможно, началом этой жертвы следует считать август 1991 года, когда "Пречистая принесла Жертву за Россию, равную искупительной Жертве Господа на Кресте". Таким образом, Мария вместе со Христом "берет на Себя бремя человеческих грехов, разделяет чашу Адама". Неудивительно, что подобно "Христу" Она пытается очернить себя в очах Всеведущего Бога и откровенно клеветает на саму себя: "Будучи невинной и непорочной, Мария взяла на Себя грехи всего человечества и, предстоя Небесному Отцу, сказала: Я виновата, Меня покарай. Потому-то дьяволу было попущено терзать Пресвятую Деву – за грехи всего адамова рода". И вот, "у Богоматери открылись раны, прежде зарубцевавшиеся, из них фонтаном брызнула кровь. Богородица получила столько пуль, стрел, копий одновременно, сколько должны были вонзиться в двадцать миллионов жертв".

В наши дни начинается принципиально новая стадия искупления. Ее новизна столь разительна, что, по убеждению "мариан", уместно говорить о "Третьем", "Новейшем Завете" Бога с человечеством или даже о "новой религии". Вероятно "Третий Завет" обусловлен вступлением божества в свою третью "метаипостась". Революционная особенность "Новейшего Завета" заключается в том, что на этой стадии происходит уже не искупление, а обожение человеческого рода. "Обожение предполагает две ступени: Богоматерь собирает (первая ступень: соборность) учеников Христовых по всему лицу земли, чтобы сочетать их со Христом (вторая ступень)". "Новизна грядущего Завета в зачатии Христа в преображенном сердце".

В третьей метаипостаси Женское начало проявляет повышенную (по сравнению с Мужским началом) активность. Именно Мария отныне проявляет инициативу: "Я "Мария" жажду сочетать вас узами, какими сочетанна со Господом, и привести на Брачный Пир как дорогих гостей", "Я соединена узами Брачной Вечери с Иисусом Агнцем, чтобы собрав детей Своих со всех концов земли в Моем Материнском

Сердце, преподнести их Господу", "Я жажду поместить вас в мир Моего Сладчайшего Сердца". Если грехопадение – это выпадение из Сердца, то спасение, соответственно, – возвращение обратно в Сердце. И здесь божественное Сердце выступает в новом измерении – оно становится Церковью. А Дева Мария оказывается "Церковью олицетворенной, "... соборной Марией, – Матерью церкви и Богоневестой – церковью "... Она – единственный и центральный связующий момент, духовный узел вселенской церкви". "Церковь есть Я Сама, – вещает лжебогородица, – Мои Лона животворящие, Мое Сердце". "Церковь есть Мать Божия и путь вхождения в Лона Пречистой Девы". Единство Церкви – это сочетание всех сердец в одно Сердце: "Ваши сердца заключены в Мое "Марии"". ""Мы – одно сердце, один человек – Иисус Христос!" – восклицали братья, сердечно переходя друг в друга". "Являясь Самим Живым Пульсирующим Сердцем Пречистой, прободенным Голгофской скорбью Иисуса – эта Церковь "г. е. БЦ" вслед за Божией Матерью вмещает всех, всего Адама, как всей совокупности душ живых и мертвых, не разделяя его целостности, отверстым духовным оком прозревая в каждом человеке Распятого Спасителя". Отсюда следует, что первая стадия обожения является не просто собиранием в Сердце, а "церковным соборованием".

На второй ступени обожения Мария должна соединить каждую душу со Христом. Достижение этой цели возможно лишь при посредстве Марии и никак иначе: "Царица Неба – единственная посредница между нами и Господом", "Невозможно без Матери Божией и помимо Нее познать Христа".

Нам важно понять каков механизм (в случае с БЦ и их верой в "Великую Машину" это слово вполне корректно) соединения души со Христом. По выражению "Державного катехизиса", Мария – "Та, Которая даст жизнь Богу – воскресит в нас Христа, даст возможность пользоваться плодами крестной жертвы". Мария "возвращает" и "воспитывает" Христа в сердце каждого человека, Она Сама – "сердце человеческое, рождающее Бога". Существует неисчислимое множество текстов, говорящих о том, что каждый человек должен войти в Лона Марии и родиться от Нее во Христе. Это понимается буквально: Мария "рождает каждого из нас из той же непорочной Утробы", что и Христа. Но, как мы уже выяснили, Христос понимается Береславским как Новый Адам, Адам Кадмон. В Своей Личности Он несет в мир новую совокупность идей-печатей, "Сокровищницу добродетелей". В период Новейшего Завета Божество активизирует свою Феминную Ипостась, которая отныне становится новым олицетворением "Сокровищницы", Новой Евой и основным действующим лицом мировой истории: "Телу смерти должно умереть, телу греха – разложиться и распасться в нас. Рожденному свыше от семени Нового Адама в лоне Новой Евы телу жизни – Младенцу Иисусу в Купине Непорочного Сердца Марии – возрастая, питаясь насущным хлебом сверхъестественных добродетелей". "Я "Мария" принесла образ нового человека: сердце вселенское, "... душа всевещающая". "Приимите Меня в сердце. Позвольте Мне начертать в нем Лик Спасителя, живой и сладостный Закон Любви". Примечательно, что синонимом слова "Лик" оказывается слово "Закон". Миссия Марии сводится к изъятию из человеческих душ ветхих образов-печатей, подлежащих сожжению и усвоению каждому человеку нового божественного Образа, что и понимается как рождение в душе Христа. "Дыхну"!?" -д.И." – и от Огня Моего загорится вселенная! И произведу Нового Адама, и упраздню прежнего. Се – новый человек в Славе Божией". Это напоминает денежную реформу: у населения изымаются старые купюры и выдаются денежные знаки нового образца. "Старое сердце более негодно, отдайте его Мне, Я распоряжусь им, как должно. Взамен Я вручу вам Свое новое сердце". "В Моем

Сердце покоится Сокровищница образов для каждого из вас. Принявший образ, свыше посылаемый, записывается в Книгу Жизни". "Поставлю Свои печати – знак участия Божией Матери в обновлении и перерождении души". Замена печатей представляет собой "эфирную операцию", "чудную операцию" – "перегруппирование частиц души, большая часть которых направляется в Мистическое Тело. Лишь ничтожная доля остается в физическом теле – для обеспечения жизни на земле". Порой речь идет даже не о печатях, а о замене старых душ на новые: "Дети Мои, в Моем Сердце произрастают души для новой жизни, которые будут новыми творениями для нового человечества". Примечательно, что преподобный Симеон Новый Богослов, именем которого названа "богородичная" "Духовная Академия", как будто предвидя появление этого безумного учения, писал следующее: "Создатель "... – внимай, о чем я буду говорить тебе – пошлет тогда (тебе) Божественного Духа (не другую душу, отличную от той, которую ты имеешь, но) вдохнет в тебя, говорю, Духа от Бога".

Выше упомянутая "операция" может совершаться с помощью ангелов: "Нисходит Святой Дух – раскрывает череп "!"? -д.И.", и туда попадает семя. Нисходит Дух, и Ангел-Хранитель прикладывает ладонь ко лбу. Печать проникает с головы до пят, она свидетельствует о неизреченном, открывает тайны всех миров, тайны всех времен". Иногда эта "черепно-мозговая" операция совершается даже без участия Духа, одними ангелами: "Ангел-Хранитель таинственно приближается и прикладывает ладонь ко лбу, и ставятся печати, открываются тайны...". "Ныне должно отождествиться с вестниками Непорочной, ибо в их руках невидимые слепки образа и подобия Божия. Невидимые коробы с печатями, которые ангелы, герольды "? -д.И." и вестники Пречистой чают низвести в мир". Вообще порой ангел-хранитель абсолютно отождествляется с личностью подопечного. Так, в крещении человеку "дается Ангел-Хранитель. Но еще скажем: дается само лицо, а доселе был безлик". В "марианской" ангелологии есть еще одна примечательная особенность. Береславский утверждает, что помимо ангела-хранителя и демона, к каждой душе приставлен "даймон": "Даймон отличается от демона тем, что представляет род нехристианского "ангела-хранителя" "? -д.И.", или проводника из дальней родины, откуда душа пришла в мир "напомним, что по учению БЦ, души приходят в мир из божественного Лона -д.И.". По крещении даймон уступает место Ангелу-Хранителю. Порой совершается покаяние даймона, и тогда этот космический дух пополняет число ангелов". Возможность существования подобных ангелов-перевертышей лишний раз доказывает веру последователей БЦ в относительность добра и зла.

Принятие образа иногда понимается как принятие нового имени: жизнь "марианского" подвижника завершается "вхождением в новый образ, восприятием нового лица и вслед за ним нового имени". Как вариант – апокалиптического белого камня (Откр.2:17) с написанным на нем новым именем (т. е. "личностью"). Агнец Божий сходит "с неба в ореоле мистически обращенных к нам имен". Из раскрытой Книги Жизни "как песок морской посыплется "... имена всех записанных испокон веку".

В то же самое время говорится о домостроительстве Святого Духа. "Домостроительство Духа Святого есть рождение Христа-Эммануила или наше личное обожение в целом искупленной природы". В пневматологическом аспекте Мария – "Домостроительница третьего Лица, вместе с Духом Святым совершающая обожение христианских ипостасей – личностей Христовых". Но, как уже было отмечено, в третьей меаипостаси "Лица" Христа и Святого Духа взаимозаменяемы, поэтому с одной стороны Святой Дух рождает в душе Христа-

Эммануила, а с другой – "сам Дух нисходит и творит себя в подвижнике", "Дух Святой родится заново". Соответственно, "познание Христа" равнозначно "стяжанию Духа". Говоря о стяжании Святого Духа, ересиарх цитирует преподобного Серафима Саровского, на которого вообще часто ссылаются. Но подумаем, какой чудовищный смысл вкладывается Береславским в слова преподобного. "Вонмите, что значит Духа стяжать: человек перестает быть собой и становится одно со Христом, личность растворяется "!!! -д.И.", Дух заполняет. Жертва принята, душа отдана Христу, и Господь в нее вселен на веки вечные". При этом стираются "все случайные черты в человеке", "растворяется личная воля". Человек должен потерять свою "память и забыть само имя свое". "Причаститесь в Духе и растворитесь в Божественной Полноте, так что не различите внешнего и внутреннего и не найдете, где кончается сердце и начинается мир, ибо все сольется в одно целое, славящее Бога!". Несмотря на заявление: "Блаженство, о котором говорил Господь, качественно отличается от буддийской нирваны", иначе, как нирваной это состояние назвать нельзя!

"Жертва принята, душа отдана Христу..." Очевидно, что в данном случае душа рассматривается как жертва далеко не в христианском, нравственном понимании, "жертва Богу – дух сокрушен" (Пс.50,19) или "Сын мой! Отдай сердце твое мне" (Притч.23,26), а в самом, что ни на есть языческом. То есть жертва как уничтожение чего-либо во имя бога: "Разрушая часть космоса, жрец высвобождает из нее ту энергию, которую боги когда-то затратили для ее создания, и тем самым возвращая эту энергию богам, укрепляя их силу". В "богородичном" понимании жертвой становится сама личность человека.

2.4.6. Учение о посвящении Непорочному Сердцу (познание божественной любви через страдание)

Все же Береславский вынужден уплатить дань реальному положению вещей и, несмотря на "марианский" фатализм, учесть человеческое право на свободный выбор. Чтобы в человеке стало действовать Непорочное начало, он, во исполнение фатимских требований, должен добровольно посвятить себя Непорочному Сердцу Марии: "Дитя Мое, мир спасется единственно посвящением Моему Непорочному Сердцу. Таков кратчайший путь". Конкретно требуется посвятить слух, око и сердце. После посвящения "Непорочное начало вытеснит, съест и пожрет семя змия", "выжжет зло" в человеке, отныне он "умирает для греха" и дьявол уже не будет иметь над ним никакой силы. Но это возможно "только вхождением в Ее "Марии" лоно, Ковчег, через посвящение Ее Непорочному Сердцу. В этом состоит тайна домостроительства".

Весьма примечательно, что Береславский в духе оккультного "целительства" обещает своим последователям не только спасение души, но еще физическое здоровье и процветание: "Мои возлюбленные не совершают греха. Вечной гарантией от смерти и болезней служит Непорочное Зачатие в Моем Лоне". "Забудете про свои близорукие глаза и простуды. Дух Святой не просто укрепит, но изменит состав телесный". "Кто взыскует сердцем Христа Единого, "... у него проходят все болезни, нарывы, заживают раны и затягиваются рубцы". Человека ожидает "благоденствие, процветание, здоровье, радость, красота". Однако все это не более чем рекламный трюк, т. к. несмотря на заманчивые обещания, "Бог не избавляет нас от болезни, но освящает болезнь. Она становится болезнью ко славе Божией". Здесь речь идет вовсе не о смиренном отношении к скорбям, посылаемым человеку за грехи. "Душа призывается на земле не страдать за грехи, а познать любовь Божию". В своем высшем смысле болезнь и страдание являются

фундаментальными понятиями религиозной практики, необходимыми условиями человеческого участия в Божественной любви: "Особая честь для души придти на землю и познать любовь Божию, которую нигде более познать нельзя. Душам дается великое откровение любви Божией через огромные скорби". Собственно, "в этом смысл воплощения душ на земле".

Страдания делятся на два типа: искупительные и соискупительные. Первые – необходимы для личного спасения: "В природе уже заключалась потенция очищения, но личность призывалась эту природу как бы соискupить: уже выкупленную в целом природу каждая личность должна выкупить для себя в отдельности". "Скорби – "... средство к преобразению внутреннего человека". Но это – "ветхая скорбь не соискупительного, а искупительного порядка (во искупление личной чаши)". Это "ветхозаветный" тип страданий, "нет на них благословения избранничества". Подлинный смысл страданий в другом: "Господь желает сделать наши скорби соискупительными, преобразенными", "Мы страдаем не ради своего собственного искупления, но чтобы облегчить страдания грешников", "необходимы соискупительные молитвы и жертвы живущих, чтобы облегчить страдания усопших". Самое главное заключается в том, что соискупительные страдания облегчают не только страдания грешников, но и искупительные мучения Христа и Марии: "Дитя Мое, освой новую для тебя науку – страдать в Моем Непорочном Сердце. Грехи мира таковы, что Наши верные дети призываются разделить Крест своих родителей...". "Наши страдания нужны, чтоб облегчить страдания Господа". "За Христа страдайте и во Христе. Понимайте это буквально – пропитавшись Его голгофской мукой", "Страдайте во Имя Распятого и блаженствуйте Им заповеданным блаженством", "ищите скорбей". Каждый посвященный должен стать "малым соискупителем" и принести "соискупительные жертвы", "чтобы через наши малые жертвы совершилось таинство великого Искупления Адамова рода".

В контексте учения о проявлении божественной любви в скорбях приобретает новое звучание и проблема крестных страданий Спасителя. "Крест выступает не как некое действие, которым возвращается милость прогневанного Бога, но как выражение нерассуждающей любви Божией, избирающей крестный путь". "Крест – тайный знак действующей вышней любви, желающей пролиться на среду тьмы, неспособной принять любовь". "Страдание в христианстве понимается как безмолвный вопль любви, уже никак иначе не способной разрешиться".

Нам следует обратить особое внимание на патологический характер "божественной" любви: "Вот тайна, о ней еще не говорилось никому. Господь призывает к вере порой и вражды души, предвидя их необратимость, для того лишь, чтобы быть распятым от них, ибо испытывает сладостную муку от Распятия "!! -д.И." Иные призываются к вере для того лишь, чтобы увеличить страдания Сына Божия". Его Страдание "одновременно есть и наивысшее блаженство". "Блаженство (жизнь в любви, страдания от избытка любви) дал нам Христос "... Блаженство понимается Пресвятой Девой и святыми старцами как радость во скорбях. Но что такое радость в скорбях? – спрашивает Береславский, – утонченный садомазохизм"? И сам же отвечает "нет". А почему, нет? Вот отрывок, со всей очевидностью раскрывающий патологический эротизм "искупительной мистерии": "Христос непреложно остается в ближнем и "... ближний (Его обитель) "... падает, искушает меня "... А в нем живет Христос! Неслышанно, невиданно! "... Какой непредвиденный абсурд – что, Христос в ближнем грешит? Если Он безгрешен, почему принявший Христа ошибается, "... Христос в ближнем распинает меня?.. "... Каким властительным, нездешним оком надо

видеть ближнего, чтобы понимать "...", искушения, падения, как тайную любовную игру "!!! -д.И.", "сокрытую любовную игру"!!! Выходит, что божество, мучая нас своим косвенным Промыслом, тем самым вовлекает нас в некую садомазохистскую эротическую игру?! И вот правила этой игры: "Человечество – ..." невеста, жаждущая обожения на брачном одре через сочетание с Женихом. Жених томится, Жених медлит, источает свет... И невеста, увлеченная в пустыню, жаждет "...". Невеста жаждет умереть в объятиях своего Возлюбленного". "Господь хотя и томит Свою невесту, но прекраснее этого томления нет ничего; хотя посылает ей скорби, но как они блаженны! И, наконец, приходит, облакает, сочетается и берет в Свои объятия...". "Что бы познать Его "Христа" как жениха Духом Святым в осенении вышней любви, надо озаренно возлюбить, увидеть пережить в себе Его любовь! А затем очами Его крестной, безумной, томящейся любви возлюбить ближнего". "Крест – одр, сочетающий нас с Богом, и в этом тайна креста". И близок тот день, когда "откроется век богосупружества, как его понимали испанские мистики (Иоанн Креста, Тереза Авильская)".

В связи с этим приведем здесь одну странную, но весьма примечательную "молитву": "Лоно, Лоно, Лоно... Лоно праведное, Лоно светлое, Лоно – Ковчег, Лоно – рай, Лоно, Лоно, Лоно... Лоно благоуханное, в чертогах Божественного Жениха. Лоно, Лоно, Лоно... Лоно вожденное, Лоно чудное, Лоно вечное. Лоно, Лоно, Лоно. Лоно радостное, Лоно долгожданное, Лоно упокояющее. Лоно, Лоно. Богородица, сходящая в огненном столпе, – Лоно, Лоно, Лоно. Мерцающей надмирной Голгофой, Лоно...". "О Лоно вожденное! Жажду соединения с Тобой"! Если принять во внимание буквальное значение этого многократно повторенного благозвучного слова, то весь мистический восторг мгновенно улетучится и останется рафинированный эротизм, граничащий с манией. "Вы во Мне "Марии". Вы в Лоне ..." мы – одно". Вот она конечная цель всей "богородичной" мистики – человечество призвано очутится в эпицентре внутрибожественного соития ("зивуга") и без остатка раствориться в эротическом экстазе! "Церкви будущего расцветут под эгидой мистического брака Канны Галилейской, понимания совершенного диалога любви и духовного сочетания Иисуса и Марии, которым будут проникнуты воздуха будущего". Цель – "войти в дух общения Христа и Марии, приобщиться к нему. И в этом также одна из великих тайн Ее "Марии" Откровения – тайное тайных".

2.4.7. Попытка систематизации учения о спасении

Несмотря на бессистемность "богородичного" учения в целом, мы все же попытаемся дать свою версию "марианской" парадигмы. Выпадение идеального мира – следствие божественной любви. Бог хотел, чтоб весь мир познал его любовь, а это возможно только через страдание "Голгофа – апофеоз соискупительной любви в скорбях, ибо на распятии в предельной скорби предельно излилась Его любовь. Любовь была такова, что потребовала беспредельной скорби. Тут она выразилась адекватно, вышла вовне – рана, зияющая в Сердце Господа, рана Его любви". Вообще, очень часто к божественному Сердцу применяется эпитет "прободенное": например, "прободенное Сердце, простертое над землей". Возможно именно через эту "рану любви", эту "пробоину" некогда и выпал из божественного Сердца идеальный мир. Теперь через блаженное страдание Бога и человека во имя любви идеальный мир должен вернуться обратно в Сердце-Ковчег, в Плерому. Вполне вероятно, что Береславский мыслит именно так.

Теперь рассмотрим учение БЦ под несколько иным углом. Если весь мир – огромная пантеистическая "Машина", а человек – лишь маленький послушный "винтик" в ней, то "грехопадение" и "искупление" являются закономерным движением раскачивающегося туда и обратно "маятника" "промыслительных часов". Посудите сами: "На небе души готовятся к воплощению, а на земле – к возвращению в дом Отчий". "Грехи, на которые был заключен завет в космической сфере, обычно реализуются в земной жизни, после чего душа вновь возвращается в надмирную плоскость". "Род наш пал в низшие недра земли. И теперь предстоит его путь в Царство Небесное, лежащий через космическую сферу искушений", "Земная жизнь есть вынужденный спуск. Душа движется в ад. Покаянием Господь возносит ее "... Таков духовный путь. Надо спуститься, чтобы подняться, отречься, чтобы принять". "Прощение и новое падение на духовном пути режиссирует "!" -д.И." Господь". Береславский называет этот принцип "крестной диалектикой бытия человеческого "... основным мотивом Креста": "Основное диалектическое условие восхождения через падение: идущий прямым путем вверх – низвергается". "Духовная лестница поведет вниз, чтобы поднялся. Чтобы подняться на одну ступень, приходится на такую же ступень спуститься". "Но сколько прежде должно пройти ступеней, сколько раз пасть и восстать". "Сотворение. Отпадение. Восстановление. Таков алгоритм творения"!!! Вот оно – движение гигантского маятника: падение-восстание, вниз-вверх, вниз-вверх...

Искусственность мировоззренческих построений Береславского, наличие в них ярко выраженного игрового элемента позволяет ему говорить о мировой истории как о грандиозном спектакле, карнавале, или, скорее, постмодернистском перформансе: "Вся история мира – не что иное, как смена одежд единого ветхого тела Адамова. Одежды эти – даты, времена, лица, события". "На наших глазах разворачивается великая надмирная драма "-д.И."!!! Так некогда Адам разыграл "сцену "-д.И." с грехопадением в Эдемском саду", теперь Марии приходится "исполнять обличительные, служебные и утешительные роли "-д.И."", а каждый христианин, в свою очередь, должен не просто чувствовать "себя участником непрерывно творящейся драмы", "искупительной мистерии", но и непосредственно "принять участие в драме искупления, в центре которой – Спаситель и Пречистая". После этих слов не вызывает удивления любовь Береславского к театральности (мистерии, пластическая молитва и вообще весь литургическо-молитвенный строй секты). Как известно, лейтмотивом классической греческой трагедии (особенно у Еврипида) является противостояние героя своей неумолимой судьбе, року. Судьба неизменно побеждает, раздавливая несчастного героя. Увы, то же самое происходит и с психикой членов секты, пытающихся под руководством "умиленного агапического старца любви", лжепророка Иоанна принять участие в "драме искупления". "Я "Береславский" наблюдаю дивное таинство омовения душ в водах Лона Божией Матери. В световых лучах душа "кающейся девочки из видения Береславского -д.И." преображается. Девочка при этом испытывает неслыханный восторг. Горячие слезы текут из ее глаз. Вдруг ей становится плохо "!! -д.И.". – Умираю, – шепчет она, едва живая, опускаясь спиной на землю. Ангел склоняется над ней и знаменует крестом"...

2.5. Эсхатология

2.5.1. Учение о загробной участи души (личная эсхатология)

Выводы сделанные в главе "Сотериология" несколько обесценивают дальнейшие описания "богородичного" учения о душе и последних временах, но все же без них вероучительная картина останется неполной, ведь именно этой теме посвящена большая часть "марианских" "пророчеств".

Для начала необходимо отметить, что противоречия проявляются уже в самом отношении идеологов БЦ к смерти. С одной стороны в "богородичных" текстах можно встретить не мало призывов к "Страху Божию" (или "памяти смертной"), что роднит в данном вопросе "марианскую" традицию с православной. "Поскольку Страх Божий – начало мудрости, источник целомудрия, бесы предпринимают максимальное усилие для ослабления Страха Божия, для чего внушаются идеи "... об отсутствии Страшного Суда и воздаяния". "Бойся грешить, дитя Мое, и бойся наказания за грех". Но гораздо чаще Береславский встает на позицию психоанализа и начинает рассматривать "страх смертный" как негативное явление, как предрассудок вызывающий у человека "тяжелейшие экзистенциальные невроты". "Сегодня настолько истерзаны души, что Небо настоятельно просит снять страх смерти. В дальнейшем церкви, учащие о страхе смерти будут совершенно брошены людьми".

Это противоречие проясняется (или м. б., наоборот усиливается) после знакомства с "марианским" учением о загробной жизни. Дело в том, что согласно верованиям БЦ каждая душа проходит в своем загробном странствии ряд этапов. Некоторые из них имеют утешительный характер, а другие – скорбный, причем это, в конечном итоге, не зависит от праведности человека. Сама смерть, по выражению лжепророчества, "очень легка и безболезненна для подавляющего большинства душ". "С высоты небесной ..." переход в иной мир выглядит не более трагичным и тяжелым, чем рождение бабочки из кокона". В зависимости от святости или греховности жизни после смерти душу встречают ангелы или злые духи. Иногда говорится о том, что Сама Мария лично встречает каждую душу у смертного одра. Дальнейшая судьба души может развиваться по различным сценариям.

На начальном этапе загробная участь души предопределена не нравственным обликом или конфессиональной принадлежностью, а исключительно ее происхождением (от "семени Жены" или "змия") и "печатами". "Идет ли речь о подсчете добрых дел? Речь идет о завете и о печатях, по которым будет судим человек. Проклятые будут судимы, имея печати зверя и начертания его на руках. Праведные – крест на челе и в сердце". Таким образом, по крайней мере, проклятые предопределены на муки уже по самому факту своего происхождения. Но, как видно из приведенного текста, мучения могут стать расплатой не только за "врожденную" греховность (как в случае с проклятыми), но и за "приобретенную" за счет греховных печатей (это относится к адамитам). Последняя категория людей образует "третий род – грешники – большая часть человечества, которая находится под влиянием и действием люциферианских магнитов, которая во власти дьявола, но подлежит преображению, очищению и спасению". В соответствии с тремя категориями душ существует три возможных загробных удела.

Начнем с самой малочисленной – святые. По мнению Береславского, "истинных христиан всегда единицы – крестных избранников, воздвигаемых Богом для просвещения других". "Сейчас истинный православный есть распятый одиночка". По смерти святые быстро переходят в блаженное состояние, смерть для них подобна мимолетному сну: "Очень легким, "успенским" является сон, или переход в вечность, для тех, кто родился свыше и познал жизнь в любви", кто возлюбил

скорби в сем веке. "Мученик Христов встретит смерть блаженствуя". Такие души Святой Дух проводит через все разделы адской пропасти и показывает каждой душе ее грехи и Сам же их (грехи) уничтожает. Потом с помощью небесного херувимского огня Дух переплавляет души в особой печи, делая их, т. о. достойными Славы Отца Небесного. При определении загробной участи святого имеет принципиальное значение так сказать "анатомическое" различие в поставлении "божественных печатей". "Божия Матерь различает между печатями Агнца на челе и в сердце. На челе они ставятся тем, кто пребывает в Церкви как избранный. Таких ожидает спасение, светлый удел и ограждение от болезней, но в Лоно они не попадают "...". В Лоно могут войти только имеющие печати Агнца в сердце – сочетанные узлами вечной любви". Согласно православному учению, в Царстве Небесном святые будут прославлены не в одинаковой степени, подобно тому как "иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится во славе. Так и при воскресении мертвых" (1Кор.15:41-42). Но вся проблема в том, что Лоно ассоциируется "марианами" с Церковью, а это с неизбежностью наводит нас на мысль о возможности, в понимании сектантов, спасения вне Лона-Церкви! Для православной сотериологии такой вывод неприемлем.

Теперь посмотрим, что, согласно лжеоткровению, происходит со святыми там, "где нет ни ропота, ни горя, ни скорби, ни уныния, ни смерти ни болезни ни греха; где только радость вечная и покой благоуханный". "Душа, вводимая во град святых, созерцает селения и храмы, вкушает благовония и обретает место свое в жилище праведных. И нескончаемо долго упивается она дивным совершенством того неописуемо красивого мира; но вскоре как бы отрезвляется, как бы приходит в чувство после сна – и видит за прозрачными стенами границу черной пропасти, и вопли мучеников адских доносятся оттуда. И, оставаясь в раю уже не может молиться в прежнем покое, но во дни и в ночи ее терзают вопли заключенных ада, и час от часа становятся они все сильнее". Смысл процитированного текста входит в явное противоречие с упомянутыми на той же странице "радостью вечной и покоем благоуханным". Да и сам текст содержит внутреннее противоречие. Береславский сам указывает на него с помощью курсива: "нескончаемо долго", а тем более "вечно" никак нельзя увязать со словом "вскоре". Единственным объяснением может стать специфика "марианского" понимания времени. Береславский трактует вечность как длительный срок, который становится бесконечным в субъективном восприятии человека: "в грядущем порядке переживание времени станет совершенно иным – растянутым и в то же время мгновенным". Этот самообман, по мнению лжепророка, может быть связан с состоянием аффекта, "опьянением", вызванным как неизреченной радостью, так и сильным горем. Далее, при разговоре об адских страданиях, это учение обретет особую значимость, но сейчас вновь вернемся к обитателямрая: "Зияющей раной становится душа и представ пред Владыкой Вседержительным, просит у Него искупительной жертвы. Ибо рай не может существовать и цвести в веках, пока стон последнего узника адского оглашает Поднебесную". Итак, святые, движимые чувством сострадания к адским "мученикам", добровольно соглашаются понести за них искупительные муки. По сути, рай для них превращается в ад...

Следующей, самой многочисленной категорией являются грешники (более 90%). После смерти души грешников помещаются в т. н. Усыпальницу. Это еще одно имя божественного Сердца-Лона: "Усыпальница – некая многоочитая колесница, "... премирный храм Непорочного Сердца "... премирное Лоно и Зерцало". Усыпальница выполняет функцию своего рода санатория для душ. Ангелы пеленают их в белые одежды и погружают в состояние сна. "Смысл загробного

сна: упокоить душу, снять первичные невроты, которые травмировали ее настолько, что она никуда не может идти; вернуть ее в то изначальное мирное состояние, в котором она была до воплощения на земле". В Усыпальнице Мария берет каждую душу на руки как малое дитя и являет им Святую Троицу (по описанию, происходящее очень похоже на экскурсию): "Души созерцают Отца всего творения – Сущего, затем они видят Сына как видела Она "Мария" "...". Они переживают опыт Его земной жизни". То обстоятельство, что поголовно все грешники попадают в божественное Лono не увязывается с приведенным ранее утверждением, согласно которому не каждый святой удостоивается пребывания в Лоне. Но, может быть, отчасти это противоречие смягчается указанием на ограниченность срока успокоительного сна. Он подается на непродолжительное время – до 50 лет по "земным меркам". После этого души пробуждаются от сна и начинают забывать образ царственной Усыпальницы (он запечатлевается в глубине души), в них просыпаются прежние страсти, души начинают скорбеть и томиться, вспоминая прожитую жизнь (у некоторых это начинается еще в Усыпальнице). "Но в момент глубокой скорби к ним приходит ангел и открывает, что они не бессмысленно прошли земной отрезок, что они должны вновь пережить жизнь и сделать для себя выводы, чтобы избавиться от заблуждений и компенсировать грехи перед Богом, Которого они не познали в свои земные дни. И души дают добровольное согласие страдать из любви ко Господу (они чувствуют свою вину), после чего добровольно отправляются в чистилище и на мытарства". В "марианской" литературе существует большое количество противоречивых и запутанных текстов, посвященных мытарствам, поэтому мы не будем усложнять наше повествование описанием трех (!) малых Судов и объяснением разницы между малыми и большими мытарствами, т. к. эти вероучительные нагромождения носят откровенно фантастический характер, а потому не представляют для нас особого интереса. Приведем здесь лишь несколько наиболее характерных отрывков. Во время мытарств душа "проводится через адские бездны и как бы физически, хотя и сторонне, чувствует переживания адских узников, проводится через многие сферы и каждую пытку в слабой степени испытывает на себе. Вместе с тем у нее умножается чувство вины перед Распятым Спасителем". Мытарства проходятся в состоянии сна: "Обычно душа спит от двадцати до сорока лет, но примите во внимание условность сроков: показавшееся вам отрезком в двадцать лет мытарь воспринимает как бесконечные тысячелетия. "...". Нескончаемый беспробудный сон, просыпание, следующий малый суд и снова погружение в страшный сон". "Иные следуют в ад после нескольких мытарств, а иные исправляются после мучений и идут в места светлого упокоения". Но как правило "грешники в ад не идут! – за исключением небольшого числа, соблазненных проклятыми. "...". Но души, ими проклятые, вскоре выходят из преисподней, они не томятся там вечно". Как и в земной жизни страдания с одной стороны необходимы для очищения личной родовой чаши (грешникам), с другой – для искупления "адских мучеников", т. е. как соискупительная жертва любви со стороны святых. В итоге "не только праведные, но и весь адамов род будет спасен и оправдан"!

Наконец пришло время сказать о загробном уделе проклятых. Они представляют вторую по численности категорию: "проклятые и "незаконные" души (их небольшое число, менее 5%)". "Проклятые невольно, стихийно, незаконным образом воплотившись на земле, "после смерти" устремляются как косяк рыб, вслед за человеческими душами. Но ангелы их останавливают и говорят: "Уходите отсюда! Вы иного происхождения", – и отправляют их туда, откуда они пришли: в огонь геенский, в сферу страданий". При этом посланным на мучение душам "никаких объяснений не дается". Для "богородичных" представлений об аде

характерен особый контраст. С одной стороны Береславский живописует ужасные изощреннейшие пытки, что со всей определенностью выявляет определенные психические патологии его личности, с другой – старается опровергнуть садистские, "инквизиторские" представления об аде.

Адское состояние проклятых, в отличие от блаженного сна праведников и покаянного сна грешников, является "цепенящим сном", "сферой томления". Хоть и с большим неохотой, приведем здесь ряд текстов об аде: "Там "в аду" много сатурналий, десятки адских миров, ярусов – соответственно множеству грехов, извращений. Каждому греху соответствует свой мир. "... Гомосексуалисты идут в сферу гомосексуального томления, гомосексуальной поэзии, кайфа "... Наркоманы – наркотического кайфа, наркотической поэзии "... Томление и есть состояние мучений. Но они "проклятые" ничего не могут с собой сделать. Они пытаются выйти, захлебываются от ужаса и невозможности. "... Абсолютная невозможность и есть мучения. "... "проклятой душе" даются вначале крылья греха, на которых она летает". "Душа блуждает в бесконечности космических лабиринтов, пока не проваливается в "черную дыру" и не переходит из сна в сон, так и не родившись", "из одной утробы смерти в другую". Ад здесь противопоставлен Лону-Церкви, он выступает как бесплодная утроба не способная породить душу для подлинной жизни. "Мириады душ, страждущих в адской бездне. Кровь, хлещущая горлом, адские пытки, огненная лава. В потоках огненной лавы захлебывающиеся головы. Выкаченные глаза, вспученные животы. О ужас, сколько горя!". "Горе, горе им! "... Бесы будут раздирать им лица, отрезать уши, выдавливать глаза и вкладывать в глазницы горящие угли". "Я вижу души, завернутые в какие-то мокрые простыни, стонущие. Их разрывает изнутри. Они больше не могут страдать и просят только одного – быть уничтоженными, навсегда исчезнуть"... "Я не желаю вас пугать"!

Согласно этой группе текстов, ад является "подземной сферой страданий" (отсюда, вероятно, и потоки лавы) и по степени тяжести мучений делится на три яруса или сферы: "купольную" (она же "шеол" или "гадес" – "поверхностные яруса преисподней, еще не предполагающие вечной смерти"), серединную и адское дно. Ад следует отличать от мытарств, которые, в свою очередь, являются космической сферой: "Мытарства – среда, превосходящая землю", "мытарская сфера находится в космосе". Хотя, судя по словоупотреблению (напр., "мытарства адские"), Береславский часто смешивает понятия: "мытарства" (православное), "чистилище" (католическое) и "ад" (или "геенна").

Но Береславский, как всегда, легко отрекается от своих же слов и параллельно с приведенным учением излагает другое, более "симпатичное": "Ад, несомненно, – духовная сфера, не сводимая к образам подземных шахт". "Разумеется, никаких потусторонних печей, котельных, сковородок нет". И вот уже ересиарх заверяет всех в том, что отрицает "загробные страдания в чувственном образе, полагая их не совместимыми с образом милосердного Агнца". Более того, "пророк" ругает тех, кто "пугают немощных Божией беспощадностью и, как садисты, распространяются о муках ада, отталкивая от церкви". В чем же тут дело? Что позволяет Береславскому уютно располагаться одновременно на двух стульях? Секрет прост: лжепророк далеко не случайно связывает загробное состояние души с состоянием сна: "После физической смерти души засыпают. И видят сны". Таким образом, он не двусмысленно указывает на субъективность всех загробных состояний, подобно тому, как сон является всего лишь проекцией человеческого подсознания. Согласно этому пониманию проблемы, загробные страдания являют собой "феномен космического зеркала – галлюцинации религиозного

подсознания: образ веры, внушенный при жизни, трансформируется в проекцию космической сферы. Запуганные, запрограммированные на вечность дурного порядка (мытарства, колья, угли, бесы со скрежещущими зубами, адские котлы...) монахи продолжают безумное галлюцинирование в загробном состоянии. Василий Новый видел идущую по мытарствам блаженную Феодору: ученица последовательно проходила сферы томления, о которых ее в земные дни учил тот же Василий Новый...". "Имеют они "переселение душ, космические циклы и пр." место "на самом деле" или нет, можно сказать лишь с той вероятностью, с какой можно утверждать достоверность сна (космос астрально-летаргическая среда). "Я видела сон, и, кажется он верен": соглашаться ль вам, считать сон вещим или бредовым сплетением образов, – как угодно". Во время загробного сна "душа относится то в зеркальный ад, то в стеклянный рай "...". Ей что-то показывают, учат, но она беспробудно спит. Таким странным тысячелетним кошмарным сном можно назвать адские мучения". Вот в чем разгадка – загробный мир оказывается "святой школой", в которой душу учат "великому искусству рыдания", причем процесс обучения проходит во сне! "Ад есть страшная лечебница для гордецов – огненная печь, переплавляющая несмиранных в кротких". "Творец помещает нас в негатив рая – в ад, место вечной тьмы. И когда исполняется мера, определенная по Его суду, возвращаемся оттуда, особо трепетно благодаря Бога "...". Господь вновь и вновь погружает в сферы мрака, желая подать еще большее блаженство". Порой возникает ощущение, что уже сами адские муки воспринимаются ересиархом как райское блаженство: "Мытарства адские, освященные Крестом Его "Христа" мученическим, становятся предивной радостью ангельской".

В свете выше сказанного приобретают определенный смысл уже ранее звучавшие слова: "Ад таинственно связан с раем". "Для Господа нет ни ада, ни рая. "...". Ад и рай одно "...". Рай выше ада. Ад выше рая. Пока есть ад, рай – ад". "Ад – небесный свет в преломлении проклятых". Таким образом, рай и ад – исключительно субъективные состояния души. Это две сферы, находящиеся внутри каждой души, и божество лишь попускает каждой из них поочередно проявляться. Целью божественной педагогики является приведение души к покаянию через опыт ада: "Смысл христианской жизни – мысленное сошествие во ад греха, стяжание Духа Святого". "Ад – путь в рай для кающихся". "Ад, слезы, ужас, – покаяние самое сильное средство в преисподних состояниях. В них души посвященных соединяются с адом. "...". Адские состояния – знак посвящения в Крест, "...". посвященные призываются каяться в аду". Покаяние, в свою очередь, необходимо для соединения со Христом: "Покаяние есть единственно чистая форма проникновения в другого. "...". Лишь испытывая муки совести за то, что своим блудным образом жизни распинаем Распятого, приобщаемся ко Христу – виной, совестью покаянной". Важно отметить, что при разговоре о покаянии происходит принципиальная подмена понятий. В православном понимании покаяние – это сознательное изменение волевой направленности: от греха ко Христу. Покаяние – это прозрение и исцеление человеческой воли. Закоренелый грешник, невосприимчивый к живительному действию благодати превращается в "засохшую ветвь" и добровольно отпадает от истинной "виноградной Лозы" – Христа (Ин.15:1-6), становится чуждым Церкви. В ад попадают души с таким повреждением, такой укорененностью во грехе, при которой покаяние уже не возможно. Но теперь посмотрим, как Береславский понимает покаяние? Для лжепророка покаяние ни что иное, как "жгучая вина перед Вышним", если угодно, комплекс неполноценности, т. е. состояние вполне совместимое с нераскаянностью. Но коль скоро в "марианском" аду возможно покаяние (более того, пребывание в аду способствует более глубокому покаянию), а покаяние, в свою очередь соединяет со Христом, то по логике сектантов вполне допустимо

расширить границы Церкви и на адские сферы. Именно это и делает лжепророк, заявляя, что "и в аду есть своя Церковь – страждущая, молитвы которой бывают слышимы на земле". Это побуждает земную Церковь молиться за страждущих в аду: "Пока церковь (воинствующая) молится об усопших, у них сохраняется переживание присутствия на земле, что дает им возможность довести до конца их оборванную программу познания любви Божией на земле". Через эту загробную школу проходят все души, каждая, в той или иной мере, независимо от степени праведности, для познания "любви в скорбях" переживает опыт ада. Но в школу нельзя ходить вечно, поэтому адское состояние имеет временный характер. "Души, завершив земной цикл, проходят очистительные мытарства. И только тогда их завершают, когда окончательно изблевают грех. ..." А прочие продолжают свои очистительные циклы, пока однажды не достигнут совершенного состояния святых". "Нам Царица дала пережить всю полноту греха, чтобы в свой час отвергли, отреклись и отрясли, и возжаждали новыми легкими, дышащими благодатью Града Небесного, полноты благодати". "Ад в целом ..." однажды приводит к светлым прозрениям, к необходимости возврата-общения", но "проходят тысячелетия, пока души не начнут понимать это". Тысячелетия, но никак не вечность: "Мучения вечны в восприятии мучеников. Ад будет закрыт спустя полторы тысячи лет, но эти сроки условны ..." У узников геенны будет чувство, что они терзаемы вечностью, но когда восстанут преображенными и войдут в новые селения свои, им покажется, что минула всего минута со дня Страшного Суда". "Даже самый последний законопреступник, обреченный к вечным мукам, запечатлется в Ее "Марии" превечном лоне как некий лик, столь же любимый Творцом, как и все остальные, поэтому все восстают ко страшному суду с тем, чтобы по прошествии скольких-то тысячелетий затем все-таки быть восстановленными "!! -д.И." в богочеловеческом достоинстве". В конце концов из ада будут выведены и проклятые, однако "восстановление проклятых начнется только тогда, когда будут восстановлены все от рода адамова".

Процесс изведения душ из ада тесно связан с апокалиптическими событиями, поэтому прежде, чем продолжить эту тему, необходимо изложить "богородичное" учение о последних судьбах мира и Церкви.

2.5.2. Учение о последних временах (всеобщая эсхатология)

"О чадо Мое. Всего пятнадцать лет. Подумать только! Пробегут как сон... И Страшный Суд настанет. Суд Времен. Вечность Новый век. ..." Поверь, сбудется, как Я говорю, каждое слово. Или, думаете, сроки приблизительны? Ошибаетесь". Это смелое "пророчество" было изречено в 1991 г., но уже в 1994 г. уверенность в его исполнении куда-то улечивается, появляется туманная "таинственность" и неопределенность: "Когда будет предрекаемое? В ведении Господнем сроки. При знании конкретных дат лишитесь способности упования. И потому усвойте слово "вскоре", дабы ждать явления Силы и Славы Спасителя с часу на час, предав забвению прочее". Это весьма характерная эволюция убеждений. Многие секты начинали с проповеди о приближении апокалиптических событий или о глобальном мировом переделе, но вскоре, в процессе т. н. "рутинизации харизмы" отказывались от первоначальных прогнозов. И Береславский здесь не оригинален. Но, решив не рисковать с определением конкретных сроков, в целом он не изменил своим убеждениям. Апокалиптическая схватка добра и зла не откладывается, более того, она уже происходит, но только в "надмирной" плоскости: "1984-й ли год, 2004-й ли? Праздная тема! Уже сейчас, ибо времени

нет. Армагеддон идет". "Началась новая эра. Сменился духовный миропорядок, пока проявленный мистически, но вскоре должный проявиться внешне".

Поворотным событием, положившим начало апокалиптической схватке, явилось свержение в России коммунистического режима 21 августа 1991 г. Коммунизм, ассоциирующийся у идеологов БЦ с апокалиптическим "красным драконом" (Откр.12:3), был поражен в сердце великой жертвой Марии, "равной искупительной Жертве Господа на Кресте". Суть этой жертвы в том, что греховная чаша адамова рода вновь наполнилась до краев и Мария выпила ее, подобно тому, как две тысячи лет назад это сделал Христос (согласно другой версии, "Божия Мать взяла на Себя большую часть человеческих грехов, разделила Чашу страданий Христа, нестерпимую ввиду умножающегося греховного бремени"). Но в 1991 году состоялся только первый раунд великой битвы, который, впрочем, несмотря на жертву Марии, мог бы закончиться победой "дракона" не принеси тогда Россия покаяния (на I-м "Богородичном Соборе"). Сейчас "красный дракон, людоед, минотавр ..." поражен в сердце, изгнан из своей дремучей берлоги. Надолго ли? Пока не окончательно".

Следующий раунд, согласно чаяниям "мариан", состоится в ближайшем будущем и связан с приходом антихриста. Но прежде, чем коснуться этой темы, остановимся на одной любопытной детали. "Пророческие" тексты предсказывают, что незадолго до прихода антихриста состоится явление Христа в образе нищего: "Кроме Второго Пришествия в огненной Славе будет уничиженное явление Христа ..." "Он" сойдет как нищий странник, и речь Его будет звучать смиренно: "Я – тот Иисус Христос, Имя Которого ты призываешь" "... Те, кто духа вражия, Его отвергнут; чистые наставятся, примут Духа, как апостолы". В этом учении Береславский откровенно игнорирует не только Священное Предание Церкви, но и Писание, которое передает нам предостерегающие слова Спасителя: "Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "я Христос", и многих прельстят" "... Тогда, если кто скажет вам: "вот, здесь Христос", или: "там", – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки ..." как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого" (Мф.24:4-5; Ср.: Мф.23-24 :27; Мк.13:5-6:,21-22). "Христос", о котором говорят "мариане" – это лжехристос, антихрист (Ср.: 1Ин.2:18) (это, как видно, можно отнести не только к догматической области учения секты, но и к исторической). Теперь становится понятным почему, при реконструкции последовательности эсхатологических событий, сразу вслед за приходом "смиренного Христа" (непонятно куда потом исчезающего) на сцене появляется антихрист. Очевидно, что это одно и то же лицо. Весьма примечательно то, как Береславский описывает судьбы Церкви во времена антихриста: "Ко дням Антихриста "что характерно, с большой буквы - д.И." будет попущен страшный раскол. ..." Глобальные мировые потрясения вызовут необходимость новых форм храмовых отправлений, "где Береславский понабрался этой казенщины? -д.И." что крайне обострит отношения фарисеев и истинно Христовых. Верные букве фарисеи будут изображать себя ревнителями старого закона, а истинные христиане пойдут на жертву буквы и примут от самого Духа новые формы ..." Когда повсюду на земле будут ставиться антихристовы печати, легаты Антихриста призовут высших иерархов, и скажут: "Примите печать нового бога", – и фарисеи лицедейски откажутся, ссылаясь на ревность букве. "Мы поклоняемся Христу", – скажут они, попытавшись изобразить ревнителей и свидетелей. ..." А Истинная Церковь будет к тому времени уже возноситься. ..." Антихрист опять призовет фарисеев и скажет им: ""..." Предаю вас смерти, как воров и вероотступников!" И будут собраны со всей земли гонители истинных

христиан и преданы смерти". Если снять все ярлыки, навешенные на православных, то получится следующее: в то время, как отрекшиеся от Священного Предания Церкви (а в той же самой книге, несколькими страницами ранее говорится, что "за нарушение традиции от церкви отойдет благодать") "истинные христиане" будут "возноситься" (кстати, не понятно куда, м. б. имеется в виду самопревозношение?), православные "лицемерно" примут мученическую смерть за Христа!

Здесь же вскользь упомянем и о некоторых загадочных приметах "богородичного" антихриста. Во-первых, в "его крови будет начало иудейское и латиноамериканское", во-вторых, при этом "у него не будет ни отца ни матери", и, в-третьих, пожалуй, самое фантастическое, "плоть его будет особого неземного состава". По церковному преданию антихрист будет обыкновенным человеком, чистокровным евреем из колена Дана.

Времени правления антихриста посвящены, пожалуй, наиболее яркие и в то же время наиболее омерзительные "пророчества" Береславского. "Самая патологическая человеческая фантазия не сможет вообразить чудовищные похоти и мерзости тех дней" – восклицает лжепророк и с нескрываемым удовольствием начинает фантазировать на предложенную тему. А нам, в свою очередь, скрепя сердце придется пересказывать эти гадости, которые "не должны даже именоваться" (Еф.5:3). По этическим соображениям здесь передается далеко не все, но из приведенных цитат уже вполне очевидно, что для Береславского нет ничего, о чем бы ему было "неприлично говорить".

По мнению ересиарха, "Антихрист представит смерть, сферу Танатаса (бог смерти у древних греков) как самую сладкую и прекрасную". "Учение о танатическом томлении, об особой радости вечно умирающих мгновенно распространится среди обреченных "... Пожар этой смертоносной мерзости охватит весь мир". "Эротика и танатизм соединятся в единое "... придет время грехов изощренных и чудовищных. По сравнению с ними содомизм и гомосексуализм покажутся детскими забавами". "Матери сходятся с сыновьями и животными", "после соития с животными и трупами приступят к совокуплению с птицами "??!"". "Наивысшую радость составит быть битым, убитым, заколотым "... Некоторые после дьявольских оргий будут острыми когтями разрывать на части собственное тело, "... "будут" ползать по земле, умоляя, чтобы их били, убивали, мучили, терзали, в чем они найдут последнее свое удовольствие "... Традиционным ритуалом станет закалывание человека двадцатью ножами одновременно, причем несчастный будет оставаться живым, благодарить, томиться в агонии, истекая кровью". Или вот, характерный фрейдистский кошмар Береславского: "Многие мужчины найдут удовольствие в актах массовой публичной кастрации". "Будут женщины как озверевшие. Они будут носиться как амазонки и убивать всех кругом – я даю немножко утрированный образ – а мужчины будут совершать ритуальную массовую самокастрацию, и женщины будут эти отрезанные части выбрасывать". Кроме того, "сатана подаст многие дьявольские харизмы поклонившимся ему: способность выделять из себя тонкое тело", вследствие чего станут возможными "совокупления "... с призраками, в том числе с собственными приведениями, бесконечные астральные соития, "любовные" игры с бесами"...

"Задачей лукавого станет уничтожение жизни на земле", ""разжигание" мировой войны и атомного пепелища как неизбежного конца. "... Его цель – побудить человечество к самоуничтожению по собственной воле", Посредством всех своих ухищрений антихрист попытается "утянуть" весь мир в астрал через атомную

катастрофу "...", вывести души в тонкую сферу, дабы обрести над ними полную власть и воспрепятствовать Божественному плану, "... перехватить души, предназначенные Богу". "Под действием разлагающей все живое радиации (лишающей воли к жизни и гипнотически внушающей желание смертных мук) человечество подвергнется необратимым изменениям (атомной мутации) и земля перейдет в астральное измерение, где полностью властвуют законы адских сфер...".

Когда эсхатологическая вакханалия достигнет апогея, начнутся страшные катаклизмы, причиной которых будет выход ада на поверхность земли. "Ад поднимется на поверхность, небо смешается с преисподней, земля станет сферой мытарств". "Пасти адских чудовищ и сопла геенских печей выбросят горы золы, пепла и серы". "Расступится земная твердь, и тучи отвратительной золы опустятся на города, и прольются дожди ядовитые. Все сметется и не будет ни городов, ни деревень". "Земля примет видимый образ преисподней – вихри, мрак, свист, лязганье костей и скрежет зубовный, огонь и стоны, и отверстые гробы". Всего будет три глобальных катаклизма: после первого погибнет 2/3 человечества, после второго – 4/5, "после третьего бедствия останутся только истинного духа христиане", т. е. "мариане", одна часть из которых "по милости Божией" не доживет до этих дней, другая будет уведена "из подлежащих катастрофе мест незадолго до первого бедствия "... Господь явится после третьего бедствия".

Как тут не согласится с мыслью самого ересиарха: "Чем больше грехов на совести профессиональной церкви, тем тяжелей подспудные эсхатологические представления". Действительно, все выше сказанное можно объяснить лишь кошмарными наваждениями окончательно запутавшегося в сетях собственных страстей человека.

Теперь переведем дыхание и попробуем извлечь рациональное зерно из-под пестрой шелухи этого апокалиптического бреда. Сперва припомним, какова конечная цель истории по Береславскому? Этой целью является возвращение мира обратно в божественное Лоно, из которого мир некогда выпал. Для этого необходимо претерпеть страшные скорби и через опыт ада принести покаяние (переживание чувства "жгучей вины") и познать "божественную любовь". А поскольку все человечество представляет собой как бы одного "всечеловека", Адама Кадмон, то этот метод применим не только в частном, но и в общем. "Все живые и мертвые предстанут как человек один". "Духовно понятый путь Христов – обожение через скорби, покаяние и смирение, вхождение всего рода Адамова в порядок Духа". Все человечество в конце времен переживет очистительные страдания, которые приведут всех к покаянию. "Кто покорится Ей "Марии" – те будут жить, те сохранятся для света третьего тысячелетия. Остальным придется смириться перед неминуемыми очистительными карами". "Пречистая Дева не видит другой возможности призвать мир к покаянию, как только прободить сердца миллионам. Если не услышат Ее призыва, последуют неминуемые скорби, принудительное "!!" приголгофское свидетельство".

Но апокалиптические катаклизмы имеют не только искупительное значение: "Смысл предстоящих бедствий двойной: искусить и закалить души в печи огня покаянного и предуготовить преобразование тварного состава". Эти два аспекта неотделимы друг от друга: "При истинном покаянии происходит изменение душевного состава – катаклизм преобразования. Потому учение о бедствиях и преобразении неразрывно с призывом к покаянию". "Не избежать близящихся бедствий. Отец положил их за грехи сына, которому предписано пройти через

огонь и обрести закалку в раскаленной печи". То есть, бедствия необходимы не только как расплата за грехи, но и как "печь" для переплавки материального мира в духовный. "Преображение мира предполагает светлое будущее человечества, но через бедствия и вхождение в качественно иной порядок". Что же изменится в результате "преобразования"? В первую очередь преобразование коснется "марианских" святых. Здесь следует обратить наше внимание на одну из важнейших "богородичных" мифологем. Речь идет о том, что, согласно чаяниям БЦ, в мир придут святые, делегированные с Неба для особой миссии. Это будут воины под предводительством ветхозаветных праведников Или и Эноха, которые будут сражаться с приспешниками антихриста. Данной теме посвящено необозримое количество текстов и даже целые книги (напр., "Святые сходят с Неба" и пр.), но мы не имеем возможности говорить об этом подробно. Приведем лишь пару характерных цитат: "Три колесницы будут посланы с Небес. Первая самая большая. Три тысячи светозарных ратников сойдут с нее и растворятся среди смертных "на лицо влияние уфологии -д.И." Но и у избранных из земнородных частично обновится и преобразится плоть. "...". Низшие из ангелов смешаются с людьми "а этот пассаж напоминает ветхозаветные апокрифы -д.И.". "Часть подвижников грядущего будет взята от земного греховного зачатия и преобразена: отвергшие проклятие рода, посвященные Пречистой. Иные придут с Неба – агнцы Господни и воины Или. Они растворятся среди смертных, станут неотличимы от рожденных во грехе, неся в себе составы ангелов и прививая ими остальных". И даже сейчас "мы ""мариане"" уже ходим отчасти в преобразенной плоти, как введенные в храм чистейшего сияния", "воскресение из мертвых происходит в настоящем". Существует одна любопытная деталь: "Большинство подвижников грядущего, – замечает Береславский, – будут юноши от 15 до 22 лет". "Некоторые из них испросили у Господа благословения, придя на землю, принять смерть мученическую от рук врага". Если сопоставить эти тексты с учением о том, что "адские мученики" могут принести искупление за свои грехи, явившись на землю в образе 20-летних юношей и приняв мученическую смерть, то есть все основания предположить, что "святые сходящие с неба" никто иные, как грешники, выбравшиеся из ада! В это нас убеждает еще одно сопоставление. Согласно "пророчеству" Береславского, вскоре (через два поколения) в мир придут призрачные, "анемичные" души, в которых жизнь будет теплиться еле-еле, и то "в самых малых пропорциях". Теперь посмотрим, что говорится о грядущих святых: "Наблюдаю характерную особенность параклитских вестников ближайшего времени: у них и душ-то человеческих не будет". Вот такая "адская", "бездушная" святость!

Как уже можно догадаться, преобразование затронет не только праведников, но и грешников. Те, кто погибнут в результате трех апокалиптических катаклизмов, останутся во власти смерти совсем не надолго: "Явится ангел и мановением десницы воскресит их, и будут выползать из-под груд горящих обломков. И придут в ужас, и покаются, и обретут новые тела, и притекут на Страшный Суд". Но, как мы помним, тела грешников были преобразены еще раньше под действием радиации и "сатурнического зелья". В чем принципиальная разница между двумя вариантами "преобразования" остается непонятным. Однако к моменту предварительного или малого Суда покаются далеко не все. И, если на диссидентов (т. е. не принявших тоталитарный режим, описываемый Береславским) не подействует "принудительное приголгофское свидетельство", то их просто-напросто уничтожат: "Неспособные к новой жизни будут постепенно убраны в безболезненной для них форме". "Многие из упорно восстающих на Живое Слово Божие будут принесены в жертву". "Господь истребит несмиранных". Каким образом, точно не говорится, но в одном из "откровений" предлагается

весьма остроумный способ устранения инакомыслящих: "Ангел накрывает мир градусом на тридцать, и многие души скатываются куда-то, теряют сознание и уходят. Затем земная ось восстанавливается".

Со временем преобразование коснется всего тварного мира: "Начиная с середины XXI столетия "кстати, приблизительно тогда же начинается пресловутая "Эра Водолея" -д.И." мир постепенно будет переводиться в иной порядок. Начнутся процессы, совершенно незнакомые человечеству. Во время длительного сна будет произведена работа над сознанием, заменены устаревшие части тела "?! -д.И.", механизмы сознания. За эти несколько часов будет полностью изменена цивилизация. Одни души будут взяты, другие привнесены. Другой мир найдет на землю. И встанут в другом порядке". Произойдет "преобразование материи", "изменится материя вселенной и состав души", "заговорят камни и животные, поднимутся в воздух предметы" "и даже от неподвижных предметов будет исходить шум".

Вообще, относительно способа преобразования окончательной ясности нет: "Преобразование мира может произойти или внезапно, или постепенно. Он произойдет на глазах людей, но так, что его не заметят". Так или иначе, после этого сна, названного "пограничным состоянием", совершится предварительный Суд над людьми, начнется тысячелетнее Царство Божие на земле, "земной рай" или "Три Века Славы".

Здесь необходимо сделать некоторое пояснение относительно хронологии. Дело в том, что в "пророчествах" говорится не только о грядущем тысячелетнем царстве, но и о "трех Веках Славы": первый Век – Духа Святого, второй – Богородицы и третий – Троицы Венчальной. Господь во Славе. Это обстоятельство несколько усложняет вопрос. Непонятно, идет ли речь о двух различных этапах эсхатологии (в таком случае три века славы должны или предварять, или завершать тысячелетнее царство) или о едином периоде, разделенном на три отрезка. Хотя имеются доводы в пользу первого варианта, второй вариант нам кажется более верным. Во-первых, необходимо учесть, что "в загробном мире иное летосчисление". Во-вторых, слово "век" может обозначать неопределенный период времени. Так, например, первый из трех "веков" – "век Параклита" может содержать более шести веков, а общая продолжительность двух первых "веков" исчисляется тысячелетиями.

Несмотря на то, что Береславский критикует хилиастическое ("утопическое" или "миллениаристическое" как он его именуется) понимание тысячелетнего царства, по существу, взамен он не предлагает ничего другого. Ереснархом проповедуется "теократия нового третьего тысячелетия", "святократия или власть святых на земле" и, хотя это будет "особый социальный строй, отличный от всех предыдущих", при нем по существу ничего не изменится. В новом "богородичном" порядке, например, сохранится разделение на различные церкви и государства. Причем, проблема коммуникации между ними будет решена несколько старомодно – с помощью железных дорог: "По указанию Моего "Марии" Перста будут построены железные дороги, где по обе стороны поселятся избранники Пречистой и утвердятся Богородичный устав". Сам "устав" предполагает типично утопическую идиллию: "В Моих городах не будет магазинов и полиции, градоначальников и ружей". Но, несмотря на видимость взаимной любви и согласия, речь идет о жестком тоталитарном строе, основанном на диктатуре... "святых". "Теократия – насажденное на земле Царствие Небесное, "рай". Связь между теократией и культом личности прямая "!! -д.И.". Приведем здесь

замечательную цитату, которая показывает "марианский" коммунизм, так сказать, в разрезе: "Основной чертой этой новой теократии явится мир, подаваемый через приятие Преображающейся Матери всечеловеческой. Другой чертой будет мир через неосуждение "и после этих слащавых обещаний ставится двоеточие и объясняется что именно, какой кровавый террор, понимается под "миром через неосуждение" -д.И.": буквально будут сметены, уничтожены, уведены с лица земли те, кто питаются прахом, злобой, осуждением ядом – падалью и гнильностью порочного образа жизни; и придут люди, которые энергично насадят новый порядок". "Святые придут к власти, праведные воздвигнутся на престолы, смиренные станут во главе государств и церковных институтов". Естественно, что под "смирненными", но "энергичными" "святыми" подразумевается сам Береславский и его приближенные. Именно они должны будут решать, кому жить в их "раю", а кому придется быть уничтоженным.

Особая роль в третьем тысячелетии отведена России: "Я, Мария" пришла наречь Россию Державой Мира третьего тысячелетия и возглавить ее. Пресвятою Троицей Новой Святой Руси определено первой войти в тысячелетие Славы Христовой". "Через Россию, через Российскую Церковь будет возрождена Вселенская Церковь. "... Россия призывается стать источником истинной веры и благоденствия для всей земли". "Век Славы Господней возвестится из России. И Пречистая просит всех мариан Запада обратить свой взор к Престолу Откровения". "Россия на сегодня – центр вселенной. От нашего отечества, от нас с вами зависят судьбы всего мира, всех живых и мертвых". "Как научиться сопрягать утопию вожделенного блаженства с реальными возможностями?", – задает риторический вопрос Береславский. Сам он, как видно, давно уже сделал свой выбор в пользу утопии.

Что касается мировых религий, то в них произойдет смена не власти, а доктрины. Точнее любая "доктринальность" и "догматичность", какие бы то ни было "институциональные", "законченные формы" свойственные различным религиям полностью упразднится. Вместо них, "через откровение лидерам мировых религий и духоносному священству "... сознательно или бессознательно, анонимно или под другими символами и именами будет проповедоваться Евангелие Царствия. "... Евангелие Царствия, в отличие от каких-то институциональных форм, будет проповедано через усвоение в разных религиях универсальных духовных законов "... "это будет" учение, способное сочетать миллионы душ в одну семью, в одного человека – Иисуса Христа". "Деинституализация церквей и приведет их к очищению и одухотворению". Впрочем, отмирание "отживших" религиозных форм приведет к появлению новых. "Непорочное начало само "... будет учить, наставлять и подаст новые формы". В данном контексте весьма любопытно учение БЦ о строительстве "Храма Мира", который, кстати, порой прямо именуется "новым Храмом Иерусалимским" или "Соломоновым Храмом". "Время строить Храм Мира третьего тысячелетия для всех святых детей Божиих "... Совершите поклонение Богу в Едином Храме Мира, Света и Любви". Под "святыми детьми" подразумеваются: "православные, католики, магометане, иудеи, баптисты, коммунисты "? -д.И.", "индийские братья", "буддисты, кришнаиты", язычники "из африканских племен, и даже таинственного происхождения жрецы", наконец, "атеисты". "Марианский синтез – дивное откровение любви, которой Она ищет покрыть весь мир и привести все религии в одну". Каким же образом Береславский предполагает достичь единения между, например, православными, иудеями и коммунистами? Все очень просто. Дело в том, что "в Храме Мира не будет акцентирована тема Сына Божия "!!! -д.И."!!! "Иначе те, кто не признают, что

у Бога, Творца всего сущего, может быть Сын, да к тому же воплощенный на земле, просто не войдет по ступеням Храма Мира". Объект религиозного поклонения предельно абстрагируется, делается безликим и безымянным: "Цель Храма мира – объединение всех детей Божиих вокруг Небесного Отца и Матери, поклонение Богоотеческой и Богоматеринской ипостасям единого Бога". При этом сам же Береславский указывает на веру в "единого Христа" в качестве "суммарного "Учителя" всех мировых религий" и Марию, превращенную в абстрактную "Мать Мира", как на антихристову прелесть.

Естественно, что после таких "поправок", христиане перестанут являться христианами, ибо, не смотря ни на какие резоны, уже два тысячелетия "мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие" (1Кор.1:23)! А в "пророчествах" Береславского как раз вполне очевидно влияние иудаизма, в частности, мотива шехины, которая должна вернуться в Третий Храм: "Величайшая Слава Божия, какой не было на земле, будет стоять над Храмом. Сойдет солнечный шатер "шатер, т.е. скиния (ср. "Мое Сердце – передвижная Скиния", "воздушная Скиния, летающий Ковчег, осененный Храм", а это слово произошло от еврейского "шехина" -д.И.". Но откровеннее всего дух антихриста проявляется, когда Береславский заявляет: "Не будет в этом храме земного основания, но Священником Его будет Сам Господь и Бог". Эта мысль весьма прозрачна для понимания. Достаточно вспомнить слова апостола Павла: "Откроется человек греха, сын погибели, ..." так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога" (2Фес.2:3-4). Приведем здесь страшное "марианское" пророчество (без кавычек): "В мыслях Храм мира уже есть. Его осталось воздвигнуть в более плотных формах"...

В целом, "марианское" понимание "тысячелетнего царства" полностью соответствует духу New Age. БЦ и не скрывает своих симпатий: "На движения Нового века Пресвятая Дева просит взирать мерилom Непорочной жизни. Если эти движения предполагают жизнь без греха, если под духовностью имеется в виду полное обновление человечества под эгидой Новой Евы, Непорочного начала, то они благословенны Богом". Само словосочетание "новая эра" встречается довольно часто (например, существует одноименная книга): "Третье тысячелетие – Новая эра возвращения к Свету и радости жизни в Боге". В этот период "новое подается зрение, новое религиозное сознание". У людей откроются "неслыханные новые возможности". "С этой великой миссией Марии связано изменение роли и понимания Церкви в христианской истории, а также глобальные перемены в самом мире, изменение сознания, новые возможности сердца, неслыханные перспективы, инициативы...". "Тысячелетнее царство" это прежде всего "земной рай", "великая цивилизация", под видом которой Береславский последовательно описывает период торжества антихриста.

Но подлинный смысл тысячелетнего царства не в блаженном ликовании: "Пресвятая Дева открыла смысл новой эры преображения: милосердие Божие предполагает искупление грешников. Уже сегодня агнцы (идушие вслед Агнцу) вовлечены в соискупительную миссию: Мария просит молиться о грешниках и страдать за них. Миссия эта продолжится и при наступлении тысячелетия славы святых. ..." Бог желает, чтобы большинство душ было искуплено за эти тысячу лет и подошло к страшному суду прощенными". В течение тысячелетия постепенно будут изведены узники всех трех адских сфер "за исключением обитателей адского дна", впрочем, Марии "дано изводить души с самого адского дна". "По скончании тысячи лет мир вернется в прежнее состояние, и в последней войне сатана низвергнется в ад". После Страшного Суда ад станет местом

обитания дьявола "домом змия", а нераскаянных грешников ожидает "вторая смерть – ..." распад и разложение душевного тела, уже не способного преобразиться в духовное". Но не все так плачевно, ведь мы знаем, что для БЦ зло равноценно добру и имеет в своем бытии божественную основу: "Церковь адского дна – нечто с трудом даже называемое церковью и вместе с тем это Дом Божий". Поэтому более вероятен другой вариант, согласно которому в итоге Страшный Суд будет заменен "тихим утешительным сном Преображения", "ад упразднится ..." и не останется под небом Божиим ни одной твари, страждущей во грехе". Спасутся все без исключения: еретики, "фарисеи" (самые заклятые враги Береславского), и даже "суперфарисей, супереретик, суперкнижник, суперлицемер ..." дух, распинающий Христа "..." враг Пресвятой Девы" – преподобный Иосиф Волоцкий, а также "красный отец современных фарисеев" Святейший Патриарх Сергей (Срагородский), спасутся нераскаянные грешники, включая Иуду! Более того, будут прощены демоны и, наконец, сам дьявол: "После беседы с Господом в аду лукавый, потрясенный, спросил у Спасителя: может ли он быть спасен? ..." И Господь сказал: только посвящением в Крест и поклонением Кресту. "..." Крест Господа через наше посвящение и страдание будет утвержден во всех мирах. Сатана должен потерять свою власть – и тогда покается "!!! -д.И.". Так что, если спасется сам дьявол, то всем остальным спасение просто гарантировано. А, что касается душ, подлежащих распаду, то "святая воля Божия ..." "способна по своему усмотрению -д.И." извлечь из бездны небытия после смерти". Правда тут же следует заметить, что процесс освящения преисподней будет идти с переменным успехом ("иногда побеждают силы света, иногда побеждают силы тьмы"), вероятно, это является следствием раздвоения личности "марианского" божества: "Первые четыре века этого "III-го -д.И." тысячелетия (время условное) протекут в величайшем блаженстве, после чего начнутся искушения. Люцифер проснется в конце IV, VI, VIII и X века". Вероятно "условностью" времени объясняется то, что в другом "пророчестве" Береславский перечисляет иную (нечетную) последовательность "критических" веков: "Я вижу цифры: XX, XXIII, XXV, XXVII столетия. XXI столетие – век приготовления, Век Божией Матери. На середину его падет наиболее жестокая брань между силами зла и Господом. ..." Постепенное преобразование будет происходить в несколько фаз". Основные вехи преобразования связаны со сменой "Веков Славы, каждый из которых завершится великой битвой с чудовищем". По окончании первого Века будут выведены узники из верхнего адского яруса, после второго – из среднего, а по завершении третьего Века Славы, ад совершенно упразднится. Но тысячелетнее царство не только "возможность искупления для грешников "но" и предуготовление святых к приятию высшего света", который они пока еще не способны вместить. "Как мытарская сфера – промежуточная между адом и землей, Новый Иерусалим – сфера промежуточная между землей и раем". "Новая эра явится переходом человечества в премирный порядок, в вечность (но не самой еще вечностью)".

В итоге "марианская" эсхатология описывает процесс восхождения, точнее, возвращения падшего мира в божественное Лоно-Плерому. На первом этапе восхождения ад выходит на поверхность земли и, т. о. сам "становится землей, а земля раем" ("собор святых вознесется на Пятое Небо"). Именно с "пятого" неба, по мнению лжепророка, сошел Христос, и там же готовит Он место Своим ученикам. Вообще для Береславского свойственна эта гностическая "многоступенчатость": нужно преодолеть "101 ярус адского мытарства", пройти "семь сфер прощенья греха" и "шестнадцать ступеней покаяния", чтобы "по мере снятия семи небесных печатей", сподобиться увидеть "сто восемнадцать ярусов со святыми в золототканых одеждах, с множеством ангелов по сторонам каждого этажа". Результатом этого многоэтапного восхождения станет т. н. всеобщее

восстановление: "растворение-преображение". "Слово прежде ставшее плотью одного Богочеловека, обретет Полноту Вселенной, и вся твердь станет Христом – облака, реки сады и леса, души животных и растений, и обновленный человек". Каждая душа "зачнет Христа в сердце своем – весь мир, вся вселенная, холмы и горы растения и животные". Активное участие в этом процессе примет Женская ипостась божества: "Царица "... соединит с Всесущим, с природой, с самим собой". Иногда преобразование или посвящение изображается как отождествление мира со Христом ("три Лица – и все одно, все Он "Христос", и всяк человек Он и часть Его"), а иногда – с Марией: "Посвящение Непорочному Сердцу надо понимать как сочетание в одно с Пречистой Девой"; "родившись от Нее, ты сам становишься частью Ее". К своим последователям богиня обращается со следующим призывом: "Держите сердца чутко сочетанными с братьями и сестрами, затем со всею Церковью, и на ступени совершенных – со всем миром".

2.5.3. Попытка систематизации учения об эсхатологии.

Если жизнь – спектакль, как это представляется Береславскому, то в ней должны действовать театральные законы композиции. А, как известно, "ружье", показанное в первом акте, в данном случае в акте творения (точнее порождения) мира, обязательно должно "выстрелить" в последнем акте, т. е. в эсхатологическом учении БЦ. Так оно и происходит. Вначале мир выпадает из "прободенного неизглаголанной любовью божественного Сердца", а в финале через скорби (раны в человеческих сердцах) возвращается назад в Сердце (Лоно). Еще раз дадим краткий обзор человеческой истории в "богородичной" интерпретации: "Род наш пал в низшие недра земли. И теперь предстоит его путь в Царство Небесное, лежащий через космическую сферу искушений, покровители которой – падшие ангелы: религии Востока, оккультные схемы. Через космический соблазн должно пройти, как должно из тела перейти в душу, а из души – в дух". Космос становится своего рода фильтром на пути восхождения идеального мира в божественное Лоно: "Войдя в космическую сферу "после рождения в божественном Лоне -д.И.", душа проходит космический мир, где наступает ее первое испытание – искушение грехом. Грехи, на которые был заключен завет в космической сфере, обычно реализуются в земной жизни, после чего душа вновь возвращается в надмирную плоскость, и космос предстает ей как мытарства. Так душа дает согласие на свое пребывание в космическом мире и несет ответ".

Путь восхождение в божественное Лоно – это, прежде всего процесс внутрицерковный: "Предстоит преобразование ада, где невидимо сейчас распята Церковь страждущая". "Церковь предназначена во искупление ада и потому в аду пребудет до последних дней, терзаемая и мучимая от бесов". Более того, внутрибожественный: "Весь ад, дитя мое, есть совокупная чаша Адамова греха, которая уместается в сердце у Господа, так что огонь, палящий грешника, сжигает и сердце милосердного Христа. И смысл земной истории – в искуплении греха до последней капли крови, до последней мученической и заблудшей души". Вот еще схожий по значению текст, относящийся к Марии: "Я хочу, чтобы ты знал степень Моей скорби и любви к вам. Ибо вот, весь ад на ладони Моей, и мириады стрел пронзают средоточие ладоней, и боль каждого из грешников отдается во Мне. Я показываю ад для приобщения к Сердцу Приснодевы, ибо Я, вместив в Себя скорби мира, вобрала и муки узников геенских. Условие исторжения из вас "... геенского огня – Мое добровольное согласие, чтобы огонь геенский жег Мое Непорочное Сердце". "Каждая душа – как рана в сердце". "Вечные муки оскорбляют Божественное милосердие. Узники геенны страдают в Непорочном

Сердце Марии. Господь страдает за них не в меньшей степени, чем за живых. "Страшным" Суд окажется прежде всего над теми, кто провозгласил его таким для всех, кроме себя: над фарисеями". "Собственно ад (геена) запыляет после Страшного Суда над фарисеями", т. е. православными.

Таким образом, прохождение воздушных мытарств – вполне естественное "мероприятие", ожидающее каждую душу на пути домой, поэтому ни в коем случае нельзя усугублять свои страдания, излишне переживая и настраиваясь на загробные мучения. "Чадо, – успокаивает лжебогородица, – Я никому не угрожаю, и загробных мучений не надо бояться. Бог – любящий, и каждого помилует". "Нет ничего страшнее, чем бояться Любящего. Теологический невроз. "...". Страх, страх, страх, как паралитический газ, как духовная кома. "...". Итак, "не бойся, дитя Мое, не остерегайся взирать на небеса и слышать голос вышнего Возлюбленного", – вот вера христианская". "Враг рыкающий – всего лишь злобный пес, охраняющий доступ в Царство святых. Преодолевайте страх – наследие греха. Бесстрашного не касается ни одна болезнь или стрела вражия". "Помоги Господь ничего не бояться и не иметь никаких комплексов "?! -д.И.". На этой оптимистической ноте можно было бы закончить нашу последнюю догматическую главу, но напоследок хотелось бы привести еще одну важную цитату из Береславского: "Антихрист произведет тонкую спекуляцию на теме божественной любви. Его рассуждения сводятся к следующему: Бог бесконечно милостив, ада нет, загробные страдания – выдумка институциональных жрецов (мошенников и паразитов) – изуверов, калечащих души своими бесконечными усовещениями, тогда как в пору им самим каяться как злодеям и мнимым святым. Из бесконечного человеколюбия Божия антихрист сделает вывод, что ничего дурного грех в себе не заключает и попускается лишь как возможность для изъявления большей любви, так что чем тяжелее мы грешим, тем в большей степени осознаем, как Бог милостив". Но разве не о том же самом говорит Береславский, проповедуя идею "крестной диалектики" и всеобщего спасения?

2.6. Гносеология.

2.6.1. Диалектика "богородичного" вероучения.

Учение БЦ представляет собой не просто некий "суррогат ересей", оно не только противоречит Православному Преданию, самое главное заключается в том, что "марианская" догматика – это клубок внутренних противоречий! Хотя при этом сами идеологи секты утверждают, что пытаются "избежать богословской путаницы". Пожалуй, в "богородичных" текстах нет ни одного тезиса, к которому нельзя было бы найти антитезиса все в тех же "пророчествах". Приведем здесь в качестве иллюстрации к сказанному попарно несколько взаимоисключающих утверждений.

С одной стороны идеологи БЦ утверждают, что Бог – Личность, безосновательно обвиняя при этом Православную Церковь в "обезличивании" Бога, и в то же самое время они считают Божественные Ипостаси всего лишь "именами", обозначающими "деятельное проявление Божественной силы". Далее о Боге говорится, что Он "есть только Любовь. Светлейшая Любовь сама по себе и любовь ко всякой твари", при этом осыпается проклятиями преподобный Иосиф Волоцкий за учение о "хитрости" Бога (естественно, о том, что во времена преподобного это слово употреблялось в значении "мудрость", "искусность" (напр., свойственная искусному художнику), Береславский хитро умалчивает). Это несколько не мешает лжепророку представлять Бога источником мирового зла,

садистом, играющим с человечеством в жестокие любовные игры. И вообще непонятно, кем являются по отношению друг к другу Бог и дьявол: врагами или союзниками, а может быть это одно и то же существо? Естественно, что читающий "откровения" недоумевает, как ему относиться к этому двуликому существу? Но Береславский не вносит ясности и в этот вопрос. Сначала он говорит: "Нет ничего страшнее, чем бояться Любящего. Теологический невроз. ..." И так, "не бойся, дитя Мое, не остерегайся взирать на небеса и слышать голос высшего Возлюбленного", – вот вера христианская". Но буквально через несколько страниц, в той же самой книге он предостерегает: "Диалог с Возлюбленным может привести к прелести и оболъщению". Далее, одним из божественных атрибутов называется Великая Машина или Колесница, ее значение столь велико, что она самостоятельно способна принять решение, противоречащее элементарным законам справедливости. Порой Машина буквально отождествляется с Богом (или его Промыслом), но вдруг сам "Господь" в своем "откровении" заявляет: "Я есть, Тот, Кто противостоит машине". В соответствии с представлением о божественном Промысле, как о Машине Береславский выдвигает учение о предопределении: "Предписана каждая минута и каждая душа предопределена", но вместе с тем отвергает учение о карме. В связи с этим непонятно необходима ли аскеза или личный подвиг абсолютно бесполезен. С одной стороны, по Береславскому, спасутся все, включая дьявола, с другой – дьявол, демоны и проклятые души будут мучаться в аду. Опять же сложно понять, будут ли эти муки вечными или временными. Этот список антитез можно продолжать еще очень долго, но, пожалуй, ограничимся сказанным, тем более, что и сам Береславский признает: "Единство мыслей и печатей глав Белого Евангелия Славы проследить труднее, чем в Евангелии историческом и в преданиях отцов".

Так или иначе, противоречивость во взглядах "пророка" очевидна для всех окружающих его. Для членов его семьи такое непостоянство служит поводом для иронии: "Моя семья надо мной смеется: – сетует Береславский, – годами что-то пишет и аккуратно складывает в стол. А спустя несколько лет начинает с презрением отзываться о своих рукописях". Но для последователей лжепророка противоречивость его "откровений" является серьезным соблазном: "Для многих служит оболъщением изменившийся характер Откровения", но дух оболъщения оставляет за собой право на каприз: "Если говорю оставить брата или сестру, мужа или жену – следуйте! Сегодня скажу "оставь", завтра – верну". "О чем бы ни говорила, радуйтесь". "Не задавайте никаких вопросов". "А как надо любить, чтобы следовать! Ведь неизвестно куда поведут". Чаще всего богиня бывает весьма болтлива, но иногда предпочитает конспирацию: "Это Мой час. Никто не помешает Моему плану, который Я готовила для спасения Церкви. Мой план должен быть исполнен через вас, и тем не менее вы не должны знать его детально. Довольно того, что он известен Мне, ибо Я веду вас. Вы должны исполнять повеления Мои и в послушании идти за Мной. Не спрашивайте, куда Я вас веду". Господь сказал: "Я уже не называю вас рабами; ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего" (Ин.15:15). Береславский, как видно из последних цитат, возвращает своих последователей в рабское состояние, поэтому никаких объяснений относительно частой смены "курса" принципиально не дает. Пожалуй, единственная попытка как-то оправдать это непостоянство встречается в книге "Светоцентрическое христианство": ""Ранний" Христос – первого года служения учил почти о невозможном: юродивая нищета, плачь невесты в пустыне... Кто мог последовать Его заповедям? Христос третьего года служения уже разительно отличен... Его проповедь сводится к единственной заповеди: любить друг друга". На это надуманное заявление можно ответить словами апостола: "Верен Бог, что

слово наше к вам не было то "да", то "нет". Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами "..." не был "да" и "нет"; но в Нем было "да", – ибо все обетования Божии в Нем "да" и в Нем "аминь"" (2Кор.1:18-20). Если евангельское учение не имеет внутренних противоречий, подобно тому, как "один источник не может изливать соленую и сладкую воду" (Иак.3:12), то в "марианских" текстах взаимоисключающие тезисы порой уживаются в одном предложении. Например, "Все преднаписано и совершается в свой день и час, не раньше и не позже ни на йоту. И вместе с тем душа свободна и вольна переменить предписанное". "И примут, и будут пить воду жизни даром – хотя и их незначительные усилия будут стоить им немало труда". "В грядущем порядке переживание времени станет совершенно иным – растянутым и в то же время мгновенным". "Ад и рай одно "..." Рай выше ада. Ад выше рая. Пока есть ад, рай – ад". Вот, пожалуй, наиболее замечательное по своей парадоксальности высказывание: "Анафема анафематствующим. Проклятие проклинаящим проклятое"!

2.6.2. "Деинституциализация" и "дерационализация".

Береславский заявляет: "Любовь к Богу есть любовь к Правде". "Все, что не Христос, – ложь, и в этом – последняя правда". Хорошо. А теперь зададим ему вопрос, как он, учитывая все выше сказанное, определяет понятие "Правда / Истина"? Ответ очевиден: все упомянутые противоречия нельзя примирить, не прибегая к основному принципу антисистемы – признанию возможности одновременного существования множества "истин", даже взаимоисключающих. Так "доктрины о карме, переселении душ, космических циклах, манвантарных периодах и семиричном строении тел представляют истины низшего космического порядка "! -д.И.". Или еще более определенно: "Любая ложь истинна на космическом уровне "!!! -д.И.". Сколько бы ни лгали и ни мистифицировали, наша ложь будет содержать долю правды"! Высказывается типично постмодернистское понимание проблемы: "Важно как видеть, какую принять точку отсчета, систему ценностей, в каком измерении пребыть, какой взять ракурс, чьими видеть очами". "Что увидишь – тьму или свет, Бога или дьявола в ближнем и в окружающих – зависит от взятого угла ладьи, от подхода". Эти рассуждения напрямую связаны с "марианским" пониманием Православия: "Православие есть видение Бога – так учили святые отцы. Непросто было Его увидеть даже апостолу Фоме, ходившему с ним три года. Каково же нам, мнящим о Нем в бесконечных ракурсах, изображениях, книжках и проповедях?..." "Тысячи подходов к Евангелию!..". "От православия нельзя отказываться ни при каком условии. Необходимо изменить образ, подход к нему, представить происходившее под иным углом зрения "!!-д.И."".

Естественно, что при таком подходе, любая регламентация (догматы, традиции, каноны, литургические формы, иерархичность и пр.) воспринимаются как оковы, зашоренность, мешающая свободомыслию. "Святая Церковь Распятая "БЦ -д.И." провозглашает новый тип богословия последних времен – православно-проphetический "т. е. пророческий -д.И.". "Необходим иллюминативный "? -д.И." подход". На практике это означает абсолютный произвол: снятие любых "догматических ограничений, ритуальных предписаний, фарисейских строгих регламентов и отмирских уставных "свобод"", отрицание каких бы то ни было "законченных форм". БЦ призывает к "деинституализации" религии. "Время исповедовать истинную веру в единого Бога – внеконфессиональную, недоктринальную, недогматическую. Время снять все различия, которые отчуждали людей". "Марианская церковь надконфессиональна и наднациональна, истинно Вселенская. В ней пребывают Ангелы-Хранители всех национальных

Церквей, и потому каждая из них найдет здесь свою национальную выраженность". Короче говоря, "душа моя рада / всякому гаду / и всякому зверю / и о всякой вере", кроме, собственно, Православия. Призывая отвергнуть все частные религиозные формы, богиня "просит дерзновеннее"!! -д.И." богомыслить о новом образе священства, а также о символах теократии Новой Святой Руси, новом образе веры, об истинном Образе Господа, о путях достижения святости" и т. п. Но, как мы уже видели, вместо подлинной свободы предлагается рабство, вместо "дерзновенного богомыслия" – тотальный контроль над мыслью: "Только откровения, благословленные собором отцов, могут иметь ход среди прихожан Церкви".

Единственным источником подлинного онтологического единства является Христос, причем это благодатное единство достигается через вступление в Церковь – Тело Христово, но в предрекаемой Береславским религии будущего "не будет акцентирована тема Сына Божия"!!! -д.И.", и последователям новой "вселенской" веры не надо будет отрекаться от своих антихристианских убеждений. Вероятно, некоей альтернативой объединяющей силе любви, действующей в Церкви Христовой может явиться ненависть мира к Церкви (Ин.15:18-19). Не удивительно, что Береславский так сочувствует миру ("мир приходит в ужас от доктрины старых церквей"), не удивительно, что "Параклитский Завет" насквозь пропитан ненавистью, предполагающей не "исполнение", т. е. "восполнение" Нового Завета, а "разрушение" (Ср.: Мф.5:17) его, причем "до основания": "Настоящее определяется разрушением структур старого мира. "... Все будет разрушено!". "Я хочу, чтобы вы начали все с начала, точно ничего и не было. Так ведь оно и есть". "Изменится понимание иерархии". При этом, зло "старого мира" и "фарисейство" ассоциируются у "реформатора" именно с христианством. Береславский скорее узнает свое, родное в еретике или язычнике ("Еретики – родные братья, ..." нехристиане – братья сводные"), даже в лице лжехриста "преподобного Муна" (с которым он, кстати, имел контакты), чем, например, в православном епископе: "Посмотришь на доброе лицо пастора Муна и сравнишь с каким-нибудь дутым епископом Ноздревым с выкаченными шарами и взглядом кота-колдуна... и скажешь про себя: фарисейство хуже убийства, ибо оно богоубийство и человекоубийство, и самоубийство вкупе". И это не просто чувство отвращения к конкретному человеку, это ненависть ко всему устою Православной Церкви с ее учением, богослужением, иерархией и "узколобым православным конфессионализмом". Именно православные со своей "кондовой" верой называются главными и единственными (!) врагами БЦ: "Врагов христианства два типа: "1" "кондовые" иерархи, клирики с животами и бородами, те, что установили в церкви солдафонско-казарменные порядки под видом смирения и послушания; паразитические присоски на Телу Господнем; "2" прихожане "кандовых", калеки и нравственные уроды с сильными психическими комплексами, "уж чья бы корова мычала -д.И." выводящие в христианстве тайные импульсы к власти и самовыражению, свои невроты и комплексы". Вместо этих "нравственных уродов" "с неба сойдут святые с новыми призванными архиереями Русской Православной Церкви ..." Новым архиереям Русской Православной Церкви будет подаваться откровение о том, что ангелы желают полного обновления, что они должны дерзновенно приступить к важнейшим реформам касательно литургического, догматического, внутреннего структурного порядка и принять образ нового священства; что православие вступает в важнейшую фазу третьего тысячелетия; что смысл православной веры не в буквальном следовании тысячелетней традиции". Даже дремучее язычество для Береславского намного милее, чем "официальное", "институциональное", "академическое", "фарисейское" Православие. Именно с язычеством, а не с христианством отождествляет свою

веру "пророк и реформатор": "В дохристианской России ведали и знали Пресвятую Богородицу, поклонялись Ей в ликах разных Рожениц и Лад и женских сущностей. "... Оплевали тысячелетний оазис Святой Руси под предлогом насильственного введения крещения, разгромили светлые храмы Пресвятой Богородицы, расправились с храмом Бога-Отца "т. е. имеются в виду языческие капища, в которых приносились и человеческие жертвы! -д.И.", насажденным на Святой Руси I тысячелетия, и написали постыдную табличку "язычество" "... Православная Святая Русь с I по X век идеально воплощала 10 заповедей Моисея "... С насильственным Крещением и водворением монашеской братии из Византии, начались кровавые интриги, помутнело в глазах и заповеди начали нарушаться". Лейтмотивом XIX-го Богородичного собора (16-17.10.1999 г.) была тема тождественности "марианского" и славянского язычества. Остается лишь процитировать самого Береславского: "Особые скорби ждут тех, кто сочетает Христа с язычеством" и присовокупить высказывание Спасителя: "От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься" (Мф.12:37). Хотя может быть в приведенном тексте защитник культа Лад и Рожениц преддрекает скорби тем, кто осмелится "осквернить" чистоту именно язычества, а не христианства? Возможно, "пророк" имеет в виду, что древняя языческая вера подлежит возрождению и очищению от наслоений "насильственно" введенного христианства. Во всяком случае, для ниже следующих слов напрашивается именно такое толкование: "Жизнь в мире изменится. После всего этого "излияния Святого Духа -д.И." люди будут верить как в древние времена". О том, насколько древние времена имеются в виду, пояснений не дается, но судя по всему – именно языческие.

Заветной мечтой для Береславского является типично "ньюэйджерская" идиллия: "Вне догматов и режущих резких слов. Вне терзающей Сердце Пречистой конфессиональной разноголосицы. Единый стройный херувимский хор божественной гармонии под эгидой Матери святого покаяния". Лжепророк рисует следующую картину: Мария признается "Матерью всех религий, систем и доктрин. "... Пресвятая Дева является таинственной Матерью всех учителей, реформаторов мировых религий "... "благодаря чему" в прошлое уходят все мировые религии. Премудрость соделала себе новый дом, совершен новый Завет Бога с человеками". Грядет единая религия Храма Мира, в которой "роль Господа Спасителя, Сына Божия, не будет акцентироваться "... Возникает вопрос: что же встает в центр богословия Храма Мира? Поклонение – Отцу Небесному и Материнскому началу в Боге "... Единство адептов Храма важнее полноты исповедания". Поистине сейчас перед нами открывается подлинное лицо "марианства": начав с обещания нового откровения, Береславский признается, в том, что его последователям придется забыть краеугольные евангельские истины – Откровение о Святой Троице и о воплощении Единородного Сына Божия Иисуса Христа!!! При этом, как утверждает лжепророк, "не изменится вера как таковая: христиане будут верить в Пресвятую Троицу, православные будут следовать своим традиционным верованиям, обрядам, глубоким устоям, которые завещали им "заметим, в 3-м лице -д.И." святые отцы. Так же и католики, и магометане, и протестанты". Но откуда взяться этой "гармонии", когда каждый "дерзновенно богомыслит" кто во что горазд, каждый говорит на своем языке? Это больше похоже на вавилонское столпотворение! Сам Береславский прекрасно понимает, что с помощью логики развязать этот гордиев узел религиозных противоречий невозможно, поэтому "реформатор" предлагает разрубить его, совершенно отказавшись от всякой логики и рациональности. Наряду с "деинституционализацией" веры, предполагается ее "дерационализация": "Каким же образом произойдет мир в церквях? Дерационализацией". Рационализм в вере называется грехом номер один, т. к. ведет к разобщению, вместо него, по мнению

"пророка", необходимо культивировать "сердечность", "юрродство" (не Христа ради!) и даже "безумие". "Где факт – там ложь, где вера – там правда, где безумие дерзания – там истина"! – вот кредо Береславского.

Предлагая своим последователям абсолютно отказаться от разума, Береславский призывает их обратить свой мысленный взор вглубь сердца. "Смиритесь, умы, перед непостижимостью последних тайн "... Для сердца же нет преград, ему доступны все тайны. "... Сердце – истинный философ, не требующий доказательств, но читающий на внутренних скрижалях. Чем сердечнее мысль, тем она глубже. И Ларец с семью тайнами печатей параклитских покоится в глубине сердца". Сердце наделяется вселенской глубиной: "Вся мировая история запечатлилась в тайниках нашего сердца". "сердце содержит дыхание всех миров". "Сердце человеческое – вселенная" Душа (синоним сердца) – "великая посвященная". Таким образом, само сердце (душа) наряду с "пророческим даром" становится для Береславского подлинным источником откровения: "Есть две сокровенные формы богообщения: откровение в слове – оно дается пророкам; и откровение неизреченное – молитвенникам, святым, боговидцам". Но это деление весьма условно, т. к. голос сердца является голосом Самой Богоматери: "Прижми руку к сердцу – и услышишь Божию Матерь, Богородица откроется во внутреннем твоём". Это становится возможным благодаря усвоению одного из фундаментальнейших положений "марианской" веры: человеческая душа – это частица божества в нас. "Я – твоя душа, – говорит богиня, – "... увидишь на дне души своей Меня". "Я в сердце каждого, в основании души". Поэтому погружение в собственное сердце по сути является приобщением к божественному Сердцу Марии, в котором "сложена полнота учения о Господе". "Господь ничего не записывал. Все, что нужно, записано в Моем Сердце. В нем записано миллион крат больше, чем Я тебе говорю и буду говорить миллион лет в прошлом, настоящем и будущем. "... Учи, чтобы взирали, смотрели, читали в Моем Сердце, где записаны все письма, Завет, а самое главное – Лик Господа". Это очень напоминает платоновское "припоминание" (Федр, 248с), но самое главное, подобные взгляды весьма характерны для "ньюэйджерского" "космического сознания". Тем более, что, по мысли Береславского, не только сердце – вселенная, но и вся вселенная – огромное божественное Сердце. Ведь Мария являет собой "Храм Превечный, вмещающий в себя все мироздание". "Творец живет в Своем творении, творение в Творце". Поэтому не только сердце, но и вся вселенная является источником подлинного откровения о Боге: "Бог открывается по всей Вселенной! Заговорят камни и животные, поднимутся в воздух предметы". Это сказано о будущем, когда произойдет духовное преображение мира. Тогда "полностью изменятся, преобразятся и обновятся сердца человеческие. Человек непрестанно будет взирать в свое духовное сердце, ставшее зеркалом пренебесного света, будет видеть Лик Спасителя". Но, как уже было сказано, все эти предсказания относятся к неопределенному будущему, а пока уникальным даром созерцания Бога в Сердце Марии обладает только один Береславский: "Поскольку ты сочтан с Моим Сердцем – говорит богиня своему рабу, – ты есть проводник, Мои живые письма".

В рамках такого гносеологического подхода снимается актуальность вопроса о природе "марианских" "откровений". Уже не столь важно является ли они следствием бесовской одержимости или вымыслом лжепророка. Для самого Береславского нет четкого различия между "внешним" и "внутренним" "откровением". По существу природу этих "откровений" можно объяснить словами владыки Варнавы (Беляева): "Они "нехристианские мистики -д.И." измышления и испарения собственного чрева принимают за нечто действительно

существующее вне их, даже за небесное, и описывают это как что-то достойное повествования". Именно подсознание ("чрево") является подлинным источником всех "марианских" построений: "Душа ценна емкостью подсознательной памяти". К подсознанию своих слушателей (читателей) апеллирует и сам Береславский, смещая акценты с разума на сердце, с содержания на эмоции, с буквального на зашифрованное: "Речь во многом зашифрована. Сами того не понимая, пользуемся тайными кодами. Сокрытый смысл имеют не только духовные тексты – обыденный язык исполнен тайнописи".

2.6.3. Попытка систематизации гносеологических представлений БЦ

Вероучение БЦ подобно "окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты" (Мф.23:27). Идеологи секты пытаются закамouflировать оккультно-гностическое содержание "марианской" догматики ссылками на Священное Писание и православное Предание, упоминанием авторитетных святоотеческих имен (преподобных Иоанна Дамаскина, Нила Сорского, Серафима Саровского, праведного Иоанна Кронштатского и др.) или богословов (епископа Вениамина (Милова), Вл. Лосского), однако все эти ссылки представляют собой не более, чем фиговый лист, который не в состоянии прикрыть омерзительную наготу антихристианской основы этого учения. Тексты "откровений" не просто излагают какие-то еретические идеи, отрицающие Истину Христову, их основной принцип – это самоотрицание. "Марианская" проповедь – это "вечный бой", постоянная "невидимая брань" с воображаемым противником, причем ярлык с надписью "враг" постоянно перевешивается. Сперва врагами были коммунисты, потом матери, позже тибетские махатмы, масоны, литераторы и художники, New Age, знаки зодиака и пр. Через время все они оказывались "друзьями и верными слугами Марии". Пожалуй, единственным постоянным врагом Береславского являются "фарисеи" (т. е. православные). Причем зачастую в ход идет откровенная клевета на Церковь. Но здесь следует учесть, что для "пророка" главное заключается не в имени объекта его "праведного" гнева, а в самом гневе, в самом обличительном пафосе его речей. Ему нужен повод для того, чтобы вылить на слушателя очередную порцию собственной злобы. Подлинный враг Береславского – он сам! Его alter ego! Он как бы гоняется за собственным хвостом. Характерно, что, обличая своего очередного виртуального врага, лжепророк приписывает ему свои же собственные мысли (он порой высказывает их в той же книге через пару страниц), которые как раз и являются объектом его нападок. Кстати Береславский это косвенно признает, когда заявляет: "В осуждающего входят бесы, которых обличает он в другом. ..." И если зло на кого держите, то установлена прямая связь, по которой все грехи ненавидимого вами переходят на вас". Поэтому не стоит удивляться тому, что, обвиняя православных в размывании Православия, Береславский сам следует по этому пути.

"У дьявола все противоположно", – заявляет ересиарх, однако при этом не разъясняет, относительно чего противоположно. Призывая к отказу от каких бы то ни было формальных норм (догматов, канонов), Береславский окончательно выбивает почву из под ног своих адептов и низводит в их души страшную всеразрушающую силу ("Все вражьи силы сметаются, когда Я "Мария" говорю. Сметаются горы, всё сметается, когда Я говорю"). Это опрокидывание и разрушение всего и вся как раз является целью постмодернистской антисистемы. "В лоне такой культуры, вносящей в сознание хаос и дезориентацию, начинают возникать и накапливаться анонимные, не укорененные в человеке стандарты

мышления. Эта ситуация, когда человек оказывается отчужденным от подлинных ценностей, христианской культуры, приводит к тому, что он остается вообще без таковых. У него не остается и никаких убеждений, никакой "почвы". В соответствии с духом времени он считает все традиционные идеи, нормы и институты ложными или по крайней мере "отжившими". Но у него нет никаких верований, которыми он мог бы их заменить. Он хватается за множественные обрывки псевдоидей, опустошенных законов и просто суеверий, создавая по собственному "образу и подобию" соответствующих "богов" и окружая их системой соответствующих ритуалов".

Итак, что же предлагает "пророк" взамен "устаревшего" христианства? Ничего нового, ни одной оригинальной идеи. Пользуясь его же собственным язвительным определением, это – "бездарный евнушковый эклектизм домашней библиотечки". Именно "евнушковый", т. е. абсолютно бесплодный, безжизненный. И в этом нет ничего удивительного, т. к. в эклектизме, как писал Л.А. Тихомиров, нет и не может быть "никаких новых источников вдохновения".

III. Религиозная практика

3.1. Литургия

3.1.1. "Внешнее" и "внутреннее"

Стремление "богородичников" к стиранию всех канонических форм церковной жизни не могло не коснуться и литургии. Идеологической предпосылкой для пренебрежительного отношения к богослужбной форме послужило учения о сердце как "духовном центре человека". Развивая это учение, Береславский смещает все акценты с "внешнего" на "внутреннее": "Ныне упраздняются храмы внешние и печати прежних храмов переносятся в сердца, ибо близится век, когда сокровенные тайны станут явью пространственной, а нынешнее видимое временно-пространственное переживание мира исчезнет "... Да причаститесь в Духе и растворитесь в Божественной Полноте, так что не различите внешнего и внутреннего и не найдете, где кончается сердце и начинается мир, ибо все сольется в одно целое, славящее Бога!". "Се Церковь невидимая, Церковь сердца, – именно о ней было сказано, что не одолима адскими вратами. И не было никогда иной Церкви, кроме внутренней! "... Не есть ли внешний храм проекция внутреннего? "... Я говорю только о внутреннем, пекусь о храмах сердца". В духе этого подхода сама ценность литургического действия становится весьма сомнительной. "Литургии" как "общему делу" противопоставляется индивидуализм "частной" виртуальной реальности: "Все таинства церковные имеют тайнодейственное выражение в храме внутреннего человека, в сокровище пути. И брак и евхаристия, и исповеди, и освящение, и рукоположение, и крещение. Ибо не есть ли чаяние о Духе огненном – крещение кровью? Не есть ли близость Сына Божия – Евхаристия внутренняя? И сердце, распятое Иисусу – исповедь непрерывная, а обретший дарование Духа – священник храма внутреннего, рукоположенный во иереи во Святом Граде? Не составляет ли духовный Брак цели подвижничества? Домостроительство – утешительную миссию Церкви, а поставление печатей Духа на чело не есть ли тайное соборование?".

Однако, все выше сказанное вовсе не означает отсутствие в БЦ коллективного "богослужения". Напротив, "богослужения" секты не просто существуют, но и представляют собой красочное шоу со сложной драматургией и сценографией.

Сама лжебогородица говорит о них устами своего "пророка": "Открылись двери Моих храмов: новые службы – величественное зрелище". И это действительно зрелище, фарс, а не молитва. Таким образом, в отношении литургии, как впрочем, и по всем остальным вопросам, БЦ занимает двойственную позицию. С одной стороны Береславский выступает как борец с "застывшими" формами, призывающий пренебречь внешним и обратиться вглубь собственного сердца, с другой – на месте разрушенных богослужебных форм он старательно возводит причудливое здание новой "богородичной" обрядности: "устаноятся новые таинства". Береславский прекрасно понимает, что коллективное богослужение с одной стороны обладает мощным консолидирующим действием, с другой – предоставляет прекрасную возможность для контроля и манипуляций над сознанием паствы. "Путь без культа – сектантство"! И вот уже, наряду с призывом упразднить "внешний храм" звучит нечто противоположное: "Внешнее не должно игнорировать: подобает быть ритуалу, символу, обряду и закону". Более того, привнесение в церковный устав каких-либо новшеств объявляется "еретизмом номер один!". Даже в будущем, когда "внешнее" станет неотличимым от "внутреннего", "устав в церкви сохранится – как список с небесных иерархий: порядок нельзя игнорировать и определенные правила, духовный ритм молитвы, диктуемый свыше для всего мира "...". Но устав не будет целью – останется лишь средством, без которого нет твердого стержня (начнутся разногласия, расслабленность, отмирскость)". "Сохранятся все таинства от Нового Завета". Тактика двойных стандартов дает Береславскому широкие возможности для литургического творчества. С момента основания секты чинопоследования "богородичных" "таинств" постоянно меняются. Каждое новое изменение должно быть согласовано со "священством" БЦ, однако Береславский имеет право и на экспромт, т. к. сама "Пречистая" служит "в теле пророка". Частые изменения в чинопоследованиях "богородичных" таинств не дают нам возможности подробно остановиться на описании обрядов БЦ (исключение составит только литургия). Однако, учитывая общий ход развития "богослужения" БЦ, мы можем выделить 3 основных этапа (если не учитывать самый ранний этап с середины 80-х, когда "богородичники" действовали от имени ИПЦ и совершали службы по православному чину): 1) условно назовем его "параклитский" (с конца 80-х по 1992-1993г г.) – это период особенно бурной обрядовой "самодеятельности", когда "богослужебные" тексты и "священнодействия" сочинялись Береславским прямо на ходу и не имели четкой структуры. На службах, например, исполнялись патриотические песни типа "Боже, Царя храни..." или "Смело мы в бой пойдем за Русь Святую..." и т. п. Кстати, поначалу вход на "богородичные" службы совершался по билетам; 2) католический период (1993-1996г г.) – обрядовая сторона "богослужения" строится по католическому образцу. Появляется чтение "Розария" и т. н. "пластическая молитва" – система особых "молитвенных" жестов и поз, своеобразная пантомима; 3) современный период (с 1997 г.) – частичный возврат к православной символике и текстам. Впрочем, "православные" формы "богослужения" могли сосуществовать параллельно с иными.

3.1.2. Евхаристия

Литургия для "богородичников" – это приобщение к некоему мистическому действию, постоянно совершаемому где-то на небесах: "Литургия служится не на земле, и не на небесах, а в неких промежуточных неких воздухах". "Она совершается в Царствии Божиим". Есть и более конкретные указания: "Где происходит Литургия? – В Ее "Марии" Лоне" или в "Непорочном Сердце". Само евхаристическое вещество оказывается результатом страдания Христа в настоящем. Причем причастие воспринимается Береславским как своего рода

мистическое "переливание крови" от Христа к верующим: "Кровь Христову приняли во внутренняя, и растеклась по жилам вашим". "Кровь Пречистая Иисусова течет в жилах преданных Ему". "Переживать горячую Кровь, любящего Агнца, растворяющуюся в твоей... Неслыханная высота". Если мы вспомним о том, что для "богородичников" кровь субстанционально тесно (вплоть до полного отождествления) связана с душой и о том, что цель "мариансткой" сотериологии – это замена (именно замена, а не преобразование) "ветхой" души на "новую", то станет очевидным значение, придаваемое Евхаристии.

Однако ценность евхаристическому веществу придает не только "Кровь Христа", но также и "Слезы Богородицы": "Евхаристическая Кровь Спасителя, растворенная Слезами Божией Матери, преподносится в основание цивилизации святых для соединения верных", причем субстанциональная основа этих таинственных "пригольгофских Слез" остается неясной, т. к. "мир прейдет, а Слезы Ее останутся". По некоторым текстам можно судить о том, что "Слезы" Богородицы признаются даже важнее, самой Крови Христовой, а, следовательно, важнее и роль отводимая Деве Марии в деле нашего искупления и освящения: Мария – "Первосвященница, литургисующая во вверенном Ей пространстве", "приносит в Жертву Агнца Небесному Отцу". Вообще "богородичное" учение об участии Богоматери в таинстве Евхаристии и в частности ее "Слезах" слишком запутано. Вряд ли сам Береславский сможет пояснить следующее изречение: "Мария несет сегодня ..." Свое Материнское Евхаристическое жертвенное Сердце, единоприродное крови и Плоти Христа (сорастворенным Ее слезами и с Ее плотью и кровью перемешанным, ибо Плоть и Кровь Господа принадлежали Ей, Она дала Ему их)". Но, как известно, одними "слезами горю не поможешь" и Береславский продолжает свои алхимические изыскания. Так на XXI Богородичном Соборе (24 ноября 2001 г.) он заявил, что в евхаристическое вино было добавлено миро от тверских мироточащих крестов. Трагикомизм этого заявления усиливается еще и тем, что вскоре Береславский поссорился с "монахиней" Софией, хранящей у себя те самые кресты, и объявил тверское "мироточение" дьявольской прелестью. Таким образом, выходит, что на "Литургиях Открытого Неба" верующим предлагается "божественная" субстанция вперемешку с "дьявольской"!

С одной стороны идея "усиления" Евхаристии некими дополнительными средствами (слезы, миро и т. п.) весьма красноречиво свидетельствует о том, что Береславский ощущает недостаточность силы этого таинства. С другой стороны Береславский готов почитать за Святое Причастие, например, чтение "марианских" лжепророчеств или даже любое вкушение пищи: "В страхе Божиим вкушаем пищу, полагая, что сие есть святые Плоть и Кровь Господни. Молитву перед вкушением рассматриваем как литургическую проскомидию, момент предуготовления Даров". Подобная позиция "пророка" вполне сочетается с его призывами отказаться от внешних форм, что на практике приводит к стиранию границ между сакральным и профанным.

Приведем здесь несколько примеров литургического творчества БЦ. Вот выдержка из "литургии" раннего периода (1991 г.), названной "Литургия "У Креста"". Текст сопровождается авторскими ремарками: "Слезы, лейтесь, ибо распят Христос. Слезы, слезы, лейтесь, ибо распят Христос. Истощись, плоть моя, Сын Божий на Кресте. Обливайтесь слезами, ангелы; плачьте и вы, деревья, плачьте все цветы, растения, животные, вся тварь земная и небесная. И вы, демоны, прекратите недостойные дела свои, возрыдайте у Распятия Господня. ..." Господи, позволь мне коснуться святых Стопочек Твоих. Господи, позволь мне

коснуться Твоего Креста. Господи, позволь и мне пребыть с Тобой. Господи, позволь мне разделить скорбь Твою. "... Боже, какими слезами омыть Тебя? Боже, как приблизиться к Тебе? Боже, всяк от одного прикосновения к Древу Креста воскреснет и восхитится в рай. Боже вся вселенная, коснувшись одной слезиночки Твоей, перемешанной с Кровью и сукровицей, воскреснет к вечной жизни. "... Священник, стоя с чашей: Примите Плоть Мою и Кровь с самого Креста. Низко склонив главу и как бы припав к земле, с чашею в руках: Примите Кровь Мою и Плоть с самого Креста. Слезы, слезы пролейте в чашу (снимает покровец). Слезы, слезы, пролейте в чашу. Вся вселенная оплакивает Христа. Дождь слез... (2 раза) Ангелы рыдают – слезы их капают в чашу. Жены-мироносицы рыдают о Христе. С сосудом сим пройду по всей вселенной и соберу слезы горькие. Пройду и соберу слезы в сосуд Святых Даров (чаша покрывается). Чаша трепетно берется двумя руками: Боже, Ты здесь; здесь святые Плоть и Кровь Твои. "... Дождь слез падает в чашу. Господи, помилуй. (2 раза) Ладонь покрывает чашу: Теплота, дышит в чашу: дыхание Святого Духа. Ангелы святые, оплачьте Бога своего. "... Священник открывает чашу, нежно и скорбно прижимая ее к сердцу двумя руками: Ангелы оплакивают Чашу, Господи... От лица Божией Матери, сокрушаясь и покачиваясь, как бы убаюкивая плачущего младенца "!! -д.И.": Господи, помилуй; Господи, помилуй... Прижму Тебя к сердцу. Упокой меня, Христе, во Царствии Твоем, упокой меня... ныне и присно в вечном блаженстве праведных. "... Отверзлись тверди. Ад скорбит. Прекратились муки грешников. Вся вселенная перед Крестом Господним. Ныне утверждается завет Славы со истощенными во Имя Его. Склоним главы и примем мысленную смерть, да умертвим уды свои, да пригвоздим их ко Кресту Иисуса Распятого, дабы обрести новую плоть, имя, дыхание, лик "синонимы понятий "душа", "личность" -И.К." и жизнь вечную во Иисусе во Царствии Небесном "... Ныне час великой скорби. Прободилось сердце мое скорбью о Тебе, Христе! Чаша открывается, вливаются слезы Божией Матери: Мать Божия, омой нас слезами Своими у источника святых вод. Господи, помилуй (3 раза) Священник одевает омофор на главу: Восскорби, сердце! Держа чашу у уст своих: Восскорби, сердце! Ангельская песнь над Скинией Завета. В платье подвенечном препровождается Невеста к Жениху. Платочек со слезами Божией Матери, оплакивавшей Господа, – покровец чаши сей. Частичка омофорная, полная слез и Крови Спасителя и Богородицы Девы Марии, да облечет нас в час предстояния Кресту. "... Во время причастия говорит священник: Платочком слез Матери Божией благословись и Омофором Пречистой Девы облекись в одежды скорби и траура. Укрепляйся и причастись Плоти и Крови Господней и слезами Божией Матери". В этом слезливо-истеричном тексте, более подходящем на "религиозный бред" экзальтированного человека, еще невозможно выявить каких-либо намеков на православную Литургию. В нем отсутствуют все ключевые моменты, характерные для этого таинства: Проскомидия, Литургия оглашенных с чтением Евангелия, Евхаристический канон и пр. В приведенном "богородичном" чинопоследовании не обозначен даже сам момент предложения Даров. Чтобы оправдать столь смелое нваторство Береславскому в очередной раз приходится прибегать к мифотворчеству: "Литургии, которые мы служим, впервые были открыты на Соловках 150 архиереям и служимы ими совместно с ангелами".

Для сравнения рассмотрим чинопоследование Литургии по изданию 1998 г. Здесь мы можем наблюдать кардинальное изменение ситуации. Порядок "богородичной" службы имеет существенное сходство с православным чином: входные молитвы, Проскомидия, мирная ектеня, антифоны, Заповеди Блаженства, вход с Евангелием, трисвятое, чтение Апостола и Евангелия, ектеня о живых и усопших, "Херувимская", Епиклеза, "О Тебе радуется ..." (из Литургии

свт. Василия Великого), "Отче наш...", причастие "духовенства" и мирян, при этом "священник" читает тайные молитвы похожие на соответствующие молитвы из Литургии свт. Иоанна Златоуста. Однако, несмотря на это сходство между православной и "богородичной" Литургиями, сектантский вариант имеет ряд существенных особенностей. Во-первых, церковно-славянский текст за редким исключением (напр., "Херувимская") заменен на русский, причем очень неудачно (напр., вместо "И духови твоему" – "И тебе, наш дорогой отец"; вместо "Благослови, владыко, обоя" – "Благослови, Владыка, вместе" и т. п.). Береславский считает: "Богослужению следует идти на понятном русском языке". Во-вторых, очень много "отсебятины". Например, на Мирной ектенье прошение: "О схождение святых из Царства и о великой победе Господа над полчищами Люцифера Господу помолимся" или целый блок молитвословий, вставленный после антифонов и посвященных прославлению Марии (напр., в качестве "Генералиссимуса Марии" (?) и пр.), или многочисленные прибавления к Заповедям Блаженства ("Блаженны обретшие радость в скорбях", "Блаженны видящие то, что видите вы, и слышащие то, что слышите вы" и т. п.). В-третьих, внесены существенные изменения в композицию службы. Перед "Блаженствами" зачем-то вставлен фрагмент из хвалитных псалмов на утрени, а перед малым входом – прошения из великого повечерья. Но самое удивительное заключается в том, что Евхаристический канон совмещен с Херувимской! Во время великого входа вместо обычного помина "священник" произносит: "Святая святых. Вонмем! Вот Агнец Божий, берущий на себя грех мира". Потом после прочтения тайной молитвы: "Примите и вкусите. Это Тело Мое, за вас предаваемое" и далее, вознося потир: "Пейте из нее все. Это Кровь Моя нового завета...", "Твоя от Твоих...", после чего хор поет "Всякое ныне житейское отложим попечение" и "духовенство" удаляется в "алтарь", где и завершается Евхаристический канон. В данном случае мы можем наблюдать любопытную попытку совмещения католической и православной традиции. Дело в том, что согласно католической точке зрения "пресуществление" Святых Даров происходит в момент произнесения слов Христа "Примите, ядите...", а по учению Православной Церкви Дары прелажаются после призвания Святого Духа и слов священника "Преложив Духом Твоим Святым". В "богородичном" чинопоследовании перед упомянутыми словами Спасителя написано "Пресуществление" (заметим, что предпочтение отдано именно католическому термину), а перед благословением хлеба и вина стоит заглавие "Пресуществление II". Таким образом, Евхаристический канон приобретает как бы два самостоятельных смысловых центра: "католический" и "православный". Возможно, именно внутренняя борьба двух традиций определила столь оригинальный композиционный прием.

К сожалению, мы не имеем возможности детально проследить произошедшие за минувшие годы изменения обрядовой стороны "богородичной" литургии. Ограничимся лишь общими замечаниями. Налицо явное движение от аморфной, "харизматической" молитвы к четко структурированной (хотя в то же самое время весьма гибкой) литургической модели, построенной по подобию православной Литургии. Однако, не смотря на явное стремление к "оправославливанию" "богослужения", в нем сохраняется весьма значительный "богородичный" элемент. При этом эмоциональный накал, который сопровождает службу, придает ей ярко выраженный игровой характер. Наиболее показательны в этом отношении многочасовые службы-спектакли, происходящие на "Богородичных Соборах".

"Соборы", как правило, проходят во дворцах спорта (напр., "Динамо") или дворцах культуры ("Измайлово" и др.). В фаях развешивают стенгазеты с материалами

"Собора", устраивают продажу литературы. Здесь же можно помолиться перед статуями и иконами, поставить свечку, поисповедоваться или просто поговорить с "отцами" БЦ. В самом зале по стенам развешивают иконы, композиции на религиозные темы (обычно аппликация на ткани) и транспаранты с "богородичной" символикой. Надо сказать, геральдика – особый пунктик Береславского, она необычайно развита и постоянно обновляется. Основные символы БЦ: голубь, омофор, корона, скипетр, жезл на фоне восьмиконечной звезды ("Неопалимой купины"). Не менее популярны витиеватые монограммы. Самые большие транспаранты висят над сценой и по бокам от нее. На самой сцене находится некое подобие иконостаса с царскими вратами, большое распятие, семисвешник и аналой с микрофонами. Здесь же расположен смешанный хор и синтезатор. На "Соборе" литургическое действие может длиться несколько часов к ряду. Служба начинается с "разогрева" публику. "Отцы" во главе с "архиепископом" на протяжении 10 минут выкрикивают короткие хвалебные лозунги, оканчивающиеся всеобщим выкриком "Аллилуйя!" или "Слава, слава, слава"! Через время начинаются прыжки на месте и размахивания руками под ритмичную и заводную музыку. При этом скандируется своеобразная "мантра" БЦ – "Век святых – сила праведных"! (около 2 минут). Особый эмоциональный подъем вызывает марширование по сцене "отцов" (человек 20-30) с хоругвями, предносными крестами и "мистическими" атрибутами (корна, скипетр, омофор и пр.). Движение совершается в различных направлениях. Под звуки бравурной музыки две шеренги расходятся по краям сцены и сходятся к центру, меняясь местами. При этом третья шеренга "отцов" с главными "святынями" в руках двигаются от иконостаса к краю сцены и обратно. Под музыку выкрикиваются короткие стишки типа "Вселенная света! Мария – победа! Державной Владычице Слава!". Когда помещение позволяет (напр., д/с "Динамо"), шествие проходит по периметру зала. Пожалуй, наиболее забавным элементом службы является момент, когда "отцы" под предводительством "пророка" выстраиваются парами (или друг с другом, или с девушками) и пускаются в пляс по сцене. Высокий эмоциональный заряд несут проповеди и "откровения" Береславского, постоянно прерывающие действие. Динамичные эпизоды чередуются с расслабляющими, медитативными (порой, молитва так и называется "медитацией"). Например, совершается продолжительное шествие по залу с пением стихов из акафиста Страстям Господним. Во время движения этой траурной процессии в зале гасится свет, в руках "священников" горят свечи. С теми же убаюкивающими интонациями произносятся ектеньи. Периодически зал начинает раскачиваться и петь стихи типа "Пресвятая Богородице, спаси нас. Матерь Божия, спаси и сохрани и пр." или просто повторяя до полного самозабвения имя "Мария".

В БЦ существует и особый тип литургии – зауспокойный: "Особая зауспокойная литургия, которая представляет собой обычные богослужения, но причастие возвращается усопшим "?! -д.И." и акцент делается на молитву об усопших. "... Ангелы благословляют загробные службы и церковные циклы".

Вот как комментирует происходящее на "богородичных" литургиях Юрий Полещук, психиатр, профессионально занимающийся проблемой тоталитарных сект: "В секте "Богородичный центр" люди хлопают под музыку, поворачиваются под видом ритуальных действий и впадают в транс. ..." Человек, попадая в толпу, подчиняется общим переживаниям: как все, начинает хлопать и топтать. А эти прихлопы и притопы легко формируют гипнотическое состояние. У музыки, которая здесь звучит, определенный ритм, громкость, интонация, она тоже создает подходящий фон для гипноза. Оратор говорит громко, быстро, постоянно повторяет ключевую фразу, его задача – не дать жертве одуматься". Приведем

здесь и слова преподобного Макария Великого: "Вот истинное основание молитвы: быть внимательным к своим помыслам и отдаваться молитве в великом спокойствии, великом умиротворении, не смущая других "... Для молитвы не надобно ни жестов, ни возгласов". Традиционная ссылка в качестве библейского обоснования религиозных танцев на пляску царя Давида (2Цар.6:14-21) не совсем удачна. То, что было прилично для ветхозаветной религиозности, неприемлемо в Новом Завете. Да и сам пророк Давид говорил: "Служите Господу со страхом и радуйтесь [перед Ним] с трепетом" (Пс.2:11).

3.1.3. Крещенье

Креститься можно и в "сердечном храме": "Перекрестил "человека" и окрестил", "слезинку пролил – крестился". Однако при этом понимание таинства не упрощается, а наоборот усложняется. И происходит это за счет того, что идеологи БЦ говорят уже не о "едином крещении во оставление грехов", а о пяти (!) разновидностях крещения. Согласно "богородичному" учению, "прежде земного крещенья, душа окрещается на Небесах". Если первое крещение прошло успешно, за ним следует второе, земное, в котором, правда, лишь "очищается и предохраняется от болезней тело, но душа остается открытой стрелам лукавым". Оно предвосхищает третье и четвертое крещение – соответственно крещение Духом, состоящее в "принятии веры и покаянии" и "огненно-красное крещение" – высший тип крещения, предназначенный для избранных – влечет за собой "свидетельство, кризис, болезнь, буйство веры, и, наконец, жертву живота"!!! Последнее (пятое) "Небесное крещенье" совершается после "малых мытарств". Оно определяет загробную участь души. "Душа не окрещенная на небесах следует в адскую сферу". Иногда эта сложная пятиступенчатая модель упрощается до трех крещений: до рождения, на земле и после смерти, т. к. три земных крещения "водой, духом и огнем" составляют одно.

Даже такая простая вещь как вода, используемая в таинстве крещения в "марианском" мировоззрении выступает в качестве сложной и мистической субстанции: "Есть воды вышние, что над небесами, есть воды нижние, что под небесами (Быт.1). "... Земные воды – материальное проявление нижних. "... Среда, приемлющая Святого Духа – вышние воды. Без приобщения к высшим водам невозможно исполниться Святым Духом. Вышние воды – непорочная среда, открытая на земле Непорочной Девой Марией. Поэтому Ее таинственное присутствие при крещении всегда необходимо". Более того, необходимо Ее непосредственное участие, т. к. "духовное крещение" происходит в "Белой Купели" – еще одно наименование "богородичного" "Сердца-Лона": "Пречистая Дева Мария окрещает притекающие к ней души в Белой Надмирной Купели (образ, открытый в пророческом откровении о. Иоанну), одевает в ризы ангельские, облакая во Христа". "Вхождение во Вселенскую Церковь Иисуса Христа, в Мистическое Тело Господне "... подается надмирным Таинством усыновления и Нового Второго Духовного Рождения от Пресвятой Девы Марии через вхождение в Ее Непорочное Лono". Подобно тому, как для архаичного религиозного сознания общность лона рождения (матери-Земли или праматери) служило символом единства общины, так для членов БЦ символом их единства служит общее рождение в "богородичном" "Лоне-Купели": "У нас общая Мать – Богородица. Так и все мы в Ней крещены и соединены в одно. Чем больше Ее любви, тем мы сплоченнее духовно".

3.1.4. Миропомазание и Соборование

"Богородичное" отношение к таинству миропомазания понять довольно трудно. Вот одна из интерпретаций символики данного таинства: "Богоматерь "... совершает таинство Голгофского миропомазания. Оно совсем иное, чем традиционное, церковное, предполагающее освящение и исцеление от болезней". Действительно, его символика связана скорее со смертью, чем с исцелением и жизнью: "Царица совершает с нами то, что было совершено со Господом "... Она помазывает нас теми благовонными маслами, которыми был умащен Господь, снятый со Креста. После таинства прободения сердца должна наступить наша смерть у Креста, которой нельзя бояться, ибо сия есть смерть ветхого человека, прелестника, смердящего трупа. Помазание – ступень к сопогребению с Ней".

Мы уже упоминали в связи с разговором о Евхаристии про мироточение, происходящее в Твери у "богородичной" монахини Софии. Добавим здесь лишь то, что возможно Береславский видит в мире (кстати, он почему-то не склоняет это слово и иногда добавляет лишнюю "р" – "мирро") некую божественную субстанцию: "Сие миро источает Сердце Божией Матери "... Небо мироточит".

Ничего определенного нельзя сказать и о Соборовании. Мы не случайно объединили разговор о Миропомазании и Соборовании в одной главе. Дело в том, что в "марианских" текстах эти понятия порой накладываются друг на друга. В частности так происходит в только что процитированном нами тексте: "Помазание миром и елеем Голгофских слез и Голгофского Сердца – знак преображения". Здесь же необходимо обратить свое внимание еще на одну очень важную деталь. И Евхаристия, и воды Крещения, и Миропомазание, и Соборование субстанционально связаны с загадочными "премирными" "Слезамии Богоматери". Именно в них эти "таинства" обретают свою силу.

Кроме упомянутого значения, слово "соборование" употребляется в качестве обозначения одного из этапов на пути спасения. На этом этапе, обозначенном как "церковное соборование", Мария "собирает "... учеников Христовых по всему лицу земли. "... Совершается воцерковление, очищение, дается следование заповедям (универсальным духовным законам)".

3.1.5. Священство

Для таинства священства, как и для всех остальных таинств, у "пророка" имеется "сердечное" толкование: "Всяк во Христе праведный – священник". Но все же Береславскому приходится коснуться и "внешней" стороны этого таинства (не даром же он затевал авантюры со своими хиротониями), правда делает он это без особой оригинальности. "Мы полагаем, – заявляет "архиепископ", – что внешние "регалии" не существенны, основное – преемство в духе". И здесь Береславский приводит горячо любимую всеми самосвятами и раскольниками цитату из Евангелия от Иоанна "Дух дышит, где хочет" (Ин.3:8). А далее идет пространное рассуждение о том, что, дескать, еще в конце I-го века возникло особое "духовное" преемство, не восходящее ни к одному из двенадцати апостолов. "Апостольским преемством надобно почитать тайное избранничество Божие "... Это избрание всегда личное, с тайными полномочиями от Христа каждому избраннику. "... Вот почему называть епископа преемником апостольского служения, мягко говоря, недоразумение". "Настоящее" преемство, по мнению Береславского, идет от Девы Марии: "От Нее апостольское преемство по чину Ааронову". Сегодня "Богоматерь воздвигает священников Своего духа, новых пастырей". Их иерархическая степень напрямую зависит от высоты преподанных им духовных дарований: "Имеющий харизматический дар Духа есть истинный священник; епископ суть имеющий

печать нерукотворенного зпечатления Христа в сердце своем (вторая степень Духостяжания) и патриарх – цевница полноты даров". Несмотря на обтекаемость приведенного определения, в БЦ существует своя иерархия: епископ, священник, диакон. Однако, на практике возникает ряд вопросов. Например, на каком основании "епископ" Александр Долаберидзе за вступление во второй брак (со старшей дочерью Береславского, Татьяной) не был лишен "сана", а всего лишь разжалован из "епископа" в "священники" (кстати, есть сведения о том, что в настоящее время ему возвращено "епископское достоинство")? Размытость иерархических степеней, возможность перехода одной степени в другую и обратно отражается и в том, что к любому представителю "богородичного" "духовенства", включая самого "архиепископа" принято обращаться "отец".

3.1.6. Брак

"До семьи ли, до брака, до земных ли дел"? – задает "пророк" риторический вопрос в одном из своих ранних произведений, и сам же отвечает: "Не вступайте в брак". В большинстве творениях, принадлежащих к начальному периоду БЦ красной нитью проходит идея о скверности брака и семьи: "Ветхая семья – храм сатанин с его поганым алтарем на чреве женщины-жрицы". Ненависть к браку напрямую связано с отношением к женщине как нечистому существу. Непреложным идеалом святости для БЦ в те годы было монашество: "Христианство возможно только монашеское". Те же, кто состоял в браке, должны были руководствоваться следующими словами: "Се Аз Мария повелеваю: покидайте дома свои, странствуйте и переселяйтесь". Так по "благословию" Береславского разрушилось множество семей. Вероятно, для "пророка" потеряли свою актуальность слова апостола Павла: "Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного" (1Тим.5:8). Однако, как уже говорилось, после заведения уголовного дела против руководства БЦ политика секты в отношении брака изменилась, что сразу же было подтверждено соответствующим "пророчеством": "Если говорю оставить "... мужа или жену – следуйте! Сегодня скажу "оставь", завтра – верну". Разрушив множество семей в первые годы своего существования, БЦ начал поощрять внутриобщинные браки. С этих пор ненависть к семье трансформировалась в ненависть к "сексуальности", которая даже в законном браке считается "блудом". "Сексуальность должна быть удалена из взаимоотношений между супругами. Они должны стать чистыми". И вот современное "богородичное" учение о браке: "Царица Небесная благословила два рода браков – мирской церковный и духовный церковный "-д.И.". "... Вступающие в мирской брак должны дать обеты взаимной верности и церковные обеты. Вступающие в духовный брак должны дать особые обеты целомудрия и церковности. "... Духовный брак будет на грани монашества, вместе с тем будет предполагать рождение и воспитание детей. Мирской брак предполагает ее достаточно светские отношения. В духовном браке Она "Царица Небесная" обещает через обет целомудрия почти полное очищение от блуда "т. е., вероятно, сексуальности как таковой -д.И." и похоти. Тогда как в мирском браке этого не произойдет". При этом монашество превращается из "нормы жизни" в некий трудно достижимы идеал и называется особой формой брака: "Брак со Господом для призванных девственников". Вместе с тем понятие брака расширяется: "Первый брак, к которому призывается душа: соединение с Богом, богосупружество. "... – соединение с Творцом через Божию Матерь, предстоящую Троице. Второй брак – соединение не только с человеческими душами, но и со всем творением. И только третий брак – личный: брак мужчины и женщины".

Со временем оппозиция "брак – монашество" стала менее острой, а в скором будущем, по прогнозам "пророка", возможно абсолютное слияния этих явлений. "Женатые станут как неженатые, а монахи (посвященные) обретут семью какой не знали в ветхой жизни". "Отличительная черта брака будущего: монахи изумительно легко будут жить в одной обители с семейными. Более того, они будут желать этого, поскольку монашество будет тяготеть к семейственности духовной, а семейственность к монашеству". И надо сказать, что эти "пророчества" начинают сбываться. Есть сведения о том, что одно время в БЦ практиковались т. н. "параклитские" браки, когда будущих супругов сперва постигали в монахи, а потом венчали, однако большинство этих экспериментальных браков вскоре разрушилось. Заслуживает внимания тот факт, что, помимо монашеских "обителей", в БЦ существует и "семейная", в которой живут, молятся и трудятся на благо секты семейные пары. В заключение разговора, посвященного вопросам брака в БЦ, заметим, что в настоящее время ряд видных представителей "богородичного" монашества, включая самого "архиепископа", проживают со своими семьями.

3.1.7. Исповедь

О "богородичном" понимании покаяния (собственно и составляющего предмет исповеди), будет подробно говориться в главе "3. 3. 2. Покаяние". Сейчас же, несколько забежав вперед скажем главное: "Даю вам образ покаяния: это – шок "-д.И.", а "условие прощения грехов – глубокое покаяние "т. е. глубокий шок -д.И." и сознание себя расслабленным и больным. Такова исповедь перед Богом". При этом вновь возникает соблазн "сердечной" исповеди без участия Церкви, но Береславский решительно пресекает подобные поползновения: "Прощение грехов совершилось по вере! Тогда, может быть, не нужна исповедь священника и накладывание епитрахили? Нет, она необходима. Она – покров Царицы. Но до начала XVII века исповедь принимали не священники, а старцы "?? -д.И.". Необходима старческая благодать". Как можно догадаться, исповедь "под православной епитрахилью" Береславского не устраивает, носителем старческой благодати он считает себя и "отцов" БЦ, ведь только они знают, как помочь кающемуся "втесниться" в "Непорочное Сердце-Лоно": "Исповедь у отцов Церкви происходит в Моем Непорочном Сердце". "Исповедуем свою вину перед Христом и Богородицей Девой Марией и чаем в таинстве искупительной вины обрести прощение грехов помещением во врачующее и целительное Лоно Пречистой Девы. В нем же да совершится наше новое духовное рождение во Христе". При этом "таинстве" одновременно происходит "духовное рождение", как исповедуемого, так и исповедующего: "Божия Матерь "... хочет обратить внимание на совершенно новый образ исповеди. Первая его черта: взаимная исповедь священника и исповедника. Не будет дистанции, отчужденности. Прольются слезы умиления и всепрощения, и пойдет ток любви от сердца к сердцу". Однако, эта замечательная процедура имеет воздействие только на верных идеалам секты прихожан, колеблющиеся относятся к разряду "трудных": "В отношении трудных прихожан надо руководствоваться тремя мерилami: насколько они принимают Ее "Марии" учение, подающееся на Московском Престоле Откровения; любят Церковь "т. е. БЦ"; любят Ее".

Помимо частной исповеди в БЦ существует и общая, состоящая в перечислении грехов и своего рода чина прощения (например, на XXI-м Соборе после подобного чина Береславский эффектно сжег скомканные листки, символизирующие собой грехи, совершенные "богородичниками").

Итак, в "богородичном" учении о таинствах можно выделить три основных аспекта: 1) объективный – все "таинства" совершаются в "Сердце-Лоне Божией Матери" и, если они связаны с каким-либо веществом (вода, елей, вино), то получают освящение через "премирные слезы Марии"; 2) субъективный – они имеют отражение в сердце верующего; 3) обрядовый ("внешний") – наименее значимый в "марианской" иерархии ценностей аспект, в силу чего чинопоследования "таинств" постоянно изменяются. Кроме того, каждый из чинов в свою очередь имеет полный и сокращенный вариант. Еще одной характерной чертой "богородичного" учения о таинствах является то, что оно дается на фоне резкой критики в адрес православных таинств. Так, например, литургия "мертвого Бога ..." ныне подающего Кровь и Плоть Свою через их "христианские" алтари и ряд магических манипуляций, способна лишь вызвать ненависть к Живому Богу". "Крещение в фарисейской церкви не имеет силы", оно "выродилось в формальный обряд и ничего не значит в ином мире – мире правды". Православное таинство Священства называется "жалкой блажью". "Столп прежней церкви – храмовая исповедь ..." У нас – иное. ..." Совершаются таинства, сто крат более важные и действенные, чем традиционно-привычные".

Последнее, о чем следует сказать в связи с вопросом о литургической жизни БЦ, это вопрос почитания Креста, святых и икон.

3.1.8. Почитание Креста, святых, мощей, икон

Крест наделяется "богородичниками" величайшим могуществом (см. гл. "2. 4. 4. Учение о домостроительстве Христа"). По мнению лжепророка, "мышление наше ..." должно стать не столько даже Христоцентрично, сколько крестоцентрично". Собственно говоря, "истинное прославление Бога есть прославление животворящего Креста Господня и Воскресения". Порой, Крест наделяется Береславским качествами разумного существа. Так, например, среди прочих контактерских "подвигов" лжепророка – получение "откровений" от тверского "мироточащего" креста (впоследствии проклятого самим же Береславским). Что же касается непосредственно литургической функции Креста, то он используется "богородичниками" в определенные моменты "богослужения" для нанесения крестного знамения. Хотя в данном случае будет более уместно употребить выражение г.Ю. Баклановой: "священнослужители" и молящиеся "берут в правую руку крест и совершают им довольно энергичные манипуляции". Помимо "манипуляций" с крестом (который всю службу держится в руке или затыкается за пояс) в обиходе членов БЦ и "пятиричное" крестное знамение, установленное "в знак сердцецентричной жизни будущего века". От православного оно отличается тем, что после знаменования лба и живота крестящийся еще касается груди, а уже потом правого и левого плеча. Кроме того, в БЦ имеется большое распятие, во время службы установленное на сцене и что-то наподобие предносного креста. Существует и особая иконография распятия, отражающая соискупительную роль Девы Марии. Она изображается за фигурой Спасителя с распростертыми руками, как бы "сораспинаясь" Ему.

Среди икон в БЦ наибольшим уважением, естественно, пользуются изображения Божией Матери (напр., "Державная", "Неопалимая купина" и др.). В секте имеются и свои иконографии Богоматери: "Жена, Облеченная в Солнце", "Мария – Небесное Зерцало", "Соискупительница", "Брачная трапеза" и пр. Сектантами почитаются изображения православных (прп. Серафим Саровский, страстотерпец Император Николай и др.), католических (Гриньон де Монфор, Франциск Ассизский) и "богородичных" святых ("соловецкие старцы", "митрополиты"

Серафим Поздеев, Геннадий Секач и пр.). Изображения выполнены как в лубочном или академическом стиле, так и в некоем подобии иконописного. Большое распространение имеют католические статуи Богоматери (напр., фатимская), причем "богородичники" заявляют о случаях их миро- и кровотечения. За "богослужением" также используются хоругви и плащаницы. Богослужебная утварь (потиры, диски, семисвешники, кресты) – "софринского" производства или старинные, хотя кое-что (напр., кресты) делается самими "богородичниками". Особого интереса заслуживает литургическое использование множества символических предметов: свитка с буквами "" АВи ", макета белой книги с надписью "Превечное Евангелие", короны, ветви и даже лестницы (?). Все эти и другие подобные вещи наряду с хоругвями, плащаницами, омофорами и пр. во время торжественных "богослужений" выносятся "священниками" БЦ и участвуют в процессиях. Во время службы "отцы" облачены в цветастые одежды с "богородичной" символикой. Иногда за образец берутся православные облачения (епитрахиль, поручи, пояс, фелонь), как это было на XIX-м "Соборе", но чаще всего эти одежды представляют собой балахон с белым "омофором". Во время торжественных служб с помощью этих "омофоров" исполняются элементы художественной гимнастики (их растягивают и колышут, имитируя волны, подбрасывают в воздух и т. п.). Порой "богородичные" кутюрье прибегают к оригинальному приему: поверх балахонов пришиваются декоративные епитрахили, поручи или перевязанные крест-накрест орари.

Среди святых, почитаемых в БЦ "святые Восточной и Западной церквей": преп. Сергей Радонежский, преп. Серафим Саровский, прав. Иоанн Кронштадтский, августейшая чета (свв. Император Николай и Императрица Александра), Иоанн Креста, Тереза Авильская, Франциск Ассизский, Луи Гриньон де Монфор, Тереза имени Младенца Иисуса, Максимилиан Кольбе, Катарина Сиенская, Иоанн Мария Вианней, Доминик и пр. Особо хочется сказать о почитании в БЦ таких маргинальных личностей как Иннокентий Балтский и Григорий Распутин. Помимо почитания святых, в БЦ, как в католичестве, имеется особый культ "блаженных". Причисление к чину "блаженных" происходит на "Соборе" и называется "биатификация". Как правило, этой чести сподобляются недавно умершие "отцы" БЦ. Так на XXI-м "Соборе" было прославлено 5 человек.

Разговор о "богородичном" отношении к мощам стал возможен в связи с таинственной историей похищения в 1997 г. "отцами" БЦ останков "блаженной" Евфросиньи Почаевской. Примечательно, что в последние годы своей жизни Евфросинья находилась в ссоре с Береславским. Тот в свою очередь не упускал возможности лишней раз подчеркнуть свое неуважение к Евфросинье. "Евфросинья находится в тяжелом обольщении и помутнении ума". В 1992 г. Береславский даже анафематствовал свою бывшую наставницу, но в 1997 г. стал получать от нее многочисленные "откровения". В настоящий момент эти "нетленные мощи" находятся в одной из "богородичных обителей", где им оказываются соответствующие почести (на них совершаются "литургии" и пр.). Однакостораживает некоторый некрофилический мотив в "богородичном" отношении к ее "мощам": "Благоухает мирро каплями на крышке гробика. Дивный состав покрывает восковые ее "Евфросиньи" рученьки. Рядом приле г. Брачный одр. Абсолютно свято. Неземная атмосфера. Я в вечности. "... Мы трое прилегли рядом с ней на песок. "... Отслужили службу, лежа на помине на живых мощах". При этом Береславский предостерегает: "Не заведи во храме фетиша! Культ мощей без сердечного трепета может выродиться в некрофилию".

В календаре БЦ имеются православные праздники (Двунадесятые и др.), католические (праздник Непорочное зачатие Богоматери, дни "марианских" явлений по всему миру и пр.) и собственно "богородичные", в первую очередь, конечно же, посвященные Богородице: "Неделя имен и ипостасей Марии, Вечной Весны грядущего человечества", "Неделя Жены Облеченной в Солнце" и т. п. Отмечаются так же годовщины московских событий 21 августа 1991 г. и 3 октября 1993 г., когда, согласно вере "мариан" Богоматерь одержала победу над "Красным коммунистическим драконом". В БЦ также установлены праздники в честь новомучеников и исповедников российских и многие другие (напр., "Неделя фаворского света отцов и исихастов, пустынников, затворников, молитвенников"). Дни праздников установлены по старому (юлианскому) стилю, однако в календаре они указаны в пересчете на новый (григорианский).

3.2. Этика

3.2.1. Внутриобщинная субординация и духовничество

Базовый тезис, на основании которого строится весь этико-нормативный строй в тоталитарных сектах (в том числе и БЦ), это постулат о собственной исключительности: "Я "Мария" властно озираю бедную Мою Святую Русь и не вижу никого, кроме Церкви Моего Сердца, кто мог бы окормить любовью, благодатью, светом Новой Жизни". "Отныне буду говорить только со своими Параклитскими. Вот провела линию – полосу, пересекающую век прежний и новый. Прежние Церкви остались за границей. Вся полнота Господня, все ангелы, собор святых и предстоящих, все семь печатей Благословенного над Церковью Параклитского Завета". Это является весьма характерной чертой тоталитарных сект – деление мира на белый (собственно секта) и черный (все не согласные с сектой). Благодаря такому делению в адептах секты культивируется ощущение собственной элитарности: "Вы в Ковчеге, – взирайте из Ковчеха на тех, кто в суеи и брениности земной проводит дни". "Богородичные христиане – вот подлинная духовная элита, аристократы будущего века". "Не ждите, чтобы ближние ваши, еще менее достойные, чем вы, были собеседниками сил небесных". При этом БЦ иногда даже проявляет черты антисистем эзотерического типа: "А если многие идут вслед за вами, то это признак прелести и козней вражиих, ибо в веке сем услышат единицы".

Естественно, что столь высокое доверие "сил небесных" неизбежно требует и безоговорочного послушания им: "Призываю вас: Мне "Марии" себя посвятите, отдайте бес сомнения всю душу без остатка и жизнь вручите". Богиня требует от своих поклонников "рыцарской присяги Стопам и Сердцу своей Небесной Госпожи". "Отрекийтесь своего видения и слышания". "Теперь вы не живые и не мертвые, а Мои "! -д.И.", и более нет у вас ничего своего, отнята судьба и вручена Игуменье Небесной". Таким образом, как это ни парадоксально, стимулируя страсть гордости, руководители секты добиваются от своих пасомых абсолютного подчинения.

В БЦ четко выстроена вертикаль власти, что также весьма типично для тоталитарных сект. Ведь, если "божественный" статус БЦ столь высок, то и ее руководство должно автоматически быть наделено величайшим авторитетом: "Наивысшая добродетель Церкви – Совет отцов, куда проливается Свет от Божественного Разума, где стоит Ангел от превечного Совета Троицы Святой. Единомысленно озаренные Духом Святым отцы составляют Мое "Марии" Пренепорочное Сердце. Единодушные Совета отцов исключает ложные суждения,

еретические мнения, ошибочные взгляды. Да станет оно для вас святым мериллом. Взывайте к Совету отцов, к разуму отцов, к единому соборному мистическому телу Моих светлых священников. Да источится от него Свет вразумляющий, осиявающий и просвещающий". "Отцы находятся под облучением "? -д.И." подлинного Откровения Божией Матери. На них сходит Свет премудрости, который по сокровенным каналам идет дальше в церковь. Доверие отцам приводит к тому, что наставление от отцов следует через братьев. "... Через отцов Церкви передается Дух – иерархически. По неизъяснимым каналам идет окормление от высших к низшим. Через пророка, предстоящего Престолу Божией Матери, подается воля Божия. Далее, по милости Божией проходя через сердца отцов, передается дьяконам и самым премудрым, опытным старшим братьям, наиболее крепким в духовной брани".

"Отцы"-духовники, т. о. рассматриваются в БЦ как безошибочные проводники божественной воли для своей паствы. Несомненное преимущество перед всеми имеет сам Береславский: "Пророк обладает особой способностью глубинного постижения душ человеческих и подает ключи к спасению". Но и "отцы" рангом ниже пользуются в секте беспрекословным авторитетом. Для того, чтобы лучше себе представить "марианское" понимание духовничества, приведем здесь выдержки из главы "Размышления о духовнике", помещенной в сборнике "Цветы трезвения". "Три внушения сатаны, чтобы отвести душу от Церкви: отец "т. е. духовник -д.И." несовершенен, он грешник; отец обычный смертный; иногда он говорит от Бога, иногда от себя... А поскольку порой ошибается, подвергай сомнению благословение, относись к нему с умом, критически. Принял хоть один подобный помысел – погубил себя навеки". "Дух недоверия отцам тесно связан с фарисейством, неблагодарностью и паразитизмом. "... Даже простое невосстание на осуждение отцов отдаст душу в сети лукавого". "Выход из послушания, отчуждение от Церкви – величайшая из катастроф, не компенсируемая никакими дарованиями и самооправданиями". Духовник наделяется безграничной властью, при этом рядовой сектант лишен элементарных прав: "Всегда оправдывай отца и осуждай себя. Отец гневается – я, окаянный, тяжко погрешаю! Я и Самого Господа бы прогневал... Критичность по отношению к отцу так же бездуховна, и нелепа, как по отношению к воле Божией "... Отец несет крест мой. Отцу так тяжело. Отец моя совесть, ум, воля. Я весь от отца, "... его преданный слуга "! -д.И." "... Через отца со мной говорит Господь. "... Бог в его лице назначает послушание "... Отец для меня – Господь, Отец Небесный "! -д.И."". И это отнюдь не поэтическая метафора. Вот еще одна красноречивая цитата: "Отец да станет олицетворением святости и совершенства. Перед ним благоговеть... Не будет преувеличением и обожествить, поскольку в нем живет Отец Небесный "!! -д.И."!! Да, что уж там прихожане БЦ, Сам Господь и Божья Матерь (!!!) обязаны слушаться "богородичных" отцов: "Пресвятая Дева и Господь в повиновении у нас. Они препоручают суд нам, ибо нет никакого суда: "Я не сужу никого" (Ин.8:16). Иисус и Мария в повиновении у нас, и как мы решим, какой выбор совершим, туда и последуем. "... Мария в повиновении у нас, в повиновении у меня, Иоанна. Как я говорю, так Пречистая и делает "-д.И."!!! И при этом "богородичники" (и им подобные) искренне обижаются, когда их называют "тоталитарной сектой", или обвиняют в авторитарности. Но как же их еще называть, если за каждым адептом секты установлен тотальный контроль и мониторинг, если личная воля рядовых членов секты полностью раздавлена авторитетом "отца" под предлогом того, что "отец – бог" и даже выше Бога?

Конечно же Береславский и здесь использует свой любимый прием – он осуждает авторитарность как таковую, напроць отрицая возможность применения методов

авторитарного воздействия на личность: "Ни один авторитарный прием не сработает в агапе "БЦ". Власть Божия – любовь. "... Агапа исключает подобные приемы, врачует рабское сознание. Любовь делает раба свободным, господином. "... Никаких приказов, никакого насилия – святое повеление Вышнего и благолепное приятие его в сердце. "и вот замечательный пассаж, вновь оправдывающий произвол со стороны "отцов" -д.И." Рыцарь Непорочной не подчиняется ничему человеческому. Рыцарь – воин Богоматери, неукоснимо творит волю Ее. Для него существует лишь один приказ – абсолютный и несомненный – святое повеление Пречистой через тех, кому открыта воля Божия, – отцов, духовников "! -д.И.""

Впрочем "пророк" не ограничивается одними лишь абстракциями, он направляет свой "праведный" гнев, например, на православное монашество, приписывая монастырским уставам черты тоталитарного режима: "Как понимается послушание? "Внешняя власть наставника неограничена и бесконтрольна" – подумайте о следствиях этой внешней власти! То есть приходит начальник и делает с тобой что угодно. "... С помощью многочисленных надзирателей глаз игумена видел все. Никакой, даже самый малый поступок не мог ускользнуть от этого надзора. ..." Идеал общежития – "дисциплинированный отряд духовных бойцов, борющихся с грехом под руководством опытного начальника"". Но, во-первых, выше приведенные цитаты позволяют утверждать, что все эти обвинения в адрес Православия можно переадресовать самим идеологам БЦ. А, во-вторых, для православного менталитета характерен гораздо более трезвый, выражаясь "марианским" языком, "критический" взгляд на вопрос духовничества, нежели тот, что приписывается нам сектантами. Церковь допускает, что даже святые подвижники могут делать ошибки в частных вопросах, и уж тем более, личное мнение священника ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Оно имеет скорее рекомендательный, а не обязательный характер. "Отцы близкие к нашему времени, – пишет святитель Игнатий, – называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и святое Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных "... братьев". В конечном итоге православный человек сам несет ответственность перед Богом и ближними за свои поступки. Совершенно иная картина наблюдается в тоталитарных сектах, где человеку навязывается не Божественная воля, а греховная воля такого же страстного, как и сам рядовой член секты человека. И уже через некоторое время адепт тоталитарного культа практически разучивается принимать самостоятельные решения и попадает в полную зависимость от "духовника" (гуру). Приведем здесь еще одну выдержку из творений святителя Игнатия: "Те старцы, которые принимают на себя роль... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтобы точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия – старцы, которые принимают на себя роль древних святых Старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании суть ложныя, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими". Ибо, как известно, "если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" (Мф.15:14).

3.2.2. Отношение к ближнему

Противоречивое учение БЦ об отношении к ближним лучше всего выражено парадоксальной сентенцией: "Ближний – враг, а враг роднее брата". Но найти столь красноречивое и в то же время емкое определение – большое везение, поэтому для более полной картины нам вновь придется собирать и сопоставлять разрозненные цитаты.

"Марианские" книги последних лет пестрят обещаниями безграничной любви ("Я "Мария" покрываю вас навеки материнской любовью"). В потоке словесной "воды", связанном с "любовной" темой, не мудрено захлебнуться. "Одарю вас океанами, потопами любви". "Будет подаваться душ "!"? -д.И." благодатных милостей, множество знамений для тех, кто примет новое основание". "Водопад божественной любви, ливень света, океан благодати обещаю Я", "излияние океанической "? -д.И." любви", "каскад, фейерверк, океан" и т. п. В сектоведении подобный эмоциональный прессинг именуется "бомбардировка любовью". Его целью является преодоление замкнутости свойственной человеку, попавшему в незнакомую среду, снятие психологической защиты. В результате "размягченная" душа становится способной к менее критическому восприятию новых "истин". В свою очередь Береславский приписывает использование этого же самого метода "нечестивым" матерям, хотя усмотреть методологические сходства не так то просто из-за того, что при описании действий "сатанородиц" используется специфический "богородичный" новояз: "Прогрев – удар. Не хочешь удара – не грейся. Обогрев – лестница в сердце из полового центра. "... Обогревом, выдаваемым за добро и любовь, вводит в протрацию. "... Искусительница сначала греет, потом бьет, чтобы вывести из себя". "Бьет", нанося шокирующий удар по психике, и Береславский, но чуть позже, а сперва – "бомбардировка любовью" ("обогрев")...

"По тому узнают все, что вы Мои ученики, – говорит Господь, – если будите иметь любовь между собою" (Ин.13:35). Любовь является основным побудительным мотивом в христианской этике. В связи с этим возникает вопрос, можно ли являть подлинную любовь, не будучи учеником Христа? Из приведенных слов Самого Спасителя выходит, что нет. Попробуем провести сравнение между христианской и "марианской" любовью. О христианской любви лучше всего сказал апостол Павел: "Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине" (1Кор. 13:4-6). Спустя семь веков преподобный Исаак Сирин добавил к этому: "Что такое сердце милующее?". Это – "возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари "... А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и были помилованы "... Достигших же совершенства признак таков: если десятикратно в день преданы будут на сожжение за любовь к людям, не удовлетворятся сим". Говоря о любви христианин подразумевает не сиюминутное устремление души, не "влюбленность", а высший благодатный дар – "совокупность совершенства" (Кол.3:14), венец добродетелей, завершающий многоступенчатую "лествицу", промежуточными ступенями которой являются "отречение от мира", "стяжание памяти смертной", "радостотворный плач", "безгневие и кротость" и др., что достигается не иначе, как длительным подвигом.

Теперь вернемся к "марианскому" учению. После обещания "океанов любви" и "душа милостей" следуют требования безграничной и жертвенной любви по отношению к ближнему ("распятыя ближнего ради") и всему миру ("Очами Иисуса возлюбите ближних и Сердцем Иисуса – мир "заметим, не своими очами и

сердцем -д.И.""), причем эти требования обусловлены прежде всего пантеистическим мироощущением БЦ: следует любить ближнего, потому что в нем сущностно обитает бог ("Любите Бога в ближнем, больше ничего Я "Мария" не хотела бы от вас. Мое наставничество, Моя наука, указанные Мною рецепты святости к спасению и восхождению по ступеням могут быть сведены к одному: любите ближнего как Бога; любите Бога в ближнем"), и весь мир, т. к. он является эманацией божества. Отсюда следует ультиматум: "В рай попадет лишь тот, "... кому открыто Божественное начало в человеке, в твари". Для того, чтобы выявить основу "марианской" этики, нам необходимо узнать, что же Береславский вкладывает в понятие "любовь" и какие средства предлагает для достижения этой добродетели. Начнем со второго вопроса, о средствах. Согласно учению БЦ, прежде всего следует отказаться от осуждения ближних: "Начало православной нравственности – не иметь зла ни на кого", "единственный способ помочь ближнему – не осуждать, не нанести ни малейшей раны". "Терпите, прощайте, не принимайте помыслов и осуждения, как бы ни было тяжело. Не ищите виноватых, который раз говорю вам". "Кто видит всех людей хорошими, тот чист сердцем". Но осуждение – больше, чем просто грех против ближнего. "Осуждение тайно связано с восстанием на Крест, который посылает Господь". "Осужденник "т. е. тот, кто осуждает ближних -д.И." приговаривает Самого Господа к распятию: восстал против Отца Небесного, распинает Промысел". Следует особо подчеркнуть, что Береславский призывает не просто к неосуждению ближних (об этом постоянно говорят и православные святые), а к невидению чужих грехов, что совсем не одно и то же. Причем все эти призывы имеют магическое обоснование: "Не видящий греха в ближнем берет его на себя, видящий – стряхивает собственную чашу на ближнего по проекции, приписывая ему то, что свойственно самому. Выходит, "по-философски", никакого греха в человеке нет помимо того, какой мы ему приписываем, исходя из собственной греховной чаши". "Если мы верим, что ближний стоит на пути святости, он ищет ее и в нем живет Господь, "... то в нем и будет жить Господь. Если мы видим какие-то его недостатки, какие-то слабости, то будут проявляться его недостатки. Все, что мы желаем видеть в ближнем, будет проявляться. "... Бывает, что мы сами подводим зло к ближнему. Например, мать говорит сыну: "Еще один шаг и ты заболеешь (это как образ). Иди, а то опоздаешь". И сын действительно заболевает и опаздывает". "Заповедь светильничьи чистого ока запрещает видеть злое в ближнем, даже когда оно навязчиво-очевидно. И тайна в том, чтобы зло видя, не видеть, а добро (спрятанное, скрываемое) – усмотреть зрением веры". "Чтобы быть счастливым – достаточно не замечать окружающего зла; чтобы стать блаженным – видеть окружающих тебя святыми". Но, самое главное заключается в том, что, согласно учению БЦ, не замечая чужих грехов, человек уподобляется Господу (Он "ни в ком не видит греха – невинное око. И не вменяет никому греха"), и Марии. "Пресвятая Дева и Господь, Сами будучи непорочны и чужды греху, не видят наших грехов".

Как достичь состояния "блаженного" "невидения" греха? Выражаясь образным "богородичным" языком, для этого необходимо закрыть "третий глаз", греховное око, обращенное в родовое подсознание и питающееся блудной энергией из "полового центра" человека и подключится к духовному оку Марии: "Важно, к какому источнику подключено наше зрение. Если к дереву добра и зла, то оно – худо. "... Критическое око, силлогистическое сердце... Как это далеко от светильничьего, лебединого, невестиного, чистого ока Марии!". На практике это означает, что истинный "рыцарь Марии" не должен давать своих субъективных оценок никому и ничему вокруг г. "Как посвященные, вы не смеете проявлять ничего личного "-д.И." друг к другу". "Никто из посвященных не смеет взирать на брата личным зрением, всегда помутненным, субъективным и пристрастным,

ограниченным и малым. Возжжен Святильник, великое Светило воссияло во мраке мира – Око Непорочной"! "Слепыми назовет Господь тех, кто лишен трезвого видения". Из приведенных слов может создаться впечатление, что Береславский борется с "субъективностью", "страстным помутнением" рассудка и призывает к объективности в суждениях. Это совершенно не так, он как раз борется с трезвостью мировосприятия: "В сердце покоя нет, пока человек другого осуждает и видит трезво". Это – "дубовая, рен"т"геноскопическая трезвость: видеть вещи, какие они есть "...". Лучше б хоть бутылку коньяка выдул – не надо видеть трезво человека "-д.И.". Надо видеть его пьяным, опьянев любовью к нему...". А вот уже любовь к ближнему не должна быть "субъективной" и поэтому "у посвященных нет своей любви "-д.И.", – Любовь Пречистой действует". Причем это совсем не означает, что "богородичники" призываются к бездействию. Нет, они становятся "проводниками и инструментами" воли Марии, хотя и не напрямую, а опосредованно. Ведь, как мы уже знаем, единственным, кому по мнению членов БЦ открыты тайны Промысла (даже двух: прямого и косвенного), является "пророк" Иоанн и через него – "отцам"-духовникам.

"Ничьих грехов не вижу. Господь открывает что нужно о каждом. На кого гневается – гневаюсь, на кого ищет излить Любовь – изливается" – такова этическая позиция "новых русских святых". Из этой цитаты следует, что "марианский" бог беспричинно (не за грехи, он их не видит!) гневается на людей и так же произвольно (через своих слуг – "богородичных" "отцов") изливает на них свой гнев. Это умозаключение не будет вызывать удивления, если мы вспомним, что, согласно сектантской доктрине, бог имеет два безликих начала доброе и злое, он благоденствует человечеству посредством прямого Промысла и мучает посредством косвенного. Во всем этом нет абсолютно никакой логики, кроме игровой: все эти милости и мучения – всего лишь составляющие грандиозной "любовной игры" бога с человечеством. Вполне очевидно, что и у поклонников такого божества понимание любви должно иметь амбивалентный характер. Что мы и наблюдаем. Иногда речь идет о двух видах любви – святой и греховной, граничащей с ненавистью: "Бойтесь слащавой любви "честно говоря, трудно себе представить что-либо более приторное, чем "марианское" сюсюкание -д.И.", идущей от лжи и блуда. Змий учит любви ложной. Посмотрите на мир, колеблющийся между ненавистью и любовью". Судя по всему "ложной любовью" называется любовь по отношению к врагам БЦ, "фарисеям". Заповедь Христа о любви к врагам не распространяется на них, т. к. фарисеи – не люди (они потомки змея): "Различайте в милосердии своем, ибо сострадание мертвеца мертвецу – прах перед Богом". И поэтому, хотя Береславский обращается к своей пастве с призывом: "Никого не обличай, не поноси, даже крайне худых по жизни своей", более того – "осуждение ближнего приравнивается "им" к ненависти и убийству, "... неосуждение не должно путать с обличением фарисейского духа, которое должно иметь место при каждом свидетельстве". Ненависть, обращенная на "фарисеев", является святой ненавистью, ведь "мариане" должны быть проводниками не только любви, но и гнева: "Исполни гневом Предводительницы воинств Саваофовых". "Царица Небесная преобразует плоть и дает в определенный час силу праведного гнева ангельского – способность буквально одним взглядом метать испепеляющие стрелы во врага". Не удивительно, что литература БЦ (особенно ранняя) столь обильно пропитана страшными проклятия в адрес "фарисеев", которыми являются все несогласные с Береславским, в первую очередь представители РПЦ и "нечестивые матери". Весьма характерно, что грань между "адамитами" и "фарисеями" весьма подвижна и в первую очередь зависит от сиюминутной конъюнктуры. Эта подвижность позволяет идеологам БЦ обращать гнев паствы в любом направлении.

А вот теперь, вслед за "обогревом" лицемерной любовью следует дезориентирующий психику "удар"! Оказывается, что ненависть принципиально не противоречит любви, а лишь является начальной ступенью в процессе ее стяжания. Береславский утверждает буквально следующее: чтобы возлюбить ближнего необходимо сперва его возненавидеть! "Не возненавидевший прежде ближнего своего не возлюбит его о Господе. Ибо ближний – от мира и через это – препятствие Богу "...". Потому говорю вам: возненавидьте все, что мир и в мире, в том числе и ближних ваших, чтобы возлюбить их обновленно". Вот она "марианская" мораль в действии! Для сравнения приведем здесь слова апостола Иоанна Богослова: "Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза" (1Ин.2:10-11). "Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит" (1Ин.4:20)? Причем, столь несовместимое с евангельской проповедью о любви, учение о необходимости возненавидеть ближнего является, по мнению Береславского, требованием именно для современных людей, т. к. "прежде было иначе. Приходили в мир души, которым Господь прощал отсутствие трезвенного ведения добрыми попечениями о ближнем. За искреннее сердце их миловал Господь. А теперь мерзость достигла такого предела, что ничего, кроме чаши с ядом, не несете ближним своим и отравляете их всеми грехами, содеянными вами от рождения вашего, и только для того пристаёте к ближним со своими добрыми делами и преданными взглядами, чтобы снять с себя излишек бремени, ощущаемого вами – часть непосильной ноши". Те же самые мотивы, согласно "марианской" доктрине, движут и нашими ближними: "И если избегаешь общения с ветхими ближними, то не из презрения к ним, но из чувства самозащиты, дабы не пробили стрелами своими как имеющие над вами тайную власть (в силу общности чаши – из-за спонтанных контактов в прошлом)". Каков же практический вывод из данного учения следует сделать последовательному "рыцарю Марии"? А вывод очень простой: максимум ожесточения и агрессии привлекут к тебе "потоки и океаны" "божественной любви". Следует отметить, что подобные, откровенно сатанинские, взгляды свойственны не только для раннего периода БЦ, характерного особой экзальтированностью и агрессивностью по отношению к окружающему миру, но и для более зрелого, когда многие прежние "враги" Береславского (даже РПЦ!) были частично "реабилитированы": "Чем больше скорбей у человека, тем в большей степени ему станут служить. Чем больше агрессивности, настороженности и неприятия проявит, тем больше любви изольется на него"! -д.И.". Исчезнут любые лекарства, кроме света горней любви"!!! При таком подходе полностью теряет свой смысл следующая реплика: "Признак ложного пути – отчуждение от людей".

3.2.3. Отношение к матери и женщине

Подобные метаморфозы происходят с "богородичной любовью" и на семейном фронте (именно фронте!). В этой главе мы не станем касаться антропологического и сексопатологического аспекта "марианского" учения о женщине (эти темы разбираются в главах "2. 3. 4. Проблема пола" и "1. 1. Биография и психологический портрет лидера БЦ В. Я. Береславского" соответственно). О семье и браке будет более подробно сказано в главе "Брак". Здесь же мы будем говорить о проблемах "мамо-, женоцентризма" и "энергетического окрадывания" мужчин женщинами, а также о "богородичных" методах борьбы с этим "злом".

Проблема семейной этики – это особая тема для Береславского. "Господь говорил ученикам, что их первые враги – домашние. Была, по сути, что и сейчас: Христос призывал учеников следовать за Ним, и восставал ветхий род, и ученики повергались в прострацию и ничего не могли сделать, поскольку были рабами тайных приказов". Род, по Береславскому, является для человека проводником проклятия, дьявольского гипноза, фатального рабства косвенному Промыслу, а значит, связь с родом предполагает пребывание в завете с дьяволом. Врагами №1 объявляются родители: "Земная мать – прообраз дьяволицы, земной отец прообраз сатаны". "По попранному, поврежденному порядку естества отец наш – сатана, и мать – дьяволица". Но преимущественно обличительный пафос "пророка" направлен против матери. Именно мать в книгах Береславского и "богородичных" "отцов" представлена как носительница дьявольского завета: "Нечестивая мать, связанная невидимыми нитями сатанинского завета, предуготовляет ребенку второе рождение. Как? Возвращением в свою утробу. Ее основная задача: приведя в мир – вернуть в чрево и связать астральной пуповиной. Внешне – независимость, в действительности – раб Мамы, ее слуга, паж, помошничек". "Мама впечатала себя в сердце там, где должно пребывать Лику Пречистой". Мать совершает "самообоживание" и создает собственную религию – "мамославие", основанную на "поклонении нечестивой" (то есть ей самой). "В религии Святой Мамы своя система ценностей, свои принципы добра и зла". А, поскольку Береславскому кажется, что матери стараются занять в сознании своих детей место Марии, он ставит своим последователям предельно жесткий ультиматум: или завет с матерью (родом) и через нее с дьяволом, или с "отцами" БЦ и через них с Небесным Отцом и Марией: "Завет с нечестивой матерью – погубит. Завет отцов, благословенный свыше, вернет в завет с Отцом Небесным. В любви к отцу – святое благородство. Рабство у матери – плебейство духа". Чтобы разорвать завет с дьяволом, необходимо перерезать "родовые нити" и "ветхие связи", разрубить "узлы", рассечь "сети оболыщения и сна". Для этого следует "сделать духовный вывод: всю сумму критического, негодующего восстающего сознания, обращенного на братьев и отцов, устремить на мать"! Кроме того, "умиленный агапический старец любви" дает и другие, более конкретные рекомендации: "Как победить воющую мать? Дать согласие перед Небом на ее болезнь и смерть: да заболит и умрет в час, назначенный свыше "...". Проявленная жалость – кормление родового упыря. "...". Как нанести ей поражение в следующем сражении? Прежде всего – сохранить невозмутимость, следуя тактике духовной войны по отцовскому благословию. Выйти из себя должна она, дабы истекла ворованная сила". Эта гнусная "тактика духовной войны" с собственной матерью предусматривает естественную реакцию несчастной женщины, услышавшей от своего чада, что она ему не мать, а "сатанородица": "Нет предела вероломству сатанородиц. Их обычный прием – услаждать "говоря по-русски, взывать к совести – этим методом пользуется как раз Господь, а дьявол старается заглушить голос совести -д.И.", пробивая на жалость: "Я тебе желаю добра, а ты..." Следует ясно осознать: идет война престолов. Видя обращение сына к Вышнему – призывает сатану". Ранняя литература БЦ изобилует подобными садистскими рекомендациями. По свидетельству некоторых источников, в секте существует (существовал) особый ритуал "отречения от матери", в него "может входить и задание ударить собственную мать по лицу или плюнуть на ее могилу, если она к тому времени уже мертва". Автор цитируемой книги высказывает в связи с этим на наш взгляд весьма ценную мысль: "Психологически это очень точно рассчитанный ход, потому что когда человек переступает внутренний порог и становится повязанным с сектой одним преступлением, то ему потом очень трудно оттуда уйти, он ощущает, что во внешний мир, законы которого он преступил, ему пути

уже нет". Мы преднамеренно выделили учение о матери из учения о женщине вообще, чтобы подчеркнуть антигуманный характер "марианства". Здесь же хочется привести слова В. Шубарта, он считал, что "зародыш любой морали – материнская любовь к своему ребенку", т. о. "марианство" – аморально уже в самой своей основе, хотя, казалось бы, воспекает материнский подвиг Пресвятой Богородицы и даже апеллирует к сыновним чувствам: "Не оставь Церковь в трудный час испытаний, как не покинул бы родную мать". Но, конечно же, Береславский попирает не просто норму человеческой морали, а заповедь Божию, которая была дана не только в Ветхом Завете через пророка Моисея: "Почитай отца твоего и мать твою" (Исх.20:12; Втор.5:16), но и через Христа – в Новом: "Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет" (Мф.15:4; Мк.7:10; Ср.: Мк.10:19; Лк.18:20). Причем фарисеев, уклоняющихся от исполнения этой заповеди, Спаситель назвал "лицемерами" (Мф.15:7). Вот еще одна иллюстрация того, что все обличения Береславского в адрес "фарисейства" ни что иное, как латентная самокритика. Правда, следует сделать оговорку. Береславский оставляет матери шанс сохранить уважение со стороны своего ребенка, но для этого ей необходимо "преобразиться": "Как преобразиться ветхой матери? Отречься от завета с сатаной. Посвятить сына Пречистой и заключить самой завет с Божией Матерью", короче говоря – стать последовательницей БЦ. Но, если этого все же не происходит, "если сын чтит просто ветхую мать, то в ее лице он поклоняется мирскому началу, которое она олицетворяет".

В настоящее время идеологи БЦ стали воздерживаться от столь резких заявлений по отношению к родителям и, в частности, к матерям. Уже совсем иные, "новые" установки встречаем мы в книге с характерным названием "Новое имя Господа": "Сложности в отношениях с родителями сокращают жизненный срок детей и пагубно в целом сказываются на них. Необходим полный мир, понимаемый как повиновение и послушание в духовном порядке". Правда, не совсем понятно, что имеется в виду под "духовным порядком", к тому же через две строчки говорится: "Родители часто предъявляют претензии и счета к детям, и дети в праве восстать на них, если родители не исполняют долг любви". В связи с этим хотелось бы упомянуть о любопытном обращении, напечатанном в "богородичной" газете за 1997 год. Это коротенькая (в два небольших абзаца) "молитва", озаглавленная "Простите нас, усопшие родители" (усопшие, вероятно, в результате многолетних издевательств со стороны обезумевших детей). Несмотря на покаянное название, как раз покаяния-то в этом обращении нет! Сектанты просят у своих родителей прощение не за нанесенные им оскорбления или даже м. б. полный разрыв отношений, а за то, что "не стерпели стрел, ударов и обид, "... не обратили "... соискательной молитвой, не потерпели". Иными словами: вы были ужасными и отвратительными родителями, а мы не сумели проявить к вам должного равнодушия. Хотя сектантам больше не благословляют открыто конфликтовать со своими домашними, однако, по свидетельству их родителей, со стороны детей-сектантов сохраняется холодная отчужденность и равнодушие по отношению к близким.

Все тот же Шубарт утверждает, что "унижение женщины, глумление над женским достоинством совпадает с нападками на христианство". Данная формулировка особенно актуальна для нашей темы, т. к. учение БЦ дает множество иллюстраций для ее (формулировки) подтверждения. Главное, что "марианами" инкриминируется не только матери, но каждой женщине, это – "энергетическое мародерство". Сила женщины "направлена на одно – на принижение мужчины, возвеличивание женского начала, ибо враг привил ей способность окрадывать,

обирать, мародерствовать энергетически "... достаточно усвоить психомагическую практику от сатаны и, нажав на слабые места, окрадывать мужчин: энергия дается бесплатно ..." Идут астральные войны. Энергия, данная мужчине для созидания, перекачивается в женские сердца, где принимает вид всецело разрушительный". В первую очередь нападкам подвергается семья: "Ветхая семья – храм сатанин с его поганым алтарем на чреве женщины-жрицы". Но "преступления" женщин-вамп выходят далеко за рамки семьи: "Феномен окрадывания бесстыжей распутницей женщиной "проявляется" от акушерки до медсестры дома престарелых. Воспитательницы, продавщицы, кассирши и уличные астральные Ведьмы окрадывают своих мужей, детей, учеников". Поэтому, разрывая "ветхие связи" прежде всего следует начать с женщин – матери, бабушки, жены и пр.: "Пока находишься в связи с женщиной, неизбежна зависимость от нее через зодиакальное напряжение"? -д.И."

После 1993 года отношение к женщине у "богородичников" несколько изменилось. Точнее будет сказать, что женоненавистничество БЦ перестало так широко афишироваться как раньше. Вот цитата из уже упомянутой книги "Новое имя Господа": "Первый долг мужа – любить жену, любить искренне, как самого себя и даже более. Немногие мужья способны так любить своих жен. Любить жену должно, как Божию Матерь "!!? -д.И.". Уже сам факт такой разительной перемены отношения Береславского к женщине (вплоть до обожения!) свидетельствует о его неискренности. Даже, когда в обращении "К российским женщинам" (сделанном совсем недавно – в 2000 году) "пророк" вроде бы заискивает перед своими исконными врагами: "Женщины России прекрасны, как жены-мироносицы. Я "Мария" вижу среди них Иоанну Хузу, Марию Лазареву и Марию Магдалину", он по сути не изменяет своей позиции. Дело в том, что эти похвалы адресованы не реальным женщинам, "астральным ведьмам" и "энергетическим вампирам", а женщинам будущего, до которых нынешним еще очень далеко. К нашим современницам обращены одни лишь призывы: "Я преподношу вам образ жен-подвижниц. Возрастайте в святости, ..." воспримите от Меня печати, ..." станьте прекрасны, ..." воспримите силу Божию, ..." усвойте добродетели, ..." будьте верны, ..." составьте армию..." и т. п. Но даже в "светлом" будущем женская святость станет не более, чем редким исключением: "В числе грядущих воинов Моих будут и женщины, и стяжают венцы дивные, и просветятся в целомудрии и духовной высоте. Но таких будет не много и составят скорее исключение".

По свидетельству тех, кто покинул секту, женщины до сих пор находятся в ней на правах людей второго сорта.

3.2.4. О любви

Еще раз вспомним о том, что "марианский" бог не видит и не замечает греха. Из этого следует, что грех не является препятствием на пути к Богу. Более того, искажая до неузнаваемости смысл Христовых слов (в Евангелии речь идет о "болезни", но никак не о "грехе"), Береславский утверждает, что бывает ""грех не к смерти, а ко славе Божией" (см. Ин.11:4)". Зато серьезную опасность для "марианской святости" представляют "устаревшие" нравственные нормы и даже совесть (ересиарх нередко называет ее "материнской родовой совестью" или "генитальной совестью"): "Выбросьте из головы сор языческих категорий морали, добра – это дух гордости, окрадывающий Божественное благо". "Уйдет старое сознание, обречена старая совесть с ее моральными устоями". "Параклитские вестники ..." восстанут против общечеловеческой морали, нравственности, устоев

– далеко, чуждо. "...". Иноки параклитские в естественном, природном состоянии как бы будут лишены ее "совести" вообще. "...". У них и душ-то человеческих не будет". Когда же человек утратит последние остатки совести и самой души, он абсолютно уподобится "марианскому" богу, не ведающему, что есть добро и что зло: "Дитя Мое, есть только одна смерть – смерть от любви, и даже те, кто умирают во грехе, умирают, сами того не зная, от любви ко Мне "Марии"". "И познает душа жизнь вечную и самое себя как полноту Любви, когда побеждается в ней ад силой божественного Света, и не различает уже между темным и светлым, добрым и злым, но все одинаково любит, всем утешается и во всем славит Господа "!!! -д.И.". И относится в Царство вечного Света, и восхищается к Престолу Славы...". Таким образом, если христианская любовь – это любовь к Истине и святости, предполагающая ненависть ко греху, то "марианская" любовь – это декларация благостного равнодушия к проблеме добра и зла, а на практике ненависть ко всему не-"богородичному"!

В заключении скажем, что БЦ – секта не только тоталитарная, но и деструктивная, т. к. подрывая основы морали и нравственности, она разрушает и человеческую личность. Ведь, если человек не умеет любить, он деградирует как личность. "Жизнь и любовь в личности тождественны: "...". вне общения любви личность теряет уникальность и становится тварью, подобной прочим, "вещью" без абсолютной индивидуальности и имени, без лица. Смерть для личности означает, что она прекращает любить и быть любимой, быть уникальной и неповторимой. Жизнь для личности означает сохранение уникальности ипостаси, что утверждается и поддерживается любовью". Вот почему для Береславского так важно заставить своих несчастных последователей перестать любить искренне, по-настоящему, от всего сердца, и вместо этого нацепить на них маску притворного радушия и приветливости, которая кощунственно именуется "Любовью Пречистой". Но, как мы уже знаем за этой улыбающейся маской "нет своей любви"! Эта лицемерная, подыгрывая Береславскому, скажем – фарисейская любовь не стоит и ломаного гроша, что очевидно даже для самого лжепророка: "Всего более ненавистно перед Богом лицедейство, ложь". Что же может быть более противным, чем притворная "любовь"?

Возможно, природа этических установок БЦ станет нам более понятной, когда мы рассмотрим аскетическую практику секты. Ведь этика очень тесно связана с нашей самооценкой и базируется на тех нравственных нормах, которые мы считаем обязательными в первую очередь по отношению к себе самим: "Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Мф.7:12), "возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Мк.12:31), – говорит Господь.

3.3. Аскетика

3.3.1. "Нелюбовь к себе"

Итак, отправной точкой для любви к ближнему, как уже говорилось, является любовь к себе, заметим, именно любовь, а не нарцисстическая самовлюбленность. Учитывая это, зададимся вопросом, о чем может свидетельствовать ненависть человека по отношению к ближним? Очевидно, о неправильном отношении к самому себе, о неверной самооценке. Наше предположение подтверждают следующие цитаты: "Пречистая просит нас засвидетельствовать нелюбовь к себе. Любовь к себе есть любовь к дьяволу, ибо мы – сыны дьявола по естеству". "Одно из сокровенных действий благодати Духа – внушение отвращения к себе"! -д.И."... О чудо – в момент такого самостеснения и ненависти к себе "!!! -д.И." душа

испытывает благодатнейший покой, сладчайшую тишину, неизреченное блаженство". При этом, по мнению Береславского, ненависть к себе не только не мешает человеку любить ближнего, но даже способствует этому: "Мужское начало во Христе – ненависть к себе; начало женское – милосердие к ближним. Оба они тесно переплетены". Однако, в предыдущей главе мы убедились в том, что это далеко не так.

За что же нужно ненавидеть себя? По Береславскому выходит, что за обитающий внутри нас грех, адскую субстанцию: "Плоть твоя, – обращается он к читателю, – соткана из темной материи". Ересиах даже берет на себя указать точные координаты этой субстанции в "тонком теле": "Зад в физическом теле – место хранения отбросов, в тонком – средоточие радиоактивного топлива". Но в первую очередь обличительный пафос Береславского направлен не на "место хранения", а на источник греха в человеке – "половой центр": "Сатана совершил чудовищное кощунство – операцию над духовным телом, окрав совесть: подключив ее вместо духовного неба (переживание вины перед Вышним), к сфере срамной, генитальной. Жупел – печать сатаны, несомая в нас субстанция геенны, отпечаток Велиара в генитальном сердце. "... В тонком теле устанавливается порочный канал связи между половым центром и сердцем". "Несешь в себе срамной образ змия, алтарь на гениталиях", "ядерный реактор", "Чернобыль, который полыхает у нас в чреслах", "черную дымную лампаду, воскуряющую грязные дымы" и т. п. Вполне очевидно, что учение о "жупеле" как источнике греховной энергии змия-искусителя, расположенном в "половом центре" человека является весьма прозрачным намеком на тантрическое учение о чакрах и энергии змеи кундалини.

Сексуальная сфера вызывает у Береславского лютую ненависть. Причем, вслед за Фрейдом, "пророк" явно переоценивает ее роль. А может быть это просто проявление страха? "Блуд основан на действии жупела в результате завета с дьяволом. Должно быть усвоено радиоактивное действие блуда: постепенный медленный распад, болезнь, смерть". "Никогда еще действие блудного беса не было таким всепоглащающим. Спут сей простер щупальца по всему внутреннему человеку, заполнил все сосуды его". "Всякий грех замешан на блуде". "Борьба с блудом есть то же, что и борьба с грехом".

Попробуем понять, что же питает ненависть Береславского в отношении репродуктивных органов? В святоотеческом наследии мы находим совсем иное отношение к человеческому телу. Так преподобный Симеон Новый Богослов, особо почитаемый "богородичниками", в 58-м гимне говорит прямо противоположное тому, что утверждает ересиах: "Члены Христовы суть и скрытые (члены), ибо они бывают покрываемы; и потому они важнее прочих (1Кор.12:22-24), как незримые для всех, сокровенные члены Сокровенного" и пр. У аскета достигшего бесстрастия т. н. "срамные" места не вызывают никакой брезгливости, и тем более не наделяются им какой-либо демонической природой. Пожалуй, не только великие святые, но и средне статистические "грешники" не стали бы разделять негодования "пророка". Единственным объяснением столь негативного отношения к половой сфере может служить патологический интерес к ней Береславского, на что указывает большинство исследователей. Сам лжепророк неоднократно намекает на свои проблемы: "Страхи, смешанные с отвратительными страстями (амбиция, гордыня, тщеславие, зависть), сделали меня мыслящим, вольнодумцем, писателем-эпикурейцем, содомитом, садомазохистом". Психологически это весьма правдоподобная картина, т. к. и по святоотеческому учению грех гордости влечет за собой постыдные страсти: "Таков

закон правды Божией, – свидетельствует преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, – что кто нераскаянно надымается гордостным превозношением сердца, тот предаётся на посрамление гнуснейшей плотской срамоте, чтоб, будучи уничижен таким образом "... сознав это, возревновал очистить себя от той и другой страсти". Господь по своему милосердию попускает это для смирения гордеца (Ср.: Рим.1:21; 2:4), желает привести его к подлинному покаянию, поставив перед фактом собственной немощи. Но ради успокоения своей совести человек готов избрать и более удобную тактику. Вместо покаяния и борьбы со своей страстью, он может или оправдывать ее, или, не расставаясь с ней, лицемерно ее обличать, создавая видимость борьбы. Вероятно, Береславский избрал именно этот путь.

3.3.2. Покаяние

Человек, находящийся в порабощении у страстей не может знать, как от них избавиться. Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет следующее: "Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, дозволяющий себе вкушение его". Поэтому аскетические рекомендации лжепророка нельзя принимать за чистую монету, ведь "если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" (Мф.15:14). Естественно, все, что этот "старец" советует своим последователям, в корне противоречит православной традиции. С чего же начинается покаяние "по системе Береславского"? С медитативного созерцания собственной греховности: "О чем просит Господь? – О видении грехов, о памятовании явных прегрешений, об удержании их перед оком внутренним". "Тоскую по затвору, – жалуется Береславский, – По тишине молитвы и сосредоточению мысли – на грехах". Однако, непрестанно думать только о своих грехах не так то просто: "Чтобы держать ум сосредоточенным на Голгофской точке (ведении грехов), находясь в гуще мира, – нужно укрепление Божие". Зато, без этого невозможно очутиться в Царствии Божиим: "Не обещал ли вам Царство Божье Господь, но не прежде, чем погрузите ум свой во ад и предадитесь непрерывному видению греха, отчего приступят бесы и будут жечь и резать вас, подобно тому, что делают они со своими жертвами в пекле". Вспомним, о чем шла речь в связи с "марианской" эсхатологией. Согласно вероучению БЦ, любой человек, не зависимо от уровня его нравственности (или безнравственности) должен в своей жизни (или после смерти) пережить опыт ада, полноту греха, иначе он не сможет покаяться по настоящему и достичь Царства Божия: "Нам Царица дала пережить всю полноту греха, чтобы в свой час отвергли, отреклись и отрясли, и возжаждали новыми легкими, дышащими благодатью Града Небесного, полноты благодати". Но еще раз повторим, что речь идет не о православном понимании покаяния, а о принципиально ином явлении. Покаяние понимается "богородичниками" как постоянная фокусировка внимания на собственной греховности, никчемности, ничтожности, как культивирование в себе ощущения "жгучей вины перед Вышним". Последовательный "рыцарь Марии" должен внушать себе одну единственную мысль: "Я должен сломать себя "... Мысль, что я конченный урод "! - д.И.", должна стать столь же естественной, как то, что я человек". "Я, Господи, ничто перед Тобой, и таких, как я, у Тебя миллионы миллионов". "Я – жалкий трус, подлец, "какашка" воплощенная". Только такое душевное устройство, по мнению идеологов БЦ, является условием подлинного богопознания. Это положение может быть высказано в виде риторического вопроса: "Не заключена ли в унижении самая потрясающая правда"? Или в форме прямого утверждения: "Бог будет открываться по мере осознания и переживания вины перед Ним". Вполне очевидно, что подобный аутотренинг может привести только к обостренному ощущению вины, неполноценности и, в конечном счете, к нарушению психического равновесия. Именно эту цель и преследует

Береславский: "Даю вам образ покаяния: это – шок "!!! -д.И.", "шок пробуждения". "Вот о каком покаянии говорю Я "Мария" вам. Воистину Страх Божий парализует всякое движение и заключит на месте "... "мысль о "своем" недостоинстве настолько сотрясет, что навсегда заключит подвижника в скит и келью". "Возлюбленных Своих Я называю потрясенными". Для сравнения приведем здесь православное определение покаяния. Вот, что о покаянии говорит преподобный Иоанн Лествичник: "Покаяние есть дщерь надежды и отвержение отчаяния. Кающийся есть непосрамленный осужденник. Покаяние есть примирение с Господом через совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести".

Очевидно, что "пророк" просто-напросто загоняет своих несчастных последователей в угол, оставляя их наедине не только с внутренним грехом, но и с внешним: "Нам невдомек, сколько астральных хищников кружат вокруг невинных жертв. Хищная черная пантера крадется за жертвой на мягких лапах". "Змеи и упыри, паразиты и присоски астрального мира вправе вселяться в нас, образовывать свои поселения, промышлять, охотиться, добывать себе пищу". "Миллионы вурдалаков атакуют наши души, ища вселиться в них любым путем, "... "сосуд души твоей кишмя кишит упырями, паразитами и пиявками. "... Тысячи астральных подселенцев копаются в твоих легких. "... Огромная черная тень метнулась над тобою и протянулась хищная рука "... "зеленый глаз вперился в твое лицо". Демонические силы получают доступ к душе человека через "пробоину в тонком теле". "Если не залеплена главная дыра в тонком теле, через нее проходят сонмы лукавых и беспрепятственно сеют смуту, сооружают свои города и страны, плодятся, шабашничают и надмеваются". Как правило, человек оказывается "продырявленным" в результате "лобовой психической атаки, энергетического шока" со стороны своей "нечестивой матери", но возможны и другие варианты, например, написать книгу или просто сфотографироваться: "Африканцы запрещали европейским пришельцам снимать их на пленку, боясь, что колонизаторы получают таким образом власть над их тонким телом. Написал книгу, дал себя снять на пленку, памятник себе поставил – сделал себя открытым для инвольтаций темных сил. Вот почему благодатно бесследно исчезнуть из мира". Хотя весь этот оккультно-магический бред напоминает дешевый роман ужасов, можно себе представить каково приходится человеку, который в него искренне поверил. У такого человека может развиться мания преследования.

Этот эффективный прием Береславский позаимствовал из опыта столь ненавистной ему "еврокультуры". Населяя весь окружающий мир, и в первую очередь "тонкие тела" (души) людей, несметными полчищами "упырей", "вампиров", "астральных ведьм", "мутантов" и "подселенцев", лжепророк одновременно указывает на спасительную соломинку. В сложившейся плачевной ситуации, учит он, человечеству остается лишь одно: молиться Деве Марии о помиловании (т. к. сейчас именно ее "метаипостась" находится в фаворе) и "каяться до изнеможения". "Россия погрязла в радиации от миллионов атомных миниреакторов в чреслах. Как погасить начало похоти? Присягнуть Пречистой". "Мните себя потерянными, как бы оставленными Мною "Марией", и ищите Меня с иступлением "!!! -д.И." брошенного ребенка, призывающего мать свою в отчаянии " -д.И.". "Пойди к Той, Которая возьмет тебя за руку и поведет. Не бойся, Она не причинит тебе зла, Она единственная никогда не причинит тебе боли. А если и прижжет рану, то ощутишь блаженство несказанное". Однако богиня не закрывает дыру в тонком теле, она наоборот "прободает" человека (его сердце) своим копьём: "Пречистая Дева не видит другой возможности призвать мир к покаянию, как только прободить сердца миллионам".

Теперь вернемся к "марианской" аскетике. Как и в православной традиции в большинстве религиозных аскетических практик присутствует два основных элемента: молитва и пост. Эти же элементы можно выделить и в "марианской" аскетике: "Пост и молитва – момент ожидания и жажды". Мы начнем с описания молитвенной практики секты.

3.3.3. Образ молитвы

Как всегда в литературе БЦ мы можем встретить апелляцию к духовным традициям Православия. Это и важное значение, предаваемое чтению Псалтири (наиболее ревностно чтением Псалтири занимаются в "богородичных" обителях), и любовь к земным поклонам (правда в каких-то немислимых количествах – 500, 1000, 5000), и рекомендации заниматься Иисусовой молитвой (особенное поощрение вызывает ночная молитва: "Всеми силами чай молиться ночью", "Ночная молитва сегодня исключительно важна") и многое другое. Порой, совсем неожиданно можно встретить критику в адрес католической традиции: "Обе католические крайности, рационализм (Фома Аквинат) и экстатичность ("стигматики") чужды православной душе". "Психологическая эмоциональность в храме совершенно воспрещена", – продолжает в другом месте развивать свою мысль Береславский. У настоящего "рыцаря Марии" должен быть "ровный и строгий душевный строй, не зависящий не от внешних условий, ни от внутреннего состояния". Но, как это было уже не раз, мы оказались перед ширмой из цитат совсем не типичных для "марианского" образа мысли. Молитвенная техника БЦ предполагает экзальтацию, кликушество, эмоциональную разгоряченность. Вот, что больше похоже на правду: "Будем постоянно пребывать в состоянии восхищения", – восклицает Береславский, – "переживать горячую Кровь, любящего Агнца, растворяющуюся в твоей... Неслыханная высота". "Нисходящий Дух Святой производит чудо в самой плоти вашей, озаряется сердце, возгревается кровь огнем". "Заповедую вам переходить на язык состояний: не мысли, переживания и эмоции, но состояния – восторженное умиление, озарение превечным Светом святотроичным, молитвенный покой". "Цель Бога – сочетание, мир, восторг, восхищение, блаженство, радость и совершенная любовь". Для достижения во время молитвы этого разгоряченного "восхищения" (как бы от "горячительного молодого вина") или наоборот – заторможенного "покоя" сектанты прибегают к известным еще со времен шаманизма психотехникам, способствующим вхождению в транс. Об этом уже упоминалось в главе "3. 1. 2. Евхаристия".

Удивление по поводу "марианской" критики католицизма с его "рационализмом" и "стигматиками" далеко не случайно. Действительно, католический образ святости абсолютно "чужд православной душе", это так, но причем же здесь БЦ? Не причем. Критикуя католический рационализм, впрочем, как и превратно понимаемую им православно-аскетическую практику "умозрительной" молитвы, Береславский расхваливает "духовные упражнения" Игнатия Лойолы и сетует на непонимание православными их пользы. Суть этих упражнений сводится к тому, что человек должен с помощью своего воображения, наводненного страстными образами, представлять себе в мельчайших подробностях некие священные предметы, например, райские обители и превечный Совет Пресвятой Троицы или наоборот, адские мучения и грешников, выкрикивающих хулу на Бога. Православными аскетами подобные "упражнения" единогласно осуждались как "плотское мудрование" (2Кор.1:12), приводящее к надмению и прелести. Однако, Береславского искренне удивляет, почему "его" "Лойолы" аскетические упражнения, имевшие целью сломить гордыню "?!". и смирить темперамент,

называются психопатологическими, состояния духовного восхищения – болезненным"? И поэтому нет ничего удивительного в том, что наряду с Псалтирью и поклонами в качестве молитвенного правила у последователей БЦ широко распространено чтение католического "Розария" (усердное исполнение этого правила было предписано существом, явившимся в Фатиме). Принцип Розария заключается в сочетании молитвы по четкам с воображением эпизодов из евангельской истории. Вот какие рекомендации в связи с этим дает "пророк": "Следует развивать духовное, сердечное видение Христа и Богородицы. ..." Перед мысленным взором благословенно иметь образ Божией Матери и читать "Голгофа распятого – смерть упырям"".

Осуждая неких безымянных "стигматиков", Береславский то и дело восхищается первым и самым известным в истории католицизма обладателем стигматов – Франциском Ассизским. При этом следует отметить, что сам феномен стигматизации тесно связан с "кровяным разжжением", столь характерным, по словам А.Ф. Лосева, для мистического сектантства. В связи с выше сказанным не лишним будет упомянуть и о том, что некоторые исследователи сравнивают "мариан" с "хлыстами".

Но довольно сравнивать "богородичников" с православными и католиками. Вспомним, наконец, что целью БЦ является создание религии Храма Мира, предполагающей совместную молитву представителей самых разных религий. "Плодотворное духовное общение возможно. И однажды оно материализуется в виде Храма мира – и там будут притворы и индуистской, и буддийской, и многих других духовностей"?! -д.И.". Для того, чтобы сделать это возможным идеологам БЦ приходится проделывать ту же логическую процедуру, что и в случае с верованием. А именно – признать все существующие мистические традиции и практики истинными и, т. о., равноценными: "Одухотворение церковью выразится в том, что мистическая традиция (то есть подвижники, достигшие совершенства в каждой из церквей) окажется исключительно близкой всем. Например, вникая в традицию суфизма или дзенбуддизма, мы найдем почти дословное подтверждение тому, о чем учили Феофан Затворник, или Игнатий Брянчанинов (совсем еще недавно), или Исаак Сирий, или Нил Сорский...". До какого же уровня духовной слепоты нужно опуститься, что бы сделать подобное утверждение! Человеку способному на это должно быть уже все равно, кому и как молиться. Не удивительно, что с уст Береславского срывается фраза: "Благословенна медитация на стрелку часов"!!! -д.И.". Возможно, причина такой беспринципности кроется еще и в том, что по мнению "пророка" "марианскому" подвижнику вообще не нужно молиться, т. к. в его сердце вместо него молятся ангелы .

3.3.4. Подвиг

По мысли Береславского, грех имеет двойное действие: с одной стороны он "наносит огнестрельную"?! -д.И." рану в Сердце Спасителя", "распинает" Его, с другой – "грех продырявливает "собственное" сердце" человека, "разжижает душевный состав". А потому и борьба с грехом, живущем в человеке носит двойственный характер: объективный (соискупительный) и субъективный (очистительный). Но и в том и в другом случае необходимо страдание, скорби.

Во-первых, "наши страдания нужны, чтоб облегчить страдания Господа". "Прозрейте – и увидите Распятие Его, и предстанете перед Ним, и восскорбите о Господе, не о себе. За Христа страдайте"!!! -д.И." и во Христе. Понимайте это буквально – пропитавшись Его голгофской мукой". А, поскольку у Христа и

Марии общее Сердце, к тому же Мария "сораспята" Христу, то человеческие страдания нужны и ей: "Дитя Мое, освой новую для тебя науку – страдать в Моем Непорочном Сердце". Под страданием подразумевается самоуничижение и суровый пост: "Не становимся ли мы со-распятыми Ему "Христу" единственно в непрестанном самоуничижении, самостеснении, посте всецелом и тотальном"?

Во-вторых, как уже было сказано, скорби необходимы для того, чтобы изгнать греховную субстанцию, которой пронизан весь организм человека и в первую очередь кровь. Под воздействием демонов кровь оскверняется, становится черной. Вот как это происходит: "Когда в человека вселяется множество злых духов, они принимают телесную форму (конечно, по попущению Божию) и, находясь в организме, откладывают там свои вещества. От этого образуются шлаки". В свою очередь "кровь неочищенная привлекает демонов, и бесы плавают по кровеносным рекам на своих ладьях и учиняют безобразия и шабаш". Таким образом, круг замыкается. Единственным спасением от бесовских "шлаков", как уже можно догадаться, являются скорби: "Скорби – сокровище неоценимое и средство к преображению внутреннего человека". "Грех искупается потом лица, как заповедал Господь: грех искупается слезами "...". "Пот лица" очень полезен. Пот не спортивный – труднический, физический. Еще же полезнее пот духовный – покаяние: при искреннем горячем покаянии незримо выделяется пот из душевных пор. "...". Поэтому святые отцы учат, что смирение заменяет труд: ведь при покаянии выходит тот же пот из пор, что и при тяжелом труде, но пот незримый, а с ним вся нечистота греховная". "Очистите души покаянием и тела воздержанием".

В связи с выше сказанным, весьма любопытной является практика ритуальных омовений. Так, например, насельники "богородичных" обителей в течение всего года начинают свой день с обливания холодной водой. "Воздухи земли осквернены, – предупреждает Береславский, – оmyвайтесь трижды в день. Сколько грязи налипает на ваши духовные тела! Не проходит и часа в мегаполисе, как духовный лик подвижника становится как измазанный сажей. Кто трижды в день будет оmyваться, тому дастся радость духа". Подобные рекомендации лишней раз свидетельствуют о пантеистическом мировоззрении идеологов секты, ведь вера в очищение души посредством очищения тела (смыывания пота и шлаков) возможна лишь в том случае, когда граница между телом и душой, между внешним и внутренним размывается. Кроме того, эта практика роднит БЦ с иудаизмом (Ср.: Мк.7:4-8; Евр.9:10) и иудохристианскими сектами.

"Марианская" аскетика предусматривает ряд суровых ограничений: в еде, сне, брачных отношениях и пр. "Ищи исторгнуть из себя начало тепленького через круглогодичное омовение в водных источниках, ночное бдение, жесткую лежанку, стеснение плоти (пост)". "Физическая стимуляция духовной энергии: поклоны, омовения ежедневные на святых источниках холодной водой, физический труд (ношение тяжестей на спине)". Вот, что в частности говорится о еде: "Ешь пищу самую простую": "хлеб, вода, подсолнечное масло и сухофрукты". Береславский прибегает к "запрещенному" приему – ставит в пример для неофитов опытных подвижников-пустынников: "Постились ли в пустыне Святые Отцы и подвизались ли в молчании – и вы держите пост хотя бы до смерти "!! -д.И.". Питание регламентируется очень жестко: "Двухдневный пост (среда и пятница на хлебе и воде) на новых землях. В мегаполисах необходимо воздерживаться от молока и мяса, от тучной ядовитой пищи". По слову преподобного Иоанна Лествичника, предписывать новоначальным столь строгие ограничения в еде является

безумием. Это все равно, что "сказать малому отроку, чтобы он одним шагом взошел на самый верх лестницы".

А вот рекомендации относительно сна: "Спи в одежде. ..." Когда снимаешь на ночь одежду – сам себя хоронишь, не ночное платье одеваешь, а погребальное! Не дай смерти жалить тебя через сон!". "Найди для себя наиболее приемлемый способ ограничить сон: поклонами (они внушают бодрость), рукоделием (способ, которым со сном боролись отцы-монахи), неудобной лежанкой, жесткой подушкой; наконец, заводи будильник, чтобы просыпаться через каждые полчаса". "Сколько спать? Не более 4 часов"! -д.И.". Сон не глубокий, с перерывами на молитву. Час вздремнул (в одежде), встал на молитву, – и опять немного сомкнуть глаза – в неудобной позе, чтобы не было глубокого сна. Перед сном истово знаменуйся и прикажи душе, чтобы не смотрела снов". "Я запрещаю видеть сны". Единственным "законным" сном признается видение Страшного Суда! Своего рода пожелание спокойной ночи по-"мариански" звучит следующим образом: "Закрой глаза и спи. И да приснится тебе Божий Суд над миром".

Береславский постоянно обличает цивилизацию, которую именуется "еврокультурой". В качестве "сатанинских благ" цивилизации резко осуждаются: кино, фото, магнитофон, машины, роботы, электричество, газ, химия и пр. Береславскому ненавистны даже элементарные бытовые удобства. Так, например, "стеленная постель – предрассудок цивилизации". Но самое главное, что им осуждается оседлый образ жизни как таковой. "Пророк" периодически рассуждает о достоинствах "странничества" и даже, от имени богини, приказывает своим последователям "бомжевать": "Се Аз Мария повелеваю: покидайте дома свои, странствуйте и переселяйтесь"! -д.И.". Как это часто бывает в тоталитарных сектах, в БЦ новичков отрывают от социальной среды ("ветхой" семьи, родственников, друзей) и помещают в коммуны. "Поставь желающим принять Слово условие: пусть в течение полугода не читают не одной книги, творят по пятьсот поклонов ежедневно, ограничившись внимательным и проникновенным изучением Евангелий и пением Псалтири". Обратим внимание, что речь идет именно о неопитах, "желающих принять Слово". Согласно глубокому убеждению "пророка", для преуспевания в аскезе необходима полная изоляция новичка от мира. Для этого он должен, "исследовав обстоятельства, тайно способствующие проявлению страсти: места, ближних, провоцирующих на нее, беспощадно отсечь побудительные причины". "Благословляю принявших живое Слово на затвор полнейший. Вдали от мира, не иначе, приблизитесь к Богу, и откроется рай внутренний через познание греха и сопричастный траур по Иисусу Искупителю".

Две тысячи лет назад Святой Дух открыл апостолу Павлу одну из характерных черт лжерелигий последних времен: "Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам оболстителям и учениям бесовски, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил" (1Тим.4:1-3). Сегодня эти пророчества с поразительной точностью сбываются на целом ряде сект и в частности на БЦ: "Следуйте чистоте во всем, – призывает Береславский, кстати, от имени Святого Духа, – Не вступайте в брак и не ядите скоромного". Если присовокупить к сказанному многочисленные цитаты относительно вреда от брачной жизни (напр., "Ветхая семья – храм сатанин с его поганым алтарем на чреве женщины-жрицы", – см. гл. "3. 1. 6. Брак"), то может сложиться впечатление, что единственным спасительным путем остается монашество: "Христианство возможно только монашеское".

Итак, основная идея "марианской" аскетики сводится к одному единственному принципу: "ищите скорбей". Подытожим этот раздел одной характерной цитатой: "Я "Береславский" не призываю Вас все забросить. Повторяю: внешнее – лишь следствие. Но опомнитесь, обезумейте от ужаса "-д.И.", устыдитесь себя".

3.3.5. От "грехоцентризма" к "светоцентризму"

Как уже можно догадаться, этот крайний ригоризм характерен в основном для раннего периода секты. В настоящее время он заклеен как "грехоцентризм", чуждый истинному подвижничеству. Отныне "грехоцентризму" противопоставляется "светоцентризм". Данная оппозиция объясняется параллельным существованием двух аскетических традиций: "Святоотеческий мистицизм, – заявляет Береславский, – пронизан борьбой двух крайне несовместимых направлений: навязчивого грехоцентризма фарисейства, обычно облекаемого в институциональные формы, и светоцентрического мировоззрения монахов-исихастов". Однако, если верить самим монахам-исихастам, следует говорить не о "двух крайне несовместимых направлениях", а о двух этапах на пути благодатного возрастания, причем этап покаянного плача о грехах должен непременно предшествовать этапу чистого созерцания. Так, например, преподобный Пимен Великий говорит, что плач это "путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте: потому что другого пути (ко спасению), кроме плача, нет". Преподобный Исаак Сирий вторит преподобному Пимену: "Слезы положены уму, как бы неким пределом между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотой. Пока не примет человек сего дарования, совершается дело его еще находится во внешнем только человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности тайн духовного человека", а "не соделавшийся таким "смирением через плач", – предупреждает преподобный Симеон Новый Богослов, – не может соединиться с Святым Духом; не соединившийся Ему, не может придти в видение и разум Божий". Но для ересиарха это не имеет никакого значения. Он продолжает развивать свое учение о "грехоцентризме" и "светоцентризме". По его мнению "грехоцентризм" опасен тем, что приводит к ложному представлению о Боге и пути единения с Ним – покаянии: "Страх смерти имей, целыми днями, – передразнивает своего мнимого оппонента лжепророк, – думай о смерти и бойся смерти. Можно ли на этом настроении стать святым? ..." Целыми днями думай, что Бог – убийца, деспот, что Бог тебя приговорит к смерти, что ты умрешь страшной смертью, и будет Страшный Суд, и поэтому казни себя: мучай себя, всех ненавидь – одна сплошная злоба и ненависть к Богу". Это по поводу отношения к Богу, а вот о покаянии: "Прелестное покаяние, при котором Царство Божие закрывается, и грешника фиксируют на его собственных ошибках, постоянно углубляя его раны, превращает его в ГУЛАГовского агнца... Как следствие фиксации на грехах, приходит и ложная брань, поскольку демоны, которые одержат подвижника, не что иное, как духи, инспирирующие те самые грехи, которые умножает в себе подвижник, медитируя на них". "Это фарисейское отношение к человеку, ..." заставляет человека говорить: я сор, мусор, пыль, должен поститься, умерщвлять себя..." (здесь для сравнения будет уместно вспомнить цитаты, приведенные ранее в настоящей главе "3. 3. 2. Покаяние"). В первую очередь обличительный пафос "пророка" направлен на православное монашество как на авангард христианского подвижничества: "Угрюмое монашество, учащее о том, что человек поврежден и надо умерщвлять себя, распинать, поститься, оскопляться "очередное словечко из фрейдовского лексикона -д.И.", страдать мучиться, унижаться...". Если порой в новых опусах "пророка" и заходит речь о покаянном плаче, то эта добродетель принимает карикатурные очертания: "Св. Серафим Соловецкий: "Достояние наше

– слезы умиленные", – и протягивает стакан "?! -д.И." со своими слезами". В противовес недавним призывам к покаянию как чувству "жгучей вины" перед Богом, Береславский неожиданно заявляет: "Не ищите вины в себе, чтобы не впасть в псевдопокаяние как услаждение грехом".

Идеологи секты осуждают "угрюмый" (т. е. православный) подход не только к покаянию, но и к аскетизму вообще (в первую очередь, к посту). "Господь не благословлял никаких монахов, постников, аскетов. Он явил царство Духа и говорил о противоположном. Пост есть негативное, а трапеза брачная – питание Духом Святым", поэтому "Своим ученикам Господь запрещает молитвы, воспрещает и пост, называя их сынами Брачного чертога "а как же сорокадневный пост Спасителя в пустыне, как же слова о том, что победа в брани с силами тьмы возможна только молитвой и постом (Мф.17:21)? -д.И."" "Кто фиксирован на аскетизме, посте молитве, воздержании, тот в оболщении и в безумии". Однако Береславский не призывает вообще отказаться от поста и аскезы, он лишь считает, что необходимо изменить свое отношение к посту. Для "пророка" пост перестает быть средством духовного совершенствования человека и становится актом солидарности с голодающим населением планеты или способом участия в искупительных страданиях Иисуса и Марии: "Мы постимся не потому, чтобы самоуничжаться, это отвратительно, но чтобы было что есть другим, чтобы другие питались. Мы страдаем не ради своего собственного искупления, но чтобы облегчить страдания грешников. Страдания заменяются искупительным постом. Совсем другой порядок".

Но как же тогда, по мнению Береславского, следует бороться со страстями, если не "молитвой и постом"? Оказывается, что со страстями вообще никак не надо бороться: "В уходящем православии принята модель распятия в миру в виде распятия страстей. Мелкотравчатая "?" идеология! Распятие страстей – врата космические". Более того, страстность даже поощряется и становится целью "марианской" аскезы (если это слово здесь уместно), правда, страстность не совсем обычная, а мистическая: "Страсть остается, но страсть страстная: как безумие любви ко Господу! Жениху не нужна холодная бесстрастная невеста – напротив, горячая, пламенная, ревностная, страстная возлюбленная". Вот он идеал "богородичного" святого – страстная, разгоряченная, обезумевшая от "любви" женщина, эдакая вакханка! Такому образу "святости" соответствует и особый образ "аскезы" – т. н. "пост невесты": "Святые знали иной, не фарисейский, небывалый для непосвященных сладчайший пост невесты. "... Христианский пост сводится к одному – единственному: "Жажду!.." – при открытом сердце". "Питание вышнюю любовью совершается на непрестанном вздохе, озарении, томлении невесты". "Мистический смысл поста: томление любви". Вновь и вновь мы встречаем рекомендации к достижению мистической распаленности, страстной горячности. Это "непрестанный вздох" без выдоха, "жажда" без насыщения, бесконечное эротическое "томление"! В данном случае душевная (по святителю Игнатию, "кровяная") разгоряченность адептов БЦ выполняет функцию своего рода печи, в которую "пророк" постоянно подбрасывает все новые и новые порции своих графоманских писаний. Береславскому просто необходимо поддерживать этот "мистический" огонь в сердцах своих слушателей для того, чтобы его бред был воспринят. "Пророк" прекрасно понимает, что трезвомыслящий человек не оставит без внимания неразрешимых противоречий, курьезных неологизмов и прочих глупостей, столь характерных для его "откровений". Вот почему лжепророку нужны не слушатели, не ученики, а "страстные возлюбленные"!

Что же происходит, когда аскетику лишают ее первоочередной задачи – победы над страстями? Наступает полная потеря духовного ориентира, начинаются духовные метания, поиски чего-то "нового", доселе неведомого: "Необходимы новые мистические школы, – рассуждает Береславский, – смело отступающие"! - д.И." от того, что работало в прошлом". Следует "созидать не на чужом основании, а на собственном, и не готовыми штампами пользоваться, а идти наощупь, по наитию свыше... И идти против очевидной веры, путеводительства слепых, учить о том, чего прежде никто не знал". Но как раз "идти на ощупь" – удел слепых!

Характерной чертой "новых мистических школ", предрекаемых лжепророком, должно стать моментальное достижение желаемого эффекта: "Не учили ли вас фарисеи постепенности пути – не брать на себя больше, чем сможете понести? Я же скажу: в чем тогда Вера ваша, если берете посильное естеству? Дерзайте по убеждению и правоте дела "... и Господь, увидя вашу ревность и стремление к Нему, простит рукописание грехов ваших. Подходите друг к другу по самым высшим меркам. Если читаете Евангелие или назидательную книгу Святого Отца, то ставьте себя мысленно в ту ситуацию и исполняйтесь Духом". Таким образом, сверхбыстрый результат неизбежно требует "сверхусилия". Отныне, обещает своим последователям "пророк", "ревностью и горячностью в вере можно в кратчайший срок приблизиться к недоступному Божеству".

В свою очередь православная аскетическая традиция особо подчеркивает необходимость последовательности в стяжании добродетелей: "Каждая добродетель, – говорит преподобный Исаак Сириянин, – есть мать следующей добродетели. Потому, если оставишь мать, рождающую добродетели, и пойдешь искать дочерей прежде, нежели отыщешь мать их, то оныя добродетели оказываются для души ехиднами". "Те, которые покушаются отступать от такого порядка восхождения, – предостерегает преподобный Симеон Новый Богослов, – трудятся напрасно. "... "Ибо" как невозможно взойти в верхняя жилья без лестницы, или войти в царский внутренний покой, "... не прошедши прежде передней, так не возможно войти в царствие небесное тому, кто не идет путем добродетелей по порядку нами указанному. Такие шествуют вне царского пути, – и находятся в прелести, сами того не замечая".

3.3.6. "Заочное" спасение

Несмотря на заявления типа "надлежит много работать над собой, дабы достигнуть добродетелей" и т. п., "марианское учение о Непорочном начале совершенно отрицает какие-либо личные усилия, говоря, что они бесполезны без рождения свыше. Способ победить первородный грех – посвящение Пречистой Деве, ключ Марии". "Посвященные Тебе "Марии" обладают несравненным преимуществом, именуемым непреодолимой благодатью: хотели бы согрешить, но не смогут"! - д.И.". И удерживаются от страстей и похотей не аскетическим только правилами, не самоумерщвлением, не покаянными молитвами, но силой Твоей любви, новым началом, омывающим нас изнутри". Поэтому "от подвижников конца времен "имеются в виду члены БЦ -д.И." не потребуется особой аскетической ревности". Пожалуй, единственной "формальностью" станет ежедневное повторение обетов верности Деве Марии. Действительно, чего можно требовать от человека в условиях абсолютного предопределения, когда единственно возможный выбор (и то, вероятно, не добровольный!) совершается между двумя видами рабства: непреодолимому греху и непреодолимой благодати? В таком случае человеку остается одно – "позволить себя слепить": "Я "Мария" пришла слепить вас как совершенных сынов Божиих". "Теперь вы не

живые и не мертвые, а Мои, и более нет у вас ничего своего, отнята судьба и вручена Игуменье Небесной". Причем, судя по всему, богиня уже активно приступила к своим новым обязанностям: "Я меняю судьбы и уделы", – заявляет она. По своему произволению лжемария делает из грешников праведников: "Слово Мое пробуждает усопших "... тленное становится вечным и благоуханным, металл превращается в золото "ну чем не алхимия! -д.И.", грешник в праведника, палач – в агнца кроткого". Согласно уверениям Береславского, святость членам БЦ обеспечена уже одним фактом принадлежности к секте: "Мы безгрешны постольку, поскольку мы – чада Церкви "! -д.И.". В связи с этим отрицается ценность каких-либо "личных усилий" человека для спасения, если он не посвящен Непорочному Началу (т. е., если он не член БЦ). Однако даже такое строгое правило может иметь исключения. Оказывается, что входить в секту, вроде как, и не обязательно, т. к. "система Береславского" предусматривает возможность "заочного" спасение: "Многих спасаю Я "Мария" невидимо и тайно, так что не знают ничего и не подозревают "! -д.И.". Как нам уже известно, согласно глубокому убеждению Береславского, спасутся все, включая дьявола.

Здесь же скажем и о тех методах, которые предполагает использовать богиня для достижения своей цели. Во-первых, подобно тому, как римский пантифик манипулирует "сверхдолжными заслугами" святых, лжебогородица способна распорядиться человеческими грехами: "Передаю вам часть грехов от одного к другому "... Видя неспособность избавиться от греха собственными силами, изымаю его из чаши и передаю ближнему". Во-вторых, дело все же не обходится без святых с их "сверхдолжными заслугами": "Святые прививаются к нашим душам, живут внутри нас и домостроительствуют тайно, невидимо". Но, пожалуй, больше всех в деле нашего спасения участвуют ангелы: "Предавшись Ей "Марии", мы сподобляемся ангельской работы над своими душами. Херувимы и чины бессмертные невидимо приступают к верному и совершают постепенную, таинственную работу по очищению ума, сердца, тела и души". "Ангел-хранитель постепенно формирует духовную сферу, заимствуя частицы известных сфер для своего подопечного". А вот совершенно удивительный текст: "Видя немощь вашу и слепоту, посылает Господь вестников Своих к издыхающей под тяжестью греховного бремени душе, и много тайн невидимо творят святые Божии над вами: осеняется сосуд греха, и черная жидкость на краткое время превращается в святую воду "!! -д.И." "... В момент очищения греховной чаши предивное небесное умиление охватывает сердце подвижника, "... но краток этот миг – как знамение, даваемое в укрепление "... и душа возвращается в прежнее состояние". Это свидетельство знаменательно не только как описание метода "ангельской работы" над человеческой душой, но и как доказательство тождества (в силу их алхимического пресуществления из одной в другую и обратно) "адской субстанции", содержащейся в "греховной чаше" с субстанцией "Непорочного Начала".

3.3.7. Деградация личности

Непременным условием принятия новой веры оказывается "умопомешательство на грани самоубийства": "Иные примут Слово через мучительный кризис и болезнь, апатию и тоску на грани умопомешательства или самоубийства". "Мысль о самоубийстве, как никакая другая, приближает к духовному порядку "!!! -д.И.". Примечательно, что ересиарх вовсе не скрывает от последователей своей благосклонности по отношению к самоубийцам, он даже несколько романтизирует их: "С детства я испытывал тайную симпатию к самоубийцам, "... я их особым образом чтил как неких высших людей. "... Кругом все цепляются за

жалкую жизнь. В этом виделось что-то животное. В самоубийце – героическое, философское. "... Наверное, самоубийцы более христиане духом, чем обыватели, спокойные. Самоубийца приносит себя в жертву – закалывает себя добровольно". Отныне "отношение к самоубийцам иное, чем в прежние времена. ..." самоубийцы рассматриваются ангелами как невинные жертвы родового проклятия". То есть, в контексте "марианского" вероучения, самоубийство может рассматриваться как соискупительная жертва! История знает несколько примеров, когда целые секты (около тысячи человек) совершали ритуальное самоубийство (наиболее известны самоубийство 911 человек из секты "Народный храм" в ноябре 1978 г. в Джонстауне, самосожжение последователей секты "Ветвь Давида" в апреле 1993 г. в Вако и др.) и приведенные цитаты являются очень тревожным симптомом.

Если "богородичное" вероучение одним словом можно охарактеризовать как ересь (точнее, нагромождение множества ересей), то для аскетики БЦ определяющим словом является – прелесть и вопрос о самоубийстве может послужить здесь своего рода катализатором. Самоубийство – закономерный финал прелестной одержимости. Как мы можем узнать из патериков, бесы нередко доводят прельщенных подвижников до этого трагического шага. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Береславский откровенно признает: "беснование" – одно из характерных "марианских" качеств. "Новые русские святые", согласно представлениям лжепророка, будут "раздражительны, гневливы, бесноваты". И последовательных членов БЦ такое положение несколько не должно смущать: "Помоги Господи считать себя бесноватыми"! -д.И.". Что может быть общего между этим "молитвенным" пожеланием и христианским "не веди нас во искушение, но избави нас от лукавого" из молитвы Господней?!

Заключение

В настоящее время мы являемся свидетелями формирования антихристианской цивилизации, некоей глобальной антисистемы. Ее характерными признаками являются: плюралистическая политика, постиндустриальный социально-экономический строй, постмодернистский культурно-философский менталитет и постхристианская (т. е. антихристианская) религиозность, основные черты которой уже намечены в движении New Age. Это движение претендует на звание "Церкви Третьего Завета". При этом цифра "три" отнюдь не случайна: и идея "Третьего Завета" (или "богородичная" "Богоцивилизация III", провозглашенная на XXI-м "Соборе"), который должен заменить собой христианство и дать людям более совершенное знание о Боге, и ожидание "Третьей волны", принципиально нового типа человеческой цивилизации, связанные с наступившим III-м тысячелетием, несомненно имеют типологическое сходство с иудаистской концепцией "третьего Храма", в который возвратится изгнанная шехина – Слава Божия и, одновременно, женский принцип в Боге. По выражению современного иудейского теолога Арье Бараца, "Христианство – это религия разрушенного Храма, религия изгнанной Шехины". Христианское откровение Бога Отца через Сына и Святого Духа не может быть принято иудаизмом хотя бы потому, что "в ту пору, когда пришли христиане для иудеев Святой Дух уже означал низшую форму пророческого вдохновения, то, что пришло на смену изгнанной Шехине, пришло на смену женскому началу в Боге!". Таким образом, возвращение шехины должно быть сопряжено с невиданным доселе мистическим подъемом. Осталось только воссоздать Храм. Но, как известно из Церковного Предания, третий Иерусалимский Храм будет местом религиозного поклонения антихристу, т. е. – антицерковью. Если Христианская Церковь является "Невестой Христовой"

(Еф.5:22-32; ср.: Откр.21:2; 22:17), а в эсхатологическом контексте – апокалиптической "Женой, обличенной в солнце" (Откр.12:1), то, согласно той же апокалиптической символике, церковь антихриста подобна "блуднице вавилонской" (Откр.17:1). И здесь мы вновь сталкиваемся с феминной символикой, поэтому попытка возрождения (в рамках нового религиозного сознания) почитания Великой богини-Матери не кажется нам случайной. Сама идея поклонения Женскому лику божества имеет древнее языческое происхождение и на всем протяжении религиозной истории тяготеет к языческим же формам выражения (чувственность, экзальтированность, оргийность и т. п.). Это вполне закономерно, т. к. наделение объекта религиозного поклонения характеристиками пола предполагает привнесение в религиозную жизнь эротического элемента. А, поскольку языческие представления о Боге не соответствуют объективной реальности, то для заполнения этого зазора необходима игровая форма, в которую и облачается любой "естественный" религиозный культ. В свою очередь поклонение влечет за собой уподобление предмету поклонения. В данном случае, происходит культивирование феминных качеств: пассивность, податливость, эмоциональность, чувственность, душевность и пр. "Согласно р"авину". Лурии "составителю знаменитой лурианской каббалы - д.И." доминирование мужского начала – это характеристика именно нашего мира, в мире грядущем должно преобладать как раз начало женское". Вот почему женственность является символом грядущей антихристианской эпохи.

Процессы, происходящие во враждебном по отношению к Церкви мире, не представляют для ее чад серьезной опасности. Но несомненно, что такую опасность таят в себе попытки талантливых религиозных мыслителей "воцерковить" поклонение женственности за счет соотнесения культа богини-Матери с почитанием Богородицы и вымышленным культом Софии. Если сейчас споры о Софии несколько приутихли, то новые шаги в сторону "оязычивания" культа Богородицы совершаются и по сей день. В настоящее время эти процессы серьезно затронули католичество. Плачевное положение католической мариологии усугубляется многочисленными лжеявлениями и лжеоткровениями "Девы Марии". И, хотя в православном мире эти явления вызывают противоречивые оценки: от резкой критики до безусловного одобрения, непредвзятого исследователя не может не насторожить их формальная и содержательная сторона. Говоря о форме явлений, необходимо отметить, что чаще всего они происходят в воздухе и изобилуют визуальными эффектами (напр., Фатима). Именно эти особенности, согласно православному Преданию, будут отличать знамения антихриста (ср. Лк.21:11; Откр.13:13), которыми он будет пытаться "прельстить, если возможно, и избранных" (Мф.24:24). Что же касается содержания "откровений", то его можно выразить следующим образом: Бог трансцендентен по отношению к миру, а значит пассивен. Он поручает заботу о мире тварному существу (и здесь нет принципиальной разницы, будь то "Ангел с неба" (Гал.1:8) или "Честнейшая Херувимов"), играющему, таким образом, роль активного посредника между Богом и миром. В свою очередь это означает, что акценты в религиозной жизни должны сместиться от Творца к твари. Причина неприемлемости для православного сознания "марианских откровений" заключается "в ярко выраженном христоцентрическом и теоцентрическом направлении восточной духовной жизни, где высшие мистические состояния всегда мыслятся как непосредственное единение ума и сердца со Христом или как познание Св. Троицы. На этой степени духовной жизни всякое уклонение внимания в сторону ангелов "и даже Богоматери -д.И." рассматривается если не как прямо ложное, то во всяком случае как имеющее меньшую ценность" (ср. Откр. 19:10; 22:9).

Однако и здесь все не так уж просто. "Марианские" явления уже затронули не только католический Запад, но и православный Восток, Россию. Вот два примера. Первый – явление Богородицы (?) в 1987 г. в селе Грушево (Украина), которое с восторгом описано в широко известном издании "Православные чудеса XX века". В описании явления смущает все тот же привкус прелестного лжезнамения: "Почти все присутствовавшие видели темный силуэт: женскую фигуру в человеческий рост, иногда – одну голову "? -д.И." "...". Рука светилась. Многие видели, как золотистая дымка окутывала часовню и всю окрестность (при этом зелень травы и листьев делалась еще ярче). "...". Преобразалось и само пространство. Оно становилось плоским. С пригорка напротив часовни все предметы, кроме людей у часовни, казались расположенными в одной плоскости". Второй пример – явление иконы "Воскрешающая Русь" (14 октября 1998 г.). Вот как описывает явление Богородицы Ольга Павленко: "Свет от Нее исходил и белый, и голубой, бирюзовый, зеленый и какой-то матовый". Богоматерь окружали святые девы, святитель Николай и преподобный Серафим. "Над всеми явился Бог Отец Савваоф, благословляя двумя руками". Здесь следует заметить, что Лицо Бога Отца не явлено человечеству: "Бога не видел никто никогда; едиnorodный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Ин.1:18; Ср.: Ин.6:46). Далее Богоматерь спустила на землю свой покров, с которого на людей стали падать крестики. "Кто уклонялся или убежал от крестика видимым образом умолялся "вероятно, умалаясь" в росте, чернел и в последующем превращался в кучку дерьма". По словам автора брошюры, новая икона была с радостью встречена почитаемыми старцами (схиигуменом Иеронимом из Санаксарского монастыря и протоиереем Николаем с о. Залит), от нее происходит множество исцелений и чудес. Подобные явления стали происходить в Башкирии, на Урале, во Владимирской и Нижегородской областях, на Северном Кавказе и пр., причем автор сообщает любопытные подробности: "Из всех явлений Божией Матери известно, что Богородица не выше одного метра шестьдесят сантиметров, Ее ножка не более 36-го размера, 2-я группа крови, резус положительный – женская кровь "? -д.И."". Но больше всего смущает даже не это, а то, как формулируется цель явления: "Владычица объясняет все видение, дает название иконе "Воскрешающая Русь". Говорит, что возрождение начнется с России, с Ее последнего Удела. Говорит, что икону "Воскрешающая Русь" надо обнести вокруг Дивеевского монастыря из колокольни налево по Канавке и вокруг обители (не сокращая пути), через колокольню же внести в Троицкий собор и повесить справа от иконы "Умиление". Сделать это надо в последний день Рождественского поста 2000 года". Уж больно в этих рекомендациях много магического, формального (в такой-то день обнести строго против часовой стрелки, не сокращать, повесить там-то и Святая Русь чудесным образом возродиться)!

К сожалению, Церковь пока еще никак не определила своего отношения к этому и подобным явлениям. Конечно, тема откровений и их религиозной оценки весьма деликатна и требует, если не прозорливости, то, по крайней мере, чувства духовного такта. Мы же можем себе позволить судить лишь об очевидных формах духовной прелести, поскольку прелесть всегда сопряжена с ересью, как, например, в случае с "Богородичным центром". А рассмотрение ереси как последней стадии духовного заболевания позволит нам вовремя распознать и ее симптомы, потому что "в ереси лучше видны конечные последствия начал, на которые она опирается". Хочется надеяться, что изложенный в настоящей работе материал позволит произвести сопоставление новых явлений с католическими и сектантскими, и т. о. внести ясность в этот непростой вопрос.

Библиография

Литература "Богородичного центра"

- Державный катехизис. Основы веры святого православия. М., 1997
 Слово Божией Матери и Господа в России архиепископу Иоанну. Избранное. Т.1.
 М.: "Новая Святая Русь", 1997:
- 1) Одигитрия-Путеводительница. М.,1991 (С.5-24)
 - 2) Небесная Наставница. М.,1992 (С.25-32)
 - 3) На скрижалях сердца. М., 1992 (С.33-79)
 - 4) Я читаю в ваших сердцах. М., 1994 (С.80-161)
 - 5) Три Века Славы. М., 1992 (С.162-246)
 - 6) Венчание на Престол. М., 1991
 - 7) Апокалиптический набат. М., 1995
 - 8) Самодержица Российская. М., 1993
 - 9) Мои нежно любимые дети. М., 1993
 - 10) Око милосердия. М., 1994
 - 11) Родительница наша. М., 1995
 - 12) Державная Российская. М., 1996
 - 13) Схождение Царствия. М., 1997 (№№ 6-13: С.247-345)
- Параклитский ковче г. Слова Матери Божией и свидетельство Духа Святого. М.:
 "Покров", 1991
- Епископ Иоанн (Береславский). Белое евангелие. М.: "Богородичный центр", 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Глас вопиющего. М.: "Богородичный центр", 1991.
 Дни святых благословений. Откровение Божией Матери в России (1984-1991)
 пророку епископу Иоанну. М.: "Богородичный центр", 1991.
 Дароносица печатей. Омск, 1991.
 Россию спасут праведники. Сборник. Омск, 1991.
 Откровения Божией Матери в России старцу о. Иоанну за апрель 1991год. М.:
 "Богородичный центр", 1991.
 Ангельский покров. М., 1991.
 В преддверии Армагедона. Кемерово, 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Огонь покаянный. М.: "Богородичный центр",
 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Масличная ветвь (Огонь покаянный№ 16). М.:
 "Богородичный центр", 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Армагеддон над Россией. М.: "Богородичный
 центр", 1991.
 Антихрист. Ад и мытарства. Книга об антихристе по пророческому Откровению
 Матери Божией, данному в России о. Иоанну 1984-991г г. М.: "Богородичный
 центр", 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Литургия у Голгофы. М.: "Богородичный центр",
 1991.
 Откровение Божией матери в России архиепископу Иоанну. Венчание на престол.
 Книга 22. М.: "Новая Святая Русь", 1999.
 Епископ Иоанн, о. Николай (Румянцев). Исповедь поколения. М.: "Богородичный
 центр", 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Исповедь раненного сердца. М.: "Богородичный
 центр", 1991.
 Епископ Иоанн (Береславский). Игумен Илья (Попов). Тайный схимитрополит:
 Жизнеописание главы Истинно Православной Церкви времен схимитрополита
 Геннадий (1898-1987). М.: "Богородичный центр", 1991.
 Богородичный Собор №1. М.: "Богородичный центр", 1991.

- Богородичный Собор №2. М.: "Богородичный центр", 1991.
- Богородичный Собор №3. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Богородичный Собор №5. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Епископ Иоанн (Береславский). Огонь покаянный Кн.2. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Архиепископ Иоанн (Береславский). Голгофские Таинства. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Архиепископ Иоанн (Береславский). Прощание с еврокультурой. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Архиепископ Иоанн (Береславский). Цветы трезвения. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Архиепископ Иоанн (Береславский). Записки монаха в миру. Духовный дневник. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Книга странствий. Откровение Божией Матери в России пророку Иоанну (1984-1992). М.: "Богородичный центр", 1992.
- Архиепископ Иоанн Береславский. Парение над бездной. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Священство Церкви Пресвятой Богородицы. Трагедия Красной Церкви. М.: "Богородичный центр", 1992.
- Рыцарь веры. М.: "Богородичный центр", 1992№1.
- Рыцарь веры. М.: "Богородичный центр", 1992№3.
- Рыцарь веры. М.: "Богородичный центр", 1992№5.
- Огненный столп покаянный. М.: "Богородичный центр", 1992
- Архиепископ Иоанн (Береславский) Дыхание живой веры. М.: "Богородичный центр", 1993.
- Архиепископ Иоанн. Белое Евангелие. Об уникальных Явлениях Божией Матери последнего времени. М.: "Новая Святая Русь", 1993.
- Вхождение в тайну Креста. Откровение Божией Матери в России архиепископу Иоанну (1985-1986). М.: "Новая Святая Русь", 1993.
- Архиепископ Иоанн (Береславский). Омовение в Белой Купели. Сборник духовных бесед. М.: "Богородичный центр", 1993.
- Архиепископ Иоанн. Родовой поток. М.: "Новая Святая Русь", 1993.
- Священство Церкви Пресвятой Богородицы. Красная Патриархия. Волки в овечьей шкуре. М.: "Богородичный центр", 1993.
- Собор Отцов Новой Святой Руси. Патриархия против всего мира. М.: "Новая Святая Русь", 1993.
- Архиепископ Иоанн. Огонь покаянный Кн.4. Путь святых отцов. М.: "Новая Святая Русь", 1994.
- Богословие Непорочного Сердца / под ред. архиепископа Иоанна. М.: "Новая Святая Русь", 1994.
- Россия Нового Тысячелетия. 1994№1.
- Россия Нового Тысячелетия. 1995№3.
- Архиепископ Иоанн. Белое Евангелие. Об уникальных Явлениях Божией Матери последнего времени. М.: "Новая Святая Русь", 1995.
- Архиепископ Иоанн. Царица Мира. М.: "Новая Святая Русь", 1995.
- Оазис мира. 1995№ 3. Май.
- Архиепископ Иоанн. Новое имя Господа. Проповеди по Евангелию. М.: "Новая Святая Русь", 1996.
- Архиепископ Иоанн (Береславский) Белый Свет России. М.: "Новая Святая Русь", 1996.
- Новая Эра / под ред. о. Глеба (Бессонова). М.: "Новая Святая Русь", 1996.
- Катакомбная Церковь-Мученица. М.: "Новая Святая Русь", 1996.
- Архиепископ Иоанн. Светоцентрическое христианство. М.: "Новая Святая Русь",

1997.

Архиепископ Иоанн. Христианство – дзен. М.: "Новая Святая Русь", 1997.

Архиепископ Иоанн. Святые сходят с неба. Статьи, проповеди, письма. М.: "Новая Святая Русь", 1997.

Архиепископ Иоанн. Царица Вышняя Любовь. М., 1997.

Летняя жемчужина. Откровения Божией Матери в России архиепископу Иоанну. Июль-август 1997. М., 1997.

Яковлев Вениамин. Лукавна и Сосипатр. Христианские сказки. М., 1997.

Священник Илья (Попов). Какую церковь ждет Россия? М.: "Новая Святая Русь", 1997.

Священник Илья (Попов), архиепископ Иоанн (Береславский). Иосиф Волоцкий: 500 лет инквизиции в России. М.: "Новая Святая Русь", 1997.

Анна-Екатерина Эммерих. Евангелие день за днем. М.: "Новая Святая Русь", 1997.

Милосердие Богородицы. 1997№3(8).

Оазис мира. 1997№2 (18).

Архиепископ Иоанн. Евангелие творится на наших глазах. М.: "Новая Святая Русь", 1998.

Архиепископ Иоанн Береславский. Проповеди. М. "Новая Святая Русь", 1998.

Церковь Пресвятой Богородицы Державная. Божественная Литургия. Всенощная. М.: "Новая Святая Русь", 1998.

Келейное молитвенное правило. М.: "Новая Святая Русь", 1998.

Лествица. Молитвенное правило. М.: "Новая Святая Русь", 1998.

Епископ Амвросий, епископ Афанасий, епископ Феодосий, священник о. Викентий. Проповеди. М., "Новая Святая Русь", 1998.

Блаженство Креста. Из Откровений Божией матери и Господа в России архиепископу Иоанну (август 1998 – июль 1999). М.: "Новая Святая Русь", 1999.

Откровения святой Евфросиньи архиепископу Иоанну. Август-декабрь 1998 г.

Святая Евфросинья Мироточивая. М.: "Новая Святая Русь", 1999.

Торжество Богородицы Облеченной в Солнце Жены. XX Собор. М., 2000.

Жена Облеченная в Солнце. Откровение архиепископу Иоанну. Избранное. Песнь от престола Торжествующей Жены. Октябрь 1999 г. – сентябрь 2000 г. М.: "Православная Церковь Божией Матери Державная", 2000.

Архиепископ Иоанн. Провозвестие Солнечной Жены. Из проповедей XIX Собора. М.: "Православная Церковь Божией Матери Державная", 2001.

Храм Мой – вся Земля. Откровение Божией Матери в России архиепископу Иоанну. М., 2001.

Державная Мать. М., 2001.

Исследования по "Богородичному центру"

Бакланова г.Ю. Православная церковь Божией Матери "Державная" (социально-философский очерк). М.: ООО "Агент", 1999.

Гущин Сергей. "Третий Завет" Богородичного центра // Вестник центра апологетических исследований. Октябрь 2000-Январь 2001 Выпуск № 12; Апрель-Июнь 2001 Выпуск№ 14.

Кротов Яков. Богородичный центр. М.: "Ирина", 1992.

Лещинский А. Н. Российская марианская церковь // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1995. №5.

Богословский анализ лжеучений "Богородичного центра". Издательство Свято-Владимирского Братства, 1992.

Сергеев В. Профанация веры, или "Великая Литургия" в клубе "Красный Октябрь" // Московский церковный вестник. 1992№7.

Иеромонах Филипп (Симонов). Новые гностики (о ереси "Богородичного центра").

Машинопись. М., 1994.

Эмке А.И. Секта "Богородичный Центр". Курсовая работа студента 5-го курса заочного отделения катехизаторского ф-та. Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. Архангельск, 2000. Рукопись.

Использованная литература

- Абрамович Н.Я. Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половая любовь. "Свобода", 1918.
- Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. М.: "Эслан", 2001.
- Алексеев Вячеслав, Григорьев Андрей. Религия антихриста. Новосибирск: "Посох", 1997.
- Аникеева Е.Н. Роль женского принципа в пантеизме и монотеизме // Богословский сборник. М., 1999. №2.
- Андреева Виктория. София Премудрость Божия – Прекрасная Дама русского символизма (Новая христианская парадигма у младосимволистов) // На пути к третьему тысячелетию. Екклесия Пресс, 1999.
- Андреев Д.Л. Роза Мира. М., 1992.
- Анри де Любак. Мысли о Церкви. Милан-М.: "Христианская Россия", 1994.
- Аристотель. Сочинения в 4-х тт. М.: "Мысль", 1975.
- Арсеньев Н.С. Пессимизм и мистика в древней Греции // Путь. Париж, 1926 №4-5.
- Баткин Л.М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
- Барац Арье. Презумпция человечности. Иерусалим, 5758-1998.
- Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века. Саранск: издательство Мордовского университета, 1999.
- Белорусов С. С точки зрения православного психотерапевта // Альфа и Омега. 1996 №4(11).
- Епископ Варнава (Беляев). Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. В 4т. Н. Новгород: "Издание братства во имя святого князя Александра Невского", 1995.
- Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. Брюссель, 1994.
- Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990.
- Бердяев Н.А. Судьба России. Самосознание. Ростов н/Д: "Феникс", 1997.
- Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. М., 1989
- Блок Александр. Рыцарь-монах // Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель, 1994.
- Бобрик М.А. Иисусов танец в "Деяниях Иоанна" и "радение" в хлыстовстве // Ученые записки РПУ. 1996. Вып.2
- Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. М., в 4т. 1994.
- Борелли Антонио А. Фатимская весть: трагедия или надежда? Вильнюс, 1995.
- Бреннер Аталия. Бог евреев и его божественная супруга // Женщины в легендах и мифах. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
- Епископ Игнатий (Брянчанинов). Сочинения в 7т. М., 1993.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). О чудесах и знамениях. М.: Издательство Братства святителя Алексия, 1997.
- Протоиерей Сергей Булгаков. Купина Неопалимая. Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. Париж, 1927.
- Протоиерей Сергей Булгаков. Православие. Киев: "Лыбидь". 1991.
- Булгаков С.Н. Вехи. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Булгаков С. Первообраз и образ: соч. в 2т. Т. 1. Свет невечерний. СПб.: ООО

- "ИНАПРЕСС" – М.: "Искусство", 1999.
- Бурмистров Константин. Владимир Соловьев и Каббала. К постановке проблемы // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1998 год. М.: ОГИ, 1998(?).
- Бычков Виктор. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. М-СПб.: Университетская книга, 1999.
- Преподобные Варсонуфий Великий и Иоанн. Руководство к духовной жизни. СПб., 1905.
- Василенко Л.И. Введение в русскую религиозную философию. М., 1999.
- Ватикан: натиск на Восток. М.: "Одигитрия", 1998.
- Волков Е.Н. Основные модели контроля сознания (реформирования мышления) // Журнал практического психолога. М.: "Фолиум", 1996.№5.
- Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.: "Республика", 1994.
- Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике. // Вопросы философии. 1993. №4.
- Святитель Григорий Чудотворец. Творения. Библиотека отцов и учителей церкви. "Паломник", 1996. Т.4.
- Святитель Григорий Богослов. Собрание творений в 2-х томах. Т-С.Л., 1994.
- Гаврюшин Н. К. По следам рыцарей Софии. М., 1998.
- Гари Ромен. Ночь будет спокойной // Иностранная литература. М., 1994.№12.
- Грейвс Р. Белая Богиня. М.: "Прогресс-Традиция", 1999.
- Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. Под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. – М.: "Прогресс", 1992.
- Свяиель Григорий Палама. Беседы (омилии). Пер. архимандрит Амвросий (Погодин). М.: "Паломник", 1993.
- Св. Гриньон де Монфор. Тайна Пресвятой Богородицы. Брюссель: "Жизнь с Богом", 1992.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: "Рольф", 2002.
- Данзас Ю. Гностические реминисценции в современной русской религиозной философии // Символ. Париж, 1998. Июль. №39.
- Дворкин Александр. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Нижний Новгород: Издательство Братства во имя святого великого князя Александра Невского, 2002.
- Дмитриев Владимир. В плену герметического круга. О психологии Карл Юнга и прозе Германа Гессе. Пермь, 2001.
- Добротолюбие. М. 1900. В 5тт.
- Драбинко А. Православие в посттоталитарной Украине. Киев, 2002.
- Женщина в мифах и легендах. Энциклопедический словарь. Ташкент, 1992.
- Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы Международной конференции 1993 г. М.: "Наука", 1994.
- Зизиулас И.Д. Личность и бытие // Духовный мир. Сергиев Посад, 1996. №3 – 1997. №4.
- Иванов Владимир. Софиологический аспект экклезиологии Владимира Соловьева // На пути к третьему тысячелетию. Екклесия Пресс, 1999.
- Иванов К.А. Трубадуры, труверы и миннезингеры. М.: "Алетейя", 2001.
- Иванов М.С. Догмат: содержание и определение // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1998. №1.
- Святой Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.: Братство святителя Алексея – Ростов н/Д: "Приазовский край", 1992.
- Творения преподобного Иоанна Дамаскина. М.: "Мартис", 1997.
- Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. Сергиев Посад, Т-С.Л., 1908.
- Иоанн Павел II. "Верую в Духа Святого Господа Животворящего" (катехизические

- беседы). М.: Католический колледж им. св. Фомы Аквинского, 1998
- Святой Иринеи Епископа Лионского. Сочинения. С-Пб., 1900.
- Преподобный Исаак Сирийский. Слова подвижнические. М., 1993.
- История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. СПб.: "Воскресенье", 1997. Т.1.
- История средних веков в 2 т.: Учебник / под ред. С.П. Карпова. - М.: Изд-во МГУ: ИНФА-М, 1998.
- Карсавин Л. О началах // Символ. Париж, 1994. Июль №31
- Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках преимущественно в Италии. П г., 1915.
- Клеман Оливье. Истоки. М.: "Путь", 1994.
- Квилидзе Нина. Новгородская икона Софии Премудрости Божией // Ответственность человека перед лицом Творения. М.: "Рудомино", 1998.
- Клизовский А. Основы миропонимания новой эпохи. Рига: "Виеста", 1991.
- Протоиерей Алексей Князев. Великое знамение Царства Небесного и его пришествия в силе // Православная мысль. Париж: YMCA-PRESS, 1971, №14.
- Протоиерей Алексей Князев. Понятие и образ Божественной Премудрости в Ветхом Завете // Альфа и Омега. М., 1999. №3(21)
- Священник Максим Козлов. Католическая мариология // Православная беседа. 1994№6.
- Священник Максим Козлов. Естественный вопрос // Православный христианин. Калуга, 1997 №1, Январь.
- Кон И.С. Введение в сексологию. М.: "Олимп", ИНФА-М, 1999.
- Архиепископ Василий (Кривошеин). Ангелы и бесы в духовной жизни по учению восточных отцов // Богословские труды. Нижний Новгород: "Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского", 1996.
- Диакон Андрей Кураев. Если Бог есть Любовь... М.: Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1997.
- Диакон Андрей Кураев. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир. М.: "Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры", 2001.
- Ладыженский М.В. Мистическая трилогия. Свет Незримый. М.: "Елеон", 1998.
- Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: "Мысль", 1993.
- Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. М.: "Мысль", 1994.
- Лосев А.Ф. Эстетика возрождения. Исторический смысл эстетики возрождения. М.: "Мысль", 1998 .
- Лосев А.Ф. Жизнь как сценическая игра в представлении древних греков // Тахо-Годи А.А., Лосев. А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: "Алетейя", 1999.
- Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Лосский Вл. Догмат о непорочном зачатии // Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996.
- Творения преподобного Максима Исповедника. М.: "Мартис", 1993.
- Матич Ольга. Христианство Третьего Завета и традиция русского утопизма // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: "Наследие", 1999
- Махнач Владимир. Антисистемы нового времени // Православная беседа. М., 1998 №2.
- Протоиерей Александр Мень. Магия. Оккультизм. Христианство. М., 1996.
- Мережковский Д.С. Атлантида - Европа: Тайна Запада. М., 1992.
- Мережковский Д. Тайна трех. М.: Республика, 1999.
- Миравалл Марк И. Мария Соспоспительница, Посредница, Защитница. Santa Barbara: "QUEENSHIP PUBLISHING", 1993.

- Мочульский К. А. Блок. А. Белый. В. Брюсов. М.: "Республика", 1997.
- Муромцев К. Прельщающий многих // НГ-религии. 09.02.2000№3 (50). С.-5. Настольная книга священнослужителя. М.: Издание Московской Патриархии, 1988.
- Немезий Эмесский О природе человека / Перевод с греч. Ф.С. Владимирского. Составление, послесловие, общая редакция М.Л. Хорьков. М.: Канон+, 1998.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: "Белый волк", 1999.
- Николаева Олеся. Современная культура и Православие. М., 1999.
- Никольский А.И. София Премудрость Божия (Новгородская редакция иконы и служба Св. Софии) // Вестник археологии и истории. Вып. XVII. СПб., 1906.
- Нильон Мартин. Греческая народная религия. С-Пб.: "Алетейя", 1998.
- Новейший философский словарь / Сост. Грицианов А.А. Мн.: Изд. Скакун В.М., 1998.
- Н.Т. Непорочное зачатие // Церковь. М., 1909№6.
- Осипов А.И. Ищущему спасения // Православная беседа. М., 1994 №5.
- Оссовска М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: "Прогресс", 1987.
- Иеродиакон Макарий (Петанов). "Правда о Фатиме". СПб.: "Царское дело", 2001.
- Пичугина Е. Шифрофрения // "Московский комсомолец". 07.11.2001. С.-2.
- Платон. Сочинения в 3-х тт. М.: "Мысль", 1970.
- Платон. Диалоги. Ростов н/Д: "Феникс", 1998.
- Пространное житие Константины-Кирилла Философа // Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
- Прокопишин Р.А., Герасимов А.В., Кудеярова Н.Ю. Особенности динамики изменений личности у последователей псевдорелигиозных корпораций. М.: Институт психологии РАН. 2000. Машинопись.
- Пыпина-Ляцкая В.А. В.С. Соловьев. Страничка воспоминаний // Голос минувшего. М., 1914 №12.
- Монсеньер Альберт Раух. Почитание Девы Марии на Востоке и на Западе // Тысячелетие почитания Пресвятой Богородицы на Руси и в Германии. Мюнхен-Цюрих-Москва, 1990.
- Религиоведение. Хрестоматия / пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. –М.: "Книжный дом "Университет"", 2000.
- Рерих Н.К. О вечном... М., 1994
- Рерих Е.И. Письма: В 2т. Минск, 1992.
- Иеромонах Серафим (Роуз). Православие и религия будущего. М.: "Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры", 1997.
- Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново: Издательский центр "Юнона". 1999.
- Рябов О.В. Русская философия женственности (XI-XX века). Иваново: Издательский центр "Юнона", 1999.
- Сайр ДжейМ.С. Парад миров. СПб.: "Мирт", 1997.
- Архиепископ Серафим (Соболев). Новое учение о Софии Премудрости Божией. София, 1935.
- Преподобный Симеон Новый Богослов. Творения. В 3-х тт. Т-С.Л. 1993.
- Преподобный Симеон Новый Богослов. Божественные Гимны. Сергиев Посад, 1917.
- Преподобный Симеон Новый Богослов. Главы богословские, умозрительные и практические. М.: "Зачатьевский монастырь", 1998.
- Сидоров А.И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. Учебное пособие. М.: "Русские огни", 1996.
- Современные ереси и секты на Руси / под ред. Митрополита Санкт-

- Перербургского и Ладожского Иоанна. Изд. 2-е. Житомир: "НИ-КА". 2001.
- Соловьев В. История и будущее теократии // Собр. Соч. В 2 т. М., 1990.
- Соловьев В. Смысл любви. Троицкий С. Христианская философия брака.
- Протоиерей И. Мейендорф. Брак в православии. М.: "Путь", 1995.
- Соловьев О.М. Православный брак и страсть блуда. / Под редакцией Шишимарова Е.А. М.: ИПА "ТриЛ", 1996.
- Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977.
- Стахович М.А. Фатимские явления Божией Матери утешение России. М.: СП "РЮРИК", 1992.
- Митрополит Сергей (Страгородский). Почитание Божией Матери по разуму Святой Православной Церкви // ЖМП.1994. №5.
- Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: "Москва", 1998.
- Патриарх Тихон. Россия в проказе. М.: "Лодья", 1998.
- Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб, 1998.
- Тофлер Элвин. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ"", 1999.
- Трубецкой Е.Н. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: "Феникс", 1998.
- Трубецкой Евгений. Владимир Соловьев и его дело // Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель, 1994.
- Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М.: "Мартис", 1996.
- Митрополит Вениамин (Федченков). Святой Сорокоуст (Мысли по поводу указов Митрополита Сергия о лояльности) // ЖМП 1993№1.
- Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. М., 1991.
- Священник Павел Флоренский. Столп и утверждение Истины. М., 1914.
- Протоиерей Георгий Флоровский. Восточные отцы V-VIII веков. М., 1992.
- Протоиерей Георгий Флоровский. Догмат и история. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1998.
- Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Paris: YMCA-PRESS, 1983.
- Хёйзинга Йохан. Осень средневековья. М.: Издательская группа "Прогресс" - "Культура", 1995.
- Хёйзинга Йохан. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997.
- Хорни К. Собр. соч. М.: "Смысл", 1997.
- Хоружий С.С. Владимир Соловьев и мистико-аскетическая традиция Православия // Богословские труды №33. М., 1997.
- Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.
- Чулков г.И. Автоматические записи Вл. Соловьева. // Вопросы философии. М., 1992 №8.
- Протоиерей Владислав Ципин. "Декларация" 1927 года // Журнал Московской Патриархии. 1994№ 5.
- Шалина И. София премудрость Божия // "Пречистому образу Твоему поклоняемся...". Государственный Русский музей. С-Пб. – Palace Edition, 1995.
- Шипфлингер Томас. София-Мария. Целостный опыт творения. М.: Гнозис Пресс-Скарабей, 1997.
- Шодем г. Основные течения в еврейской мистике. В 2-х тт. Иерусалим, 1989.
- Шохин В.К. В.С. Соловьев, индийская мифология и проблемы компаративистики // Историко-философский ежегодник '95. М.: "МАРТИС", 1996.
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. В 2тт. М.: "Мысль", 1998.

- Штёкль Альберт. История средневековой философии. СПб.: Издательство "Алетейя", 1996.
- Шубарт Вальтер. Европа и душа востока. М.: Альманах "Русская идея", 2000.
- Щипков Александр. Во что верит Россия. СПб., 1998.
- Эко У. Имя Розы. Роман. Заметки на полях "Имени Розы". Эссе. СПб: "Симпозиум", 1997.
- Элиаде М. Азиатская алхимия. М.: Янус-К, 1998.
- Элиаде Мирча. Мефистофель и андрогин. СПб.: "Алетейя", 1998.
- Элиаде Мирча. Очерки сравнительного религиоведения. М.: "Ладомир", 1999.
- Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: "Правда", 1990.
- Яннарас Христос. Вера церкви. М., 1992.
- >Иерод. Иона (Яшунский) Наши катакомбы // Вестник РХД. 1992№166.

Иностранная литература

- Chiron Yves. Enquete sur les apparitions de la Vierge. Paris, 1995.
- Claudia Honegger. Die Hexen der Neugeit. Frankfurt-a-M., 1978.
- Handbuch der Marienkunde. Band 2. Regensburg: Verlag Friedrich Pustet. 1997.
- Marienlexikon. Herausgegeben. Regensburg: EOS VERLAG ERZABTEI ST. OTTILIEN. Vierter Band. 1992.
- New Catholic Encyclopedia. Washington, 1981. 17 volumes.

Приложение 1

Исторический обзор идейных предшественников БЦ

Вероучение "Богородичного центра" представляет собой яркий пример религиозного синкретизма. В нем причудливо переплелись языческие, индуистские, гностические, каббалистические, оккультные, христианские (как православные, так и католические) и прочие мотивы. Отправной точкой мировоззрения БЦ является искаженное учение о Пресвятой Богородице как о Женском начале в Боге. Мария как божество может отождествляться с разными Лицами Святой Троицы (чаще всего со Святым Духом), а также с Софией Премудростью Божией. И здесь следует отметить, что представления БЦ о Святой Троице носят модалистический характер. При этом само понятие женственности разводится к двум полюсам: позитивному – в лице Божией Матери, и негативному, в лице "даймоны" и большинства представительниц женского пола. Вообще весь человеческий род изначально делится на три категории: святые, грешники (прельщенные дети Адама) и проклятые (дети Евы от змия-искусителя). Под явным влиянием идей фрейдизма, главным мотивом греховной деятельности человека (в первую очередь, женщины-матери) признается эротическое влечение. По мнению идеологов БЦ, и супружеская и сыновья любовь должны сублимироваться в преданность Деве Марии – истинной Матери человечества. В настоящее время Святая Дева заключает с человечеством Новейший Завет, Завет Духа, что влечет за собой новую волну откровений, харизматических даров и особой "богородичной" святости. Она связана с посвящением человечества Непорочному Сердцу Девы Марии, в результате чего посвященные получают от Богоматери новое "сердце" (в понимании БЦ, личность, душу). Главным действующим лицом Третьего Завета, имеющего ярко выраженный эсхатологический характер, является Сама Божия Мать. В этот период Ей, апокалиптической "Жене, обличенной в солнце" (Откр.12:1), предстоит вступить в последнюю борьбу с мировым злом ("красным драконом" (Откр.12:3)), после чего последует преобразование мира – "брак Агнца". Особая роль в период Третьего Завета отводится Руси, для которой наступает период расцвета, прежде всего расцвета святости. Вокруг "Новой Святой Руси" должны будут объединиться все народы и мировые религии.

"Премудрость Божия, – говорит "марианский" "доктор богословия" "священник" Викентий Давыдов, – очень загодя, очень задолго до проявления в открытую, до Откровения и Слова, готовила сердца к восприятию этой беспрецедентной, уникальной новизны, которая подается сейчас на престолах Марианских Откровений". Действительно, каждый из элементов, нашедших свое выражение в вероучении БЦ имеет глубокие религиозные, философские, культурные, исторические и социальные корни, причем ими же и исчерпывается, так что никакой "беспрецедентной, уникальной новизны" догматика БЦ не несет. В настоящей главе мы попытаемся, не вдаваясь глубоко в вероучительные особенности описываемых религиозно-философских течений, проследить историческую канву тех процессов, которые могли прямо или косвенно оказать влияние и, отчасти, предопределить развитие "богородичного" учения. Мы так же попытаемся выявить причастность марианских течений к формированию глобальной антихристианской религии.

1. Язычество

Как уже говорилось, ключевым моментом в религиозной системе БЦ является учение о существовании женского начала в Боге. Подобное учение можно найти практически во всех древних религиях. Оно проявляется в различных формах. Речь может идти, как о безличных мужском и женском начале (внутри божества – в пантеизме или в качестве двух противоположных космических полюсов – в дуализме), так и о супружеской паре верховных божеств (в политеистических религиозных системах). При этом достаточно трудно провести четкую грань между божеством языческой мифологии и персонифицированным космическим принципом, т.к., по выражению А.Ф. Лосева, "язычество не знает опыта личности". В различных религиозно-философских системах варьируется также и степень активности женского начала (или божества). Древнейшие религии наделяют женское начало большей степенью активности в процессе мироустройства. В первую очередь следует назвать одну из самых древних и самых распространенных религиозных форм – культ Матери-Земли. Наиболее ранние свидетельства о существовании этого культа относятся к эпохе неолита (вероятно, несколько десятков тысяч лет до Р.Х.). В качестве примера можно привести греческую богиню Земли Гею, породившую из себя Урана-небо, Старуху-Мать Кунапиши (австралийская мифология), Эка Абаси (африканская мифология) и множество других ранних религиозных верований. С Матерью-Землей в древности связывали все виды плодородия, включая рождение детей. После родов ребенка обычно полагали на землю (иногда роды происходили прямо на земле). "Дитерих интерпретировал это действие как посвящение ребенка земле, Tellus Mater, которая является его истинной матерью. Гольдман считает, что положение малыша (или больного и умирающего) на землю "... призвано дать ему соприкоснуться с магическими силами Земли. По мнению других исследователей, посредством этого ритуала ребенок получает душу, которая входит в него из Tellus Mater", а после смерти возвращается обратно. Итак, для раннего религиозного сознания Мать-Земля – это "источник силы "души" и плодovitости".

Здесь так же следует упомянуть Маха Деви – одну из многочисленных персонификаций шакти – энергии-супруги бога Шивы (Брахмы) (индуизм, тантризм) и Великую Самку поднебесной (даосизм). В данном случае женское начало является активным принципом, реализующим пассивный или скрытый мужской принцип.

Далее можно встретить религии, в которых мужское и женское начала представляются равными, симметричными полюсами, создающими единый дуалистический космос. Это принципы инь и янь, лежащие в основе дуалистической концепции древнекитайской философии, Отец-Мать в зороастризме. К этому же типу относится большинство политеистических религий. В них представления о Великой богине-Матери, начиная примерно с III-го тысячелетия до Р.Х., трансформировались в мифы о богинях-женах. Для ближнего востока это Исида, Астарта, Иштар, Тинит, Маат и пр. Для греко-римского мира это Гера, Деметра, Кибела, Теллус, Церера, Диана и пр. Подобные религиозные представления можно найти практически во всех древних верованиях народов мира. В большинстве мифологий богиня-Мать соотнесена с умирающим и воскресающим богом или богиней, причем именно она рассматривалась в качестве источника жизненной силы и бессмертия. Отсюда преимущественная связь богини-Матери с различными тайными культами и мистериями. Одна из самых знаменитых мистерий древнего мира – элевсинская – была связана с именем богини Деметры (культ просуществовал с XVII в. до Р.Х. по 396 г. н. э.). В основу мистического действия полагался миф об умирающей и воскресающей дочери Деметры Коре. Раз в два года жрецы элевсинского культа

совершали "великие посвящения". По дороге из Афин в Элевсин над посвящаемым совершали ряд приготовительных ритуалов, символизирующих его смерть. Но главные действия происходили в элевсинском святилище – телестерионе. Они разыгрывались как грандиозная драма, в которой после мрака, устрашающих криков, нечеловеческих страхов раздавалась гармоничная музыка и разливался чистый свет. После совершался так называемый "священный брак" (иерогамия) и иницируемый становился мистом. Мистериальное посвящение являлось отголоском древних ритуалов посвящения Матери-Земле. Через него "мист получал бессмертие, становясь сыном богини посредством прикосновения к некоему сексуальному символу. Символически он как бы рождался заново от богини".

Наряду с элевсинскими мистериями существовали и другие культы, связанные с почитанием богини-Матери. Это фригийский культ богини Кибелы и Атгиса, ассирийский – Иштар и Таммуза, египетский Исида и Осириса, сирийский – Афродиты (Астарты) и Адониса и пр. Культы богини-Матери всегда имели ярко выраженный эротический характер. Это могло проявляться, как в чистом виде (оргии, имитировавшие процесс космогенеза, священная проституция и т.п.), так и в сублимированном (акты самооскопления и членовредительства). При этом скопчество связано с оргийностью не только диалектически, как отрицание эроса и пола, но и детерминологически.

Стоит отдельно упомянуть об Афине. Она, подобно Коре, была не богиней-женой, а богиней-девой, дочерью верховного бога Зевса и олицетворяла собою мудрость. Мифы об Афине имеют много общего с последующим учением о Софии.

Со временем происходит осмысление роли женского начала в различных философских системах. Классическая эллинская философия сформулировала, пожалуй, универсальный для большинства мифологий принцип: мир возникает из хаоса, который в процессе космогенеза дифференцируется на два начала – мужское и женское, причем женское, более материальное, остается образом хаоса, а мужское, духовное, имеет оплодотворяющее и оформляющее значение, являясь не столько отцом космоса, сколько его творцом, демиургом. Подобные мысли встречаются у пифагорейцев, Платона (+ок.347 г. до Р.Х.) (Тимей, 50d), Аристотеля (+322 г. до Р.Х.) (Физика, I. 192a. 5-20). В эллинской философии великая богиня-Мать превращается в безликую материю. Она уже не мать космоса, а только "восприемница" и "кормилица". Плотин, чье учение впитало в себя "почти все философские системы предыдущего античного развития", вслед за Аристотелем называет материю "не-бытием" $\eta\mu\omicron$ ("поЭнн. I 8, 3). И тем не менее, многие великие философы (Пифагор, Платон, Аристотель, неоплатоники Ямвлих, Прокл и др.) принимали участие в мистериях.

Сам Платон напрямую связывает религиозную жизнь язычества с демоническими силами и дает оригинальное объяснение мистериальной эротике. В диалоге "Пир" он говорит о боге Эроте как о "великом демоне". "Демоны эти многочисленны и разнообразны, и Эрот – один из них". Их предназначение – "быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказ богов и вознаграждения за жертвы" (Пир, 202e-203). Эрот – спутник и слуга богини Афродиты, а поскольку Платон различает Афродиту "небесную" и "пошлую" или "всенародную" (Пир, 180d), то и любовь (эрос) в его философской системе подразделяется на возвышенную, "небесную" (т.н. "платоническая" любовь) и пошлую. При этом платоническая любовь предполагает "рабство "предмету любви" во имя совершенствования"

(Пир, 184с). Подобное разделение имеет место и в системе неоплатоников, но здесь "всенародная" любовь уже приобретает негативную окраску. На самом деле, разница между двумя типами платоновского эроса иллюзорна. Первый тип эроса является всего лишь неудачной попыткой сублимации второго типа.

Уже у Платона можно найти и первое упоминание о Софии как о Мировой Душе (Филеб, 30с-е). По учению Платона, София есть "нечто великое и приличествующее лишь божеству" (Федр, 278d). Но только в позднеантичном неоплатонизме концепция Софии приобрела особое значение. София неоплатоников представляет собой необходимое связующее звено в последовательной цепи эманаций между центральным понятием Единого и множественностью феноменального мира. Согласно Платину, София является "сущностью" бытия (Энн. V 8, 5).

Таким образом, статус и значение женского начала сильно колеблются в различных религиозных и философских системах, начиная от активного рождающего начала древних культов Великой богини-Матери, и кончая платоновским демиургизмом, где роль женского принципа низведена до наипассивнейшего минимума. Отчасти это объясняется тем культурным и общественным положением, которое занимала женщина в то или иное время: от главенствующего – в древнем матриархальном обществе до крайне униженного – в античном. "Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что женский образ в каждой культуре предельно антиномичен: одну половину женского лика, как писал Б. Фридан, составляет "образ добропорядочной, чистой женщины, достойной преклонения, и вторую – женщины падшей, с плотскими желаниями". Каждая культура содержит и "темный" и "светлый" лики женственности". В соответствии с ними в различных религиозных системах мы встречаем злых и добрых богинь, а порой оба лика сочетаются в образе одной богини. Уже в архаичном образе Матери-Земли сливаются воедино добро и зло. Великая Мать, согласно древним мифам, не только дарует жизнь, но и забирает ее. Земля порождает растительность и человека, но она же производит на свет хтонических чудовищ. Ярким примером женской амбивалентности является так же индуистская богиня Деви, имеющая благие ипостаси: Парвати, Ума, Гауари, Аннапурна и грозные: Дурга, Кали, Чанди, Махешвари и пр. Как бы то ни было, можно выделить одну характерную для всего языческого, "андроцентрического" мироощущения особенность: верховное божество или творческий принцип наделен мужскими свойствами и, поэтому, для космогенеза нуждается в женском начале. Вот почему женский принцип, какую бы малую роль он не играл, непременно сопутствует верховному мужскому божественному принципу. А, поскольку язычество (религия и философия) вносило в область внутрибожественных отношений принцип половой дифференциации, взаимоотношения между мужскими и женскими божествами (внутри андрогинного божества), а так же – между божеством и человеком строились по образу брачных отношений (иерогамии) и носили эротический характер. И это вполне естественно, т.к. язычники строили свои представления о Боге по образу представлений о человеке, в силу чего эротический элемент в представлениях о Боге отсутствовал только в богооткровенной ветхозаветной религии, в которой не человек "создавал" себе бога по своему подобию, а Бог открывался человеку. Невозможность истинного богообщения, а, следовательно, непонимание Божественного Промысла, неизбежно приводила язычника к представлению о Создателе как о "ребенке, играющем в шашки" (Гераклит)³. А отсюда религиозная жизнь (как, впрочем, и культурно-социальная) представлялась ему неким театральным действием, игрой. "Что же это за игра?" – спрашивает Платон. И сам же отвечает:

"Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов" (Законы, VII 803с). А, поскольку демон Эрот признается медиатором между людьми и богами, то он, по слову того же Платона, "становится "... предводителем на празднествах, в хороводах и при жертвоприношениях" (Пир, 197d). Языческий ритуал – это игра, но это не бездушный обряд или формальность. "По существу, это была попытка механическим путем обрести духовную свободу". Посредством мистерий язычество стремилось разрушить свою природную ограниченность и преодолеть онтологический разрыв между падшим человеком и Богом, но до воплощения в мир Христа Спасителя это было невозможно. Поэтому, вместо желанного общения с Истинным Богом, человек вступал в общение с падшими духами, ошибочно признавая их богами (Пс.95:5). Это общение происходило в состоянии транса или экстаза. Пребывая в состоянии "одержимости богом" языческие мистики, а среди них было не мало женщин, могли толковать "волю богов", "пророчествовать" и даже творить ложные чудеса. Таким образом, посредством мистической практики язычества, в человеческую жизнь вторгалась страшная реальность присутствия падших духов, являющихся источником всякого заблуждения (Ин.8:44).

В отличие от язычества, ветхозаветный иудаизм не приписывал Богу никаких признаков мужского или женского пола. Правда, еще до Рождества Христова в иудаизме возникла проблема, связанная с почитанием женского начала в Боге. Во-первых, библейские книги Притчей Соломоновых, Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова излагают сложное для толкования учение об олицетворенной Божественной Премудрости (Хохма), что дает повод интерпретировать ее как некий женский принцип при Божественной Сущности. Во-вторых, в период первого Храма по всей Палестине и среди еврейского населения Элефантины был распространен культ богини Ашеры (вероятно, аналог финикийской Астарты, вавилоно-ассирийской Иштар или египетской Исиды), "супруги" Бога Яхве. Об этой нечестивой практике мы находим упоминания и у библейских пророков (Иер.7:17-18; 44:17; косвенно Ам.8:14). В-третьих, в связи с ассиро-вавилонским влиянием (например, изучением иудеями в вавилонском плену халдейской магии), возможно еще до Рождества Христова происходит зарождение каббалистической традиции. Иудаизм также оказался достаточно восприимчивым и к эллинской мудрости. Яркий пример синтеза двух культур можно найти в творениях Филона Александрийского (+45 г.), где, в частности, говорится о Софии. В ранних произведениях Филон, говоря о "Софии", называет ее "Матерью и Кормилицей Вселенной". Правда у позднего Филона понятие "Софии" смешивается с понятием "Логоса".

Что же касается ветхозаветных представлений об отношениях между Богом и человеком, то они порой выражаются в аллегорической форме, изобилующей эротической символикой и напоминающей об языческих мотивах священного брака (напр., в книге Песнь песней, Ос.2, Иез.16 и пр.). Здесь следует дать некоторое пояснение. Дело в том, что понятие "эрос" встречается и в святоотеческой литературе. Оно означает сильное влечение, любовь. Подобно неоплатоникам, отцы отличают искаженный эрос от преображенного. Но, если в молитвенной практике язычества мы встречаемся с проявлением искаженного эроса, возведенного в степень религиозного метода, то молитва ветхозаветных праведников является примером чистой, возвышенной любви к Богу. "Мы веруем, – говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), – что в сердце человеческом имеется вожделение скотоподобное, внесенное в него падением, находящееся в отношении с вожделением падших духов; мы веруем, что имеется в сердце и вожделение духовное, с которым мы сотворены которым любится естественно и

правильно Бог и ближний, которое находится в гармонии с вожделением святых Ангелов".

2. Секты первых веков христианства

Христианство наследовало от неповрежденного иудаизма представление о Боге как о трансцендентном, непознаваемом Существе, не имеющем половых характеристик. Христианский Бог Отец несет в Себе идею отечества исключительно по ипостасному свойству, и не нуждается, ни в богине-Матери для рождения Бога Сына, ни в матери-материи для творения космоса.

В первые века своего существования христианству пришлось столкнуться с древними религиозными представлениями, что привело к образованию множества сект, причем ближневосточный мистицизм породил харизматические секты, а эллинский интеллектуализм – гностические.

По методологии выработки своего вероучения, гностики являются одной из первых в истории синкретических сект (I-III вв.), поэтому гностицизм, приживался на любой культурной почве. Нет смысла описывать бесчисленные гностические системы. Их суть метко и лаконично выразил В.В. Болотов, назвав гностицизм "философией пессимизма". Отметим лишь несколько важных моментов.

В учении целого ряда гностических сект (напр., валентиниан и др.) в качестве низшего женского эона плеромы (полноты) фигурирует София. В результате своего страстного влечения к Отцу София выпала из плеромы, породила эон Христа, а также демиурга и дьявола, и, в конечном счете, стала Душой Мира и "матерью всего сущего". Воплощение Христа произошло вследствие схождения Софии и демиурга на Деву Марию. Как уже было замечено, концепцию Софии вполне можно считать наследием западного язычества. В то же время ряд исследователей отмечает влияние на гностиков идей буддизма. "София "... валентинианцев ..." имеет непосредственный коррелят в буддийской Праджне/Праджняпарамите ("Мудрость"/ "Совершенство Мудрости") и как мифологема, и как космосообразующий принцип, и как "дизайнерское" начало в мире". Учение о Софии Небесной и Софии-Ахамот (падшей Софии), вероятно, является отзвуком платоновского деления богини Афродиты на "небесную" и "всенародную". Таким образом, здесь нашли свое выражение представления об амбивалентности женского начала.

Любопытно, что БЦ, вобрав в себя некоторые вероучительные и методологические особенности гностицизма, формально очень схож с современным ему и не менее опасным для Церкви харизматическим движением монтанистов (III в.) – идейным антиподом гностицизма. Монтанисты были одной из первых харизматических сект в христианстве. Духовный лидер этого движения, фригиец Монтан, провозглашал себя пророком Святого Духа Параклита, возвещающим новый завет Бога с человечеством и скорый конец света. В своих многочисленных "пророчествах", которые читались за богослужением, Монтан призывал к непослушанию церковным властям и требовал от последователей крайнего аскетизма. Для нас имеет большое значение и то, что сам Монтан, вероятно, одно время был жрецом "Матери богов" – Кибеллы.

Нечто среднее между гностиками и монтанистами представляла иудео-гностическая эзотерическая секта елкезаитов или самсеев (III в.). По их учению Адам обладал истинной религией, но через женщину, воплощение греха и

заблуждения, подпал под влияния злого начала – материи. Для поддержания среди людей истинного богопочитания Господь посылал в мир Своего Духа в лице ветхозаветных праведников, но современники не понимали их и искажали истинную религию. Единственными обладателями истины сектанты считали себя. Для их учения также характерна хилиастическая идея, которую принимали даже ранние святые отцы (Папий Иерапольский (+ок.165), Иустин Философ (+ок.166), Иринеи Лионский (+202) и др.). В учении древних харизматических сект и в характерной для первых веков христианства хилиастической идее уже намечается концепция Третьего Завета, периоде предапокалиптического земного благоденствия Церкви, Царствия Небесного на земле.

Помимо упомянутых идей, в вероучении БЦ нашли свое отражение взгляды целого ряда других раннехристианских сект. Упомянем лишь о модалистах (Шв.), учивших о том, что Три Лица Святой Троицы являются модусами Единого Бога, как бы масками, которые Он примеряет и о манихеях (Шв.), для дуалистического учения которых было характерно представление о материи как о зле.

Наконец пришло время поговорить и об искажениях, связанных с неверным почитанием Пресвятой Богородицы. Судя по всему, первое свидетельство о культовом почитании Божией Матери относится к ереси коллиридиан (IVв.). Она представляла собой синтез культа богини Астарты с поклонением Божией Матери.

Православное почитание Богородицы как литургический культ складывается лишь к V-му веку. После III-го Вселенского Собора (431 г.) культ Божией Матери получил мощное развитие, но, говоря о Деве Марии, Церковь по сей день "избегает догматических определений. Она прибегает к языку молитвенной поэзии", поэтому православное учение о Божией Матери не имеет догматического оформления, и является предметом молитвенного созерцания Церкви. За столетия своего существования православный культ Божией Матери украшался новыми молитвословиями, иконографиями и богородичными праздниками, но никогда не выходил за рамки ортодоксальности. Пожалуй, до появления "Богородичного центра" Православный Восток не имел "марианских" сект. Что касается вопроса о Софии, то в восточной традиции Премудрость Божия всегда ассоциировалась со Второй Ипостасью Святой Троицы – Божественным Словом (ср.: 1Кор.1,24), иногда – со Святым Духом (напр., св. Феофил Антиохийский (+186), св. Иринеи Лионский). Иначе обстояло дело на Западе. Уже у блаженного Августина (+430), богослова и мыслителя во многом предопределившего путь развития католического богословия, встречается учение о Нетварной Софии, отождествляемой с Божественным Логосом и Тварной Софии, которую автор называет "Невеста-Сион", "Дочь Сиона", "Мать-Иерусалим" или просто "наша Мать". Здесь же следует упомянуть и о другом западном философе и богослове, который считается "отцом схоластики", Боэцие (+524). В трактате "Утешение философией" он описывает явление ему Философии в образе женщины с горящими глазами. И, хотя, скорее всего, мы имеем дело с художественным приемом, этот образ оказал значительное влияние на развитие средневековой софиологии.

3. Рыцарство и католицизм

По прошествии "темного" X-го века и трагического разделения Церквей (1054 г.), наступает эпоха крестовых походов (1096-1270г г.). В этот период в Европе происходит рождение особого социального класса – рыцарства. Раннее

средневековье для нас интересно в первую очередь тем, что в это время (конец XI – начало XIIв.) на волне рыцарской культуры возникает, так называемый, культ Прекрасной Дамы. Он зарождается на юге Франции, в Провансе, оттуда переходит в северную Францию, а далее – в Германию, Англию и Италию. Во Франции создателей и пропагандистов этого культа называли трубадурами или труверами (от фр. – "изобретать"), в Германии – миннезингерами ("певцами любви"). Исследователи указывают целый ряд культурно-социальных причин для возникновения культа Прекрасной Дамы: улучшение положения женщины в обществе, открытие в эпоху раннего средневековья языческих поэтов (например, Овидия), частные интересы вассалов и странствующих менестрелей, но главная причина заключалась в другом. Весь западный мир оказался оторванным от благодатных корней церковной традиции. И нет ничего удивительного в том, что в лице рыцарства запад создал особый, отличный от церковного, этический идеал. Не имея представления о возвышенном Божественном эросе, рыцарство стало проповедовать преобразующую силу утонченно-чувственного эроса. Согласно рыцарским кодексам чести, рыцарь должен был культивировать в себе особые добродетели, что было возможно лишь при помощи куртуазной любви – "Минне" (Minne). Рыцари считали, что истинная любовь – это "высокая любовь к даме, к жене своего сеньора. Та же любовь, которая удовлетворяется в браке, не высока. Высока та, которая включает и подчинение, и преклонение. Отсюда – разработанная процедура любви". Взаимоотношения между рыцарем и дамой скреплялись обрядом посвящения, который кощунственно имитировал таинство брака. С этого момента рыцарь был обязан непрерывными подвигами прославлять имя своей Дамы, страдать и томиться от любви к ней, не надеясь при этом на взаимность (напрашивается параллель с идеей священного брака и практикой самооскопления во фригийском культе Кибелы). И действительно, "избраннице сердца поклонялись как богине", а выработанный церемониал уподоблялся мистериальному. Кроме того, рыцарский культ Прекрасной Дамы был призван возродить идеал "платонической любви". Но даже "глубокие черты аскетичности, мужественного самопожертвования, свойственные рыцарскому идеалу, теснейшим образом связаны с эротической основой этого подхода к жизни и, быть может, являются всего-навсего нравственным замещением неудовлетворенного желания". Рыцари ставили перед собой утопическую цель – без Божией помощи, посредством культа чувственной любви, преобразить себя и мир. "Однако в своей этической функции рыцарство то и дело обнаруживает несостоятельность, неспособность отойти от своих греховных истоков. Ибо сердцевиной рыцарского идеала остается высокомерие, хотя и возвысившееся до уровня чего-то прекрасного". Именно поэтому подлинный смысл куртуазной любви заключен не столько в поклонении объекту любви, сколько в переживаниях ее субъекта. Не случайно в лирике трубадуров героиня практически лишена индивидуальных черт, а любовь превращена в "веселую науку" (от фр. *le gai savoir; la gaie science*). По существу весь образ жизни рыцаря, с его строгим регламентом и бесконечными ритуалами возрождал языческие представления о жизни как об игре, в которой роль женщины искусственно завышалась.

На рубеже XI-го и XII-го веков возникает целый ряд религиозных сект, объединяемых общим названием "нищенствующие братья" (катары, альбигойцы, патарены, богомилы, арнолдисты, вальденсы и пр.). Они ставили перед собой задачу возрождения благочестия первых христиан. На практике это были манихеи (часть из которых некогда обосновалась в Равенне и Болгарии). Подобно древним манихеям, они придерживались крайнего дуализма, считая все материальное, в первую очередь – плоть, источником зла и греха, а душу – божественной узницей, томящейся в оковах плоти. "Поэтому ради спасения души

предполагалось "... изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей". То обстоятельство, что куртуазная культура зародилась именно в Провансе, далеко не случайно. На юге Франции, в городе Альби к XI-му веку сложилось мощное манихейское движение, последователи которого по названию города стали именоваться альбигойцами. Доподлинно о них известно очень мало. Например, они много говорили о любви, как божественной, так и земной (папской столице, Риму (лат. Roma) они противопоставляли любовь (т. е. "Roma" наоборот – amor). Несомненно огромное влияние альбигойского движения на формирование куртуазной культуры трубадуров (кстати, достигшей наибольшего расцвета именно в Альби). Поэтому, когда в 1209 г. папа Иннокентий III объявил против альбигойцев крестовый поход (т. н. "альбигойские войны" (XIII-XIV вв.)), что в свою очередь послужило поводом к рождению инквизиции (т. н. "первая инквизиция"), вместе с сектантами-альбигойцами была уничтожена и куртуазная культура. Спасаясь от инквизиции многие "нищенствующие братья" поступали в орден францисканцев. Вполне вероятно, что западный культ Мадонны обязан своей популярностью именно "нищенствующим братьям", из среды которых он перекочевал к францисканцам, а уже с их помощью был ассимилирован и развит официальной католической церковью.

Формализм в западной культуре предопределил основные тенденции в развитии католического богословия и породил схоластику. В результате чего средневековое богословие, изначально ориентированное на Римское право, переняло черты рыцарских кодексов. Суть Искупления Христом человеческого рода свелось к принесению "удовлетворения" (satisfakcio) Богу Отцу, "оскорбленному" преступлением Адама, что неминуемо требовало кровопролития. О несостоятельности "юридической" теории Искупления в самой своей основе свидетельствует риторический вопрос, заданный Господом ветхозаветному пророку Иеремии в связи с почитанием израильянами языческой богини: "Но Меня ли огорчают они? говорит Господь; не себя ли самих к стыду своему?" (Иер.7:19). Это ложное представление о Боге как о жестоком, обидчивом и мстительном Существе делали средневекового человека безответным в его неистовом устремлении к Небу.

В то же самое время (XII в.) калабрийский аббат Иоаким Флорский (+1201 г.) проповедовал наступление Третьего Завета (Завета Святого Духа), который, по его мнению, должен был наступить после Ветхого Завета (Завета Отца) и Нового Завета (Завета Сына). Иоаким Флорский чаял нового излияния благодатных даров Святого Духа, и, хотя его учение впоследствии было осуждено католической церковью как ересь, оно явилось красноречивым симптомом того, что в западном мире наступил духовный голод.

Это ощущение пустоты вскоре стало всеобъемлющим. К XII-му веку в западном сознании началась серьезная трансформация: на смену тяжеловесной романской культуре (X-XI вв.) пришла возвышенная готика (XII-XV вв.). В это время, и в искусстве (архитектуре, декоре, музыке и пр.), и в человеческих душах происходило "безудержное рвение ввысь, вплоть до невесомой трактовки всего устойчиво-неподвижного и всего устойчиво-осуществленного", это был "взлет с целью вообще превратить все материальное в духовную невесомость".

Лишившись источника подлинно духовной жизни, Запад создал утонченно-душевную культуру, характеризующуюся склонностью к аффектам, экзальтации и

даже некоторой истерии. Отсюда вполне закономерно, что средневековое католичество было пронизано унаследованным от язычества ужасающим ощущением близости демонических сил. В борьбе с демонами, напоминания о которых встречались на каждом шагу (достаточно вспомнить лепнину готических храмов или книжную миниатюру), каждый член Церкви воюющей был обязан явить себя рыцарем. По мнению ряда исследователей, именно страх средневекового человечества перед "жестоким" Богом и "вездесущими" демонами стали причиной того, что "весь готический пыл обратился на Царицу небесную Марию, Деву и Мать". Согласно свидетельству апостола Иоанна Богослова, "совершенная любовь изгоняет страх" (1Ин.4:18), а если в душе гнездится страх – в ней нет места совершенной любви, но зато есть место низменной. Как утверждают современные психологи, "вследствие неосознаваемого влияния тревожности "... "происходит" возрастание сексуальных потребностей". Можно встретить и более смелое утверждение: "половое возбуждение есть одна из форм истерии". Может быть не в столь резкой форме это было понятно и средневековому человеку, и, "в силу того, что небесная любовь обрела свое сосредоточие в одном образе "Девы Марии", любовь земная сделалась родственной дьяволу. Женщина – это грех, так виделась она великим аскетам, и так же воспринималась она в античности, в Китае и Индии". О несовершенстве женской природы учил и Аристотель, чья философия была взята за основу западной схоластики. По причине этого несовершенства, женщина считалась более подверженной влиянию нечистой силы и предрасположенной к колдовству. Фомой Аквинским было разработано учение об "инкубах" и "суккубах". Некоторые схоласты даже учили о том, что дьявол входит в силу лишь через женщину. Показательно, что на ведовских процессах, устраиваемых инквизицией, из всех обвиняемых в колдовстве две трети составляли женщины.

Недобрая репутация женщин отчасти усиливалась статусом женщины в некоторых средневековых сектах. Например, у катаров женщина объявлялась существом сатанинским, и поэтому сектантами отвергался институт брака. Но, в то же самое время, у катаров и вальденсов женщина имела право быть священником. Средневековая история знает примеры, когда роль женщины в сектах была весьма высока. Так гулельмиты учили о том, что только женщина может спасти человечество и т.о. открыть новую эру в его истории. Свою основательницу Гулельму (+1281 г.) сектанты считали воплощением Святого Духа. Инкорнацией Святого Духа считали женщин и псевдо-амальриканы. Таким образом, и в древней, и в средневековой культуре мы встречаемся с идеей тесной связи женщины с духовным миром, причем явления этого мира могут иметь, и Божественную, и демоническую природу. Средневековая "идея связи женщины с потусторонним миром обусловлена представлением об "инаковости" женщины, взглядами на нее как на "другого". Женщина потому "ведьма", что она "святая". "... Эта амбивалентность женской природы является неким инвариантом, который присущ андроцентричной культуре как таковой".

Хотя куртуазное мировоззрение было фактически искоренено первой инквизицией, оно оказало огромное влияние на формирование западного сознания, особенно – религиозного. Здесь в первую очередь следует иметь в виду католическую мистику, которая в своей методологии уклонилась от царского пути трезвенной православной аскезы и опустилась до уровня языческой психотехники. Подобно опыту "естественных" религий, "мистический опыт католичества – антропологичен, в нем напрягается и вибрирует человеческая стихия, человек тянется к объекту своей любви – Богу и доходит до экстаза пьянящего, страстного". Эта "страстность" находит разнообразное выражение в

медитативной практике западных "святых". Наиболее откровенно она выражена в "мистике любви" (Катарина Сиенская, Тереза Авилльская, "блаженная" Анжела и пр.), "которая часто сопровождается сексуальными аффектами" и – в более завуалированной форме – в "мистике страданий" (Франциск Ассизский) или "мистике Сладчайшего Сердца Иисуса" (Маргарита-Мари Алакок), с их "мистическим анатомизмом" и "эротическим самоучительством".

В контексте православного религиозного опыта католическая мистика не может восприниматься иначе, как прелесть. Вот, что пишет о причинах и проявлениях прелести замечательный православный подвижник и исихаст Григорий Синаит (+ок.1345 г.): "Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше сказать находит – в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину "...". Первый образ прелести – от мечтаний. Второй образ "...". начало свое имеет "...". в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. В этом состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания "...". бес непотребства омрачив ум их сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать их слова и видеть лица". Сначала католические иерархи и богословы-схоластики осознавали "прелестность" подобного религиозного опыта, но со временем, некогда трезвый, но потерявший духовные ориентиры, западный ум стал видеть в католической мистике проявление святости.

По мере профанации религиозной жизни, в ней усилился элемент игры. Это утверждение хорошо иллюстрируется развитием средневековых мистерий, которые из литургического действия, совершаемого священнослужителями в храме, превратились в религиозную драму, исполняемую актерами на городской площади. Отсюда можно заключить, что необходимость в игре появляется тогда, когда предмет религиозного (эстетического и т.д.) созерцания отрывается от реальности и абстрагируется. Ибо, "когда предмет знания абстрактен, а процесс его познания очень жизнен и напряжен, то в силу неудовлетворенности самого предмета образуется бесплодное воспаление и разгорячение этого процесса "...". Это кровавое разжжение вообще характерно для всякого мистического сектанства". В отличие от католической мистики, православная "чужда чувственности и отличается трезвенностью. Ей остается чужд культ адорации св. даров вне причащения "...". так же как и культ сердца Иисусова, сердца Богородицы, пяти ран и под. Вообще в мистике православия не только не поощряется, но и всячески изгоняется воображение, которым человек старается чувственно представить и пережить духовное".

Вполне закономерно, что в контексте "полуязыческого" западного мироощущения Богородица незаметно начинает ассоциироваться с богиней-Матерью и, в некотором смысле замещает Христа. И в этом католицизм упрекают не только светские ученые, но и церковные. Образ Пресвятой Девы (Madonna) также сливается с куртуазным образом Прекрасной Дамы (Donna), причем "слияние образов Прекрасной Дамы и Девы Марии позволяет говорить даже об эротическом отношении к Мадонне". Это смелое утверждение можно подкрепить, сославшись на одну характерную черту католического изобразительного искусства. Лик Девы Марии, в отличие от изображения Христа, не имел четко выработанного иконографического канона, и поэтому, начиная с раннего средневековья, западное искусство воплощало в образе Мадонны свои представления о женской красоте. Уже в XII-м веке лик католической Мадонны сильно отличался от православного образа Богородицы.

Кратко перечислим некоторые вехи формирования культа Мадонны на Западе. XI-XII века – возникли особые молитвословия, посвященные Деве Марии. Их авторы Петр Дамиани (+1072 г.) и Бернар Клевросский (+1153 г.). Излюбленным сюжетом готического искусства становится коронование Царицы Небесной. В честь непорочного зачатия Девы Марии лионские каноники установили праздник, ставший в XIV-м веке практически повсеместным. XIII-й век – с именем преподобного Доминика (+1221 г.) связано появление особой медитативной молитвы Святой Деве по четкам – "Розарий". В конце XIV-го века символическим образом непорочного зачатия становится изображение Богородицы в виде Апокалиптической Жены, обличенной в Солнце. XV-й век – Бернардин Сиенский (+1444), горячий сторонник принятия догмата о непорочном зачатии, составляет ряд служб Деве Марии. К этому же веку относится и составление "Мессы Марии". XVII-й век – с именем Иоанна Еудеса (Иудея -?) (Eudes) связано появление культа Непорочного Сердца Божией Матери.

4. Средневековые мистики

Поворотным пунктом в истории европейской цивилизации явилась эпоха Возрождения (XIV-XVI вв.), сменившая готику. В этот период происходит реанимация античных (языческих) представлений о человеке, не учитывающих данности первородного греха, что в конечном итоге привело к культу человеческого тела и нравственной разнузданности. Антропоцентризм ренессанса порождает гуманизм и утопизм (безбожный эквивалент хилиазма). Бог отступает на второй план, вследствие чего религиозные представления характеризуются бессистемностью и адогматичностью. Смешение различных культур становится благодатной почвой для появления новых антисистем. Гуманисты, принимая эстафету у гностиков, пытались осуществить синтез христианства с античными мистическими учениями и, таким образом, создать универсальную мистическую религию. Все это стало причиной невиданного доселе расцвета оккультизма. Возникают синкретические секты, эзотерические общества, мистические ордена, масонские ложи, причем часть из них образовалась вследствие вырождения рыцарско-монашеских орденов (тамплиер, госпитальеры, розенкрейцеры). "Побочным, но очень характерным продуктом ренессансного увлечения оккультным стало распространение демонических культов. С другой стороны, вместе с кризисом средневекового сознания и средневекового уклада жизни в народных низах рос страх перед дьяволом и его слугами. Пик демономании и "охоты на ведьм" вопреки широко распространенному мнению приходится не на "мрачное" средневековье, а именно на эпоху Возрождения".

Во многом, интерес к темной мистике подогревало появление в Европе каббалы, в которой нашли свое отражение элементы восточной мистики, пифагорейства, неоплатонизма и гностицизма. Это произошло в XIII-м веке, тогда же была написана одна из самых авторитетных каббалистических книг "Зохар". Каббала вводит концепцию шехины ("шехина" буквально переводится с еврейского как "присутствие", "обитание"), которая одновременно является, и женским началом в божестве Эн-Соф ("не-ничто"), и божественным присутствием в мире. Это присутствие представляет собой цепь божественных эманаций-сефиротов. Одним из высших сефиротов является София-Хохма. Следует отметить, что, хотя София-Хохма и занимает более высокое положение в иерархии эманаций, нежели гностическая София, она еще не является Душой Мира. Это значение она приобретет в более поздних софианских построениях, а в каббалистической системе функция Идеи идей отводится Адаму-Кадмон. В каббале нашла свое выражение идея иерогамии ("зивуг"): "соитие признается в каббале основной категорией миротворения".

Более того, "по учению каббалистов единственный канал, через который благодать Божия изливается на человека, – это брак". Интересно также отметить, что иногда каббалисты называют сефироты "божественными ликами" или "лицами"³. Наконец, каббала считает Бога причиной зла в мире и признает переселение душ.

Очевидное увлечение оккультными науками и особенно каббалой, а так же реакция на схоластический застой в религиозной жизни Запада породили особый род средневековой мистики. Нам следует обратить серьезное внимание на это мистическое течение, т.к. его интуиции оказали особо сильное влияние на формирование "марианской" доктрины. Во-первых, средневековые мистики воскресили учения о Софии, которого древняя Западная Церковь практически не знала. Во-вторых, они впервые в истории христианской мысли возвели Софию в ранг "Идеи идей" мира. Здесь в первую очередь надо сказать об "отце западной софиологии" Якове Бёме (+1621 г.), и его последователях. Но самое главное для нас заключается в том, что именно в этой среде оформилось учение о воплощении Софии в лице Девы Марии. Ассоциация Софии с Богородицей уже была намечена католическими святыми Хильдегард из Бингена (+1179 г.) и Генрихом Сузо (+1366 г.). Последнему София представлялась в образе Прекрасной Дамы, "Возлюбленной", которой он должен был служить как рыцарь. "В его мистике, – замечает отец Георгий Флоровский, – повторяется вся эротика Миннезанга". Здесь же следует упомянуть и Валентина Вейгеля (+1588 г.), в трудах которого встречается выражение "София-Мария". Но несомненное первенство в этом вопросе следует вновь присудить Якову Бёме. Трудно переоценить его значение для последующей софиологии и мариологии. Основным источником его построений была каббала. По учению Бёме, София – Сотворец и Мать мира, космическая посредница между Богом и творением. Она является отражением нетварной Божественной Мудрости – Святого Духа, которого Бёме называет "Духом-Матерью". Саму Софию он именует Небесной (или Божией) Девой, которая для рождения в мир Спасителя "взяла душу Девы Марии и облекла ее новым чистым одеянием святых стихий". Взаимоотношения между визионером и Софией строятся по принципу отношений между мужем и женой: "О жених мой, – восклицает София, обращаясь к Бёме, – как мне хорошо в браке с тобой. Со всей страстью своей поцелуй меня "!!? -д.И." в силе мощи твоей, ибо я хочу показать тебе все мои сокровища и обрадовать тебя моею сладкою любовью". Комментарии излишни. К сказанному добавим, что вслед за каббалистами Бёме считает Бога источником зла в мире. Его доктрину развивали многочисленные последователи: Джон Пордейдж (+1683 г.), Джейн Лид (+1704 г.), Иоанн Георг Гихтель (+1710 г.), Готфрид Арнольд (+1714 г.) Иоанн Яков Вирц (+1858 г.) и пр. Сюда же можно отнести и католическую святую Анну Катарину Эммерих (+1824 г.). В 1670 г. Пордейдж и Лид организовали "Филадельфийское общество", члены которого исповедывали Софию своей телесной матерью, а себя считали софийными существами, рожденными в мудрости. Своей задачей Филадельфийское общество ставило восстановление совершенного человека, воссоединение Церквей, мир и рай на земле. Вирц считал себя пророком, вестником Царствия Божия на земле, Царствия Святого Духа (Третьего Завета). Он создал "Общество Назареев" и призывал своих последователей присягнуть на верность Небесной Матери (Софии-Марии), которую, вслед за Бёме, считал своей подругой, матерью и супругой одновременно.

Вероятно под влиянием "софианской" мистики возникла и чисто "марианская". Ее родоначальником можно считать католического святого Луи Мари Гриньон де Монфора (+1716 г.), который учил о необходимости совершенного посвящения

своей жизни Деве Марии. "Пречистая Дева Мария, – писал Монфор, – есть как бы великая литейная форма Господа Бога, созданная Духом Святым. "... У этой формы есть все божественные черты; всякий, кто брошен в эту форму и кто дает себя обработать, получает в ней все черты Господа нашего Иисуса Христа, истинного Бога. Это происходит мягко, "... без больших мучений и трудов". Учение Монфора породило великое множество марианских орденов, обществ, братств и пр. Конечно подобные общества существовали и раньше, но лишь после распространения учения Монфора они приобрели особый мистический характер.

Труды западных визионеров произвели серьезный переворот в католическом сознании. Во-первых, образ Софии, традиционно ассоциировавшийся со Христом получил ипостасную автономию. Во-вторых, София сблизилась (вплоть до отождествления) с Ипостасью Святого Духа и, т.о., стала активным субъектом мироустройства, причем и Святой Дух и Его "отражение" – София приобрели феминные черты. И, наконец, произошло отождествление "Небесной Девы" – Софии с Девой Марией. А, поскольку средневековое учение о Софии отчасти заменило собой древнее учения о Матери-Церкви, Дева Мария, ко всему прочему, стала провозглашаться еще и Матерью-Церковью. Как уже говорилось, западная религиозность приобрела антропоморфные черты, А для антропоцентричного мироощущения "не может быть ничего ценнее веры в человечность "курсив авт. - д.И." Божественной Премудрости". Параллельно с "вочеловечением" Софии в католическом сознании происходит процесс обожествления Девы Марии. Мать Божия постепенно отрывается от человечества и смещается в область божественного, все сильнее приобретая черты Великой богини-Матери. В XIX-м веке эти тенденции были закреплены новым католическим догматом "О непорочном зачатии Девы Марии" (1854 г.).

5. "Новая Эра"

Итак, мы дошли до середины XIX-го века. Этот период можно назвать одной из узловых точек в религиозной истории человечества. В это время полагается начало глобального синтеза мировых религий (попытки гуманистов имели локальный характер). В первой половине XIX-го века происходит новый всплеск мистических движений. Оккультный опыт западного мира, столетиями накапливаемый в эзотерических сектах, теософских кружках и масонских ложах со скоростью эпидемии заразил Америку и Европу. Запад заполонили оккультисты, спириты, медиумы и всевозможные контактеры с "астральным миром". Эзотеризм превращался в экзотеризм. Подобные процессы происходили и на Востоке, где проснулся интерес к индуистской мистике. Здесь следует упомянуть о радже Раммо Хун Ройе (+1835 г.) и особенно об отце неопантеизма – Рамакришне (+1886 г.). Ему принадлежит первая серьезная попытка религиозного синтеза. Он распространил учение об аватарах (воплощениях верховного бога Вишну) на Христа и разработал учение о мистическом единстве всех религий. Особый интерес для нас представляет его учение о богине-Матери. Подобно своему предшественнику Рампрадасу Сену (+1775 г.) Рамакришна был истовым поклонником богини Кали. "Сделай так, о Мать, - молился Рамакришна, - чтобы Твое дитя, очарованное обаянием Твоих волшебных сил [Майи], не забывало Тебя, запутавшись в красивой сети Самсары, которую Ты выткала. Сделай так, чтобы Твое дитя не прельстилось ими. О добрая Мать, разве Ты не знаешь, что Твое дитя не имеет никого в мире, кроме Тебя". Таким образом, в учении Рамакришны, Великая Мать признается главным и единственным движущим принципом во вселенной. При этом, она объявляется причиной, как добра, так и зла. Но учение Рамакришны проникло на Запад лишь в конце XIX-го

столетия с проповедью Вивекананды (+1902 г.), в результате чего произошла вторая, более успешная попытка религиозного синтеза. Ее произвела Е.П. Блаватская (+1891 г.), которая в 1875-м году основала "Теософическое общество". За основу своего синкретического учения Блаватская взяла идеи индуизма и буддизма (надо сказать, сильно искаженные). Помимо этого, учение Блаватской было теснейшим образом связано с каббалистической традицией в ее масонско-окультной интерпретации. В книге "Тайная доктрина" Блаватская изложила учение о безличии бога, о перевоплощении душ, о "Великих Посвященных", о наступлении через 25 тысяч лет "Новой Эры" и о рождении "Шестой расы", обладающей оккультным сознанием. Вскоре учение Блаватской завоевало всемирную популярность. Ее дело продолжили Ани Безант (+1933 г.) и Алиса Бейли (+1949 г.). По прогнозам Безант наступление "Новой Эры" должно произойти не через 25 тысяч лет, а уже в конце XX-го столетия. В это же время должно состояться пришествие в мир "спасителя". Таким образом, теософия Блаватской объединила почти что все формы нехристианской религиозности.

В XIX-м веке оккультный подъем затронул не только антицерковные круги, но и практически все христианские деноминации. В первую очередь был поражен протестантизм. В его среде появилось множество харизматических (Новоапостольская церковь, Пятидесятники и пр.) и эсхатологических сект (Адвентисты, Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа святых последних дней и пр.). Многие лидеры этих сект (Джозеф Смит (+1844), Елена Уайт (+1915) и др.) объявили себя обладателями новых откровений. Они проповедовали обновление христианства через новое излияние даров Святого Духа, скорое наступление тысячелетнего царства (хилиазм) и кончины мира.

В то же самое время возросло число случаев визионерства в католичестве. С 1830 г. начинается период, называемый марианами "Веком Богородицы". За все это время произошло более трехсот явлений "Девы Марии". Перечислим самые известные явления: 1830 г. – Парижское явление, в котором "Богородица" открылась послушнице Катарин Лабурэ как "Непорочная Дева" и "Посредница благодати". Субъект откровения повелел юной послушнице отчеканить медаль с изображением явления. На медали должны были быть изображены два сердца (Христа и Марии). Это явление способствовало принятию догмата "О непорочном зачатии" и развитию культа Сердца Пресвятой Богородицы. 1846 г. – явление в Ля Салет (Франция). 1858 г. – Лурд (Франция) – свидетельницей целого ряда (18) явлений стала четырнадцатилетняя Бернадет Субиру. Сначала незнакомая дама не называла себя и лишь во время шестнадцатой встречи произнесла: "Я есть непорочное зачатие". Особый интерес для нас представляет Фатимское (Португалия) явление, произошедшее в 1917 г. Прекрасная молоденькая "барышня" в белом (именно так она была воспринята) являлась на протяжении шести месяцев (6 раз) троим детям Лючии дос Сантос, Франциску и Жасинте Марто. "Барышня" повелела детям ежедневно молиться Богородице по четкам ("Розарий") о водворении мира, "т.к. только Она одна может даровать его миру", терпеть страдания в качестве искупительной жертвы за многочисленные грехи, которыми люди оскорбили Бога. Но самое важное повеление – посвятить весь мир "Пренепорочному Сердцу Марии". "Иисус хочет, – сказало видение, – установить в мире поклонение Моему Пренепорочному Сердцу. Тем, кто предаст себя Ему, Я обещаю спасение". Особый упор был сделан на посвящение России. Его должен был совершить папа Римский с собором католических епископов. "Если на просьбы Мои откликнутся, Россия обратится и настанет мир, если же нет, то она распространит свои заблуждения по всему миру "... Но в конце Пренепорочное Мое Сердце восторжествует. Святой Отец "папа -д.И." посвятит Мне Россию,

которая обратится, и на некоторое время будет дарован мир". Последняя просьба была открыта Лючией только в 1929-м году. Часть "откровений" не опубликована по сей день. К другим знаменитым явлениям относятся Гарабандальское (Испания) (1961 г.) и Меджугорское (Югославия) (1981-1995гг).

Несмотря на многотысячные паломничества к местам явлений и случаи исцелений, Ватикан признал истинными лишь пять явлений (Гваделупа (1531 г.), Париж, Ля Салет, Лурд, Фатима). Некоторые явления (напр., в Херольдсбахе (Германия) (1949 г.), Некеда (США)) были признаны ложными. Тем ни менее популярность культа Марии неуклонно росла. В 1950-м году был провозглашен новый догмат "О телесном вознесении Божией Матери". В его формулировке момент смерти Богородицы был пропущен, хотя сам факт смерти большинством католических богословов признается. "Но, если признать, что Божия Мать все же умерла, хотя Она и не была под виной первородного греха, то значит смерть Ее была добровольной "... и искупительной! Католики так и говорят, именуя Божию Мать Соискупительницей". Вопрос о догматическом оформлении этого учения поднимался на II-м Ватиканском Соборе (1962-1965г г.), но, хотя и имел много сторонников, рассмотрен не был .

В 60-е годы XX-го века в молодежной среде зарождается глобальная антисистема. Одной из причин ее возникновения послужила т.н. "сексуальная революция", в свою очередь, вызванная пропагандой восточных культов, феминизма и фрейдизма, учения о сексуальной страсти (libido) как об основном мотивационном источнике человеческой деятельности. Культурно-философский аспект нового течения выражен идеологией постмодернизма, признаками которой являются адогматизм, синкретизм, релятивизм и игра, возведенная в принцип жизни. "Для постмодернизма характерен взгляд на мир как на спектакль, сплошное грандиозное шоу, в котором человеческие представления о реальности оказываются производными от человеческих же систем ее репрезентации". "Это означает прежде всего размывание всяческих границ – культурных, этических, эстетических, религиозных, церковных". Рожденное постмодернизмом "духовное состояние" нашло свое религиозное выражение в движении New Age, которое "является конечным продуктом оккультно-мистической традиции и концентрирует в себе весь опыт человечества в этой сфере". Его по праву можно называть "религией антихриста". Не смотря на свою аморфность и бессистемность, New Age имеет ряд характерных черт: признание равенства всех религий (предпочтение отдается язычеству, оккультизму и восточным культам), учение о безличном боге (вообще отрицание личности), признание перевоплощений, получение "откровений" от внеземных существ, эволюция человека в божество, практика различных техник изменения сознания, стремление к глобальному порядку. Главная особенность New Age (давшая название движению) – ожидание "Новой Эры" и "нового человечества", о которых говорила еще Блавацкая.

Подобные пророчества были даны и в сочинениях Гриньон де Монфора: "К концу времен и, может быть, раньше, чем думают, Бог воздвигнет великих людей, исполненных Духа Святого и духа Марии Девы "?! -д.И.". Через этих святых людей Владычица и Царица Небесная совершит в мире великие чудные дела, дабы истребить грех и утвердить царство Иисуса Христа, Сына Своего, над миром развращенным; сии святые люди придут к совершению всего именно путем истинного почитания Пресвятой Девы "курсив авт.". Вероятно, эти слова можно отнести к людям, которые называют себя "пророками Девы Марии". Во второй половине XX-го века этими людьми было создано множество "марианских" сект:

Гарольд Колган (+1972 г.) после исцеления Богоматерью в 1947 г. основал в США "Апостольское Движение Фатимы" (Fatima Apostolat) или "Голубую Армию Марии" (Blaue Armeee Marien). Эта организация была создана для молитвенного противостояния коммунизму (Красной Армии), отождествляемому с апокалиптическим "красным драконом" (Откр.12:3). В образе "Жены, облеченной в солнце" (Откр.12:1) сектанты видят Деву Марию, которой необходимо посвятить себя во исполнение Ее повеления, данного в Фатиме. Х. Тернер и Годенсия Аоко (род. 1943 г.) в 1963 г. основали в Кении "Орден Церкви Девы Марии" (Legio of Mary Church). Вероучение секты представляет собой смесь католичества и "откровений" лже-Марии, подаваемых через Годенсию. Известны случаи ассимиляции секты местным язычеством. Секта "Дело ангелов" (Engelwerk) выдвигает следующее учение: "поскольку Бог и Христос отвратили свои лики от человечества, мы имеем дуалистическую связь с Марией (как каббалистической обителью Бога!) и дьяволом. ..." Человеку, привязанному к материальному, следует войти в сношение (наподобие брачных) с ангелами, носителями духовного". Большой интерес для нас представляет многотысячное "Марианское движение священнослужителей" (Marianische Priesterbewegung), основанное в 1972 г. миланским католическим священником Стефано Гобби. На протяжении долгих лет он получает "откровения" от "Девы Марии", но его учение основывается также на "откровении Марии" по всему миру. Приведем несколько красноречивых цитат: "Это время "имеется в виду наше время -д.И." господства Моего "Марии" супостата, красного дракона, сатаны "...". Чем сильнее Мое присутствие, тем ближе Моя победа и окончательное поражение сатаны "...". Господь посылает Меня вам дабы спасти вас" (11.02.1988). "Посвятите себя Сердцу Моему, доверьтесь Мне "...", ибо наступит час, когда Мое Непорочное Сердце будет прославлено перед Церковью и всем родом людским" (11.06.1988). Тогда "оставшиеся "члены "марианского" движения -д.И." Мною подготовленные и собранные, должны будут принять Христа, вновь сошедшего к вам в великой славе, и тем самым положить начало новой эре – Царству Мира" (13.05.1991).

Судя по последней цитате, идеология "марианских" сект, большинство из которых разорвали отношения с Ватиканом, вполне вписывается в общее направление сознания New Age. Со стороны "ньюэйджеров" тоже заметны ответные шаги. В этих кругах очень популярна идея преобладания в "Новой Эре" женских ценностей. Отчасти на формирование данной парадигмы оказало влияние развитие феминизма и ожидание т.н. постиндустриальной эпохи. Помимо этого, внутри движения New Age (особенно в его феминистическом крыле) происходит активное возрождение культа Великой богини-Матери.

6. "Святая Русь"

По своей направленности БЦ является типичной "марианской" сектой. Это видно уже из того, что первоначально ее вероучение и религиозная практика были "поверхностно католизирующими". Но во второй половине 90-х идеологи секты стали чаще обращаться к отечественной религиозной истории, предоставляющей им обширный материал. На сегодняшний день БЦ во многом самобытен, поэтому нам необходимо уделить особое внимание описанию локальных предпосылок его возникновения.

На XIX-м Богородичном соборе (16-17.10.1999 г.) большое внимание было уделено славянскому язычеству. И это не случайно, т.к., пожалуй, доминирующим религиозным мотивом славянских верований является почитание "Матери-сырой земли". Богиня земли именовалась Макошь. "Имя этой богини все время

упоминается в поучениях против язычества XI-XIVвв. Данные этнографии XIXв. говорят о вере на русском Севере в Макошь". Особенностью славянской богини Земли является ее продолжительная независимость от бога Неба. После крещения Руси (988 г.) излюбленные религиозные мотивы почитания Матери Земли трансформировались в концепцию Святой Руси (в смысле Святой Земли), которая, в свою очередь, легла в основу идеи русского мессианства. В XVIв. на этой почве появилась концепция "Москва – Третий Рим", в которой миссия Святой Руси была представлена в эсхатологической перспективе. Особое место в упомянутом учении отводится монархии. О.Н. Рябов видит здесь отражение мотива мифологической иерогамии: "Идея иерогамии (священного брака) Князя и Земли, Батюшки-Царя и Матушки-Руси "... играла важную роль в конституировании власти русских правителей".

Расположенность Руси к феминным ценностям выразилась и в усиленном почитании Пресвятой Девы. По мнению Н.А. Бердяева, культ Богородицы столь сильно пронизывает всю русскую религиозность, что ее будет более верно назвать религией не Христа, а Богородицы. Хотя с этим утверждением невозможно согласиться, оно все же имеет под собой некоторые основания. Действительно, Россия издревле считалась особым "уделом" Божией Матери, поэтому "в древнерусской культуре, в народной религиозности образ Богородицы нередко сливается с образом Матери-сырой земли". Поэтому нельзя отрицать тот факт, что крайности, встречающиеся в почитании Девы Марии на Руси, не менее уродливые, чем на Западе. Но, "если на Западе культ Богородицы сливается с эротическим отношением к Прекрасной Даме, то для древнерусской духовности было характерно определенное недоверие к эротике". И все же, католическое влияния имело место. В связи с этим весьма интересна история почитания на Руси католического догмата "О непорочном зачатии Девы Марии". Первоначально оно получило распространение в южной России, находившейся под католическим влиянием. Латинский догмат признавали даже такие видные религиозные деятели малой Руси как архиепископ Лазарь (Баранович) (+1693 г.), архимандрит Иоанникий Галатовский (+1688 г.), святитель Димитрий Ростовский (+1709 г.), Анатолий Радивилловский и др. День зачатия Пресвятой Богородицы был годовым праздником студенческой конгрегации Киево-Могилянской Академии, члены которой должны были исповедовать католический догмат. Вскоре латинское влияние проникло и в столицу. Учение о непорочном зачатии защищал в своей челобитной (1665 г.) царю Алексею Михайловичу один из идеологов русского старообрядчества Никита Пустосвят (+1682 г.). По поручению Большого Московского Собора (1666-1667г г.) опровержением старообрядческих заблуждений занялся выпускник Киевской Академии Симеон Полоцкий (+1680 г.). Но составленная им книга "Жезл правления" также содержала католическую ересь.

Примерно к XVв. в Новгороде происходит сближение образов Богородицы и Софии. Это "впервые возникшее на православной почве смешение образов Богородицы и Софии-Премудрости" несомненно явилось следствием западного влияния. До XV-го века Русь твердо хранила восточное православное предание о единстве Божественной Премудрости со Второй Ипостасью Святой Троицы. Именно Спасителю были посвящены, и константинопольский собор Святой Софии (537 г.), и софийские соборы в Киеве (1037 г.), Новгороде (1052г г.), Полоцке. Но около 1484 г. по благословению святителя Геннадия Новгородского (+1504 г.) престольный праздник новгородского Собора стал отмечаться в день Успения Пресвятой Богородицы, что вызвало протест со стороны представителей церковной интеллигенции (преподобный Максим Грек (+1556 г.), Зиновий

Отенский (+1568 г.), дьяк И.М. Висковатый (+1570 г.), Иоанникий (+1717 г.) и Софроний (+1730 г.) Лихуды). Тем не менее софийские храмы в Вологде (1570 г.) и Тобольске (1686 г.) были все же посвящены Богородице. В XVII-м веке С.И. Шаховским (+1646 г.) была составлена "Служба Софии Премудрости Божией", в которой София прославляется, то как Христос, то как Богородица. Тема Софии получила продолжение в масонской литературе XVIII-XIX вв. Стоит особо упомянуть о софиологических изысканиях Г.С. Сковороды (+1794 г.), В.И. Лукина (+1794 г.), Н.И. Новикова (+1818 г.) и М.М. Сперанского (+1839 г.). Но особое звучание концепция Софии приобрела лишь в трудах замечательного русского мыслителя В.С. Соловьева (+1900 г.). С одной стороны он представляет Софию как связующее между Божественным и тварным миром (при этом Соловьев отличает Софию от Мировой Души), с другой – как Вечную женственность в Боге и свою "вечную Подругу". Учение Соловьева питали два источника: теоретический (сочинения гностиков, каббалистов, оккультистов, западных мистиков: Бёме, Портриджа, Эммануила Сведенборга (+1772 г.), философия пантеиста Бенедикта Спинозы (+1677 г.) и Фридриха Шеллинга (+1854 г.), названного Лосевым "настоящим предтечей вселенской религии") и мистический. Соловьев был визионером и имел три свидания с Софией, описанные в одноименном стихотворении. Вероятно, контакт с этим существом продолжался на протяжении всей жизни философа, о чем красноречиво свидетельствуют медиумические записи на полях его рукописей. "Это была любовная переписка с Софией. "Подруга" назначала свидания, гневалась на "неверного друга", покидала его и вновь возвращалась. ..." Ни у одного мистика не было таких интимных, личных отношений с Вечной женственностью, как у Соловьева. ..." В его страстной натуре благоговение неразрывно соединялось с эросом". Весьма примечательно, что одновременно с этим в своей знаменитой работе "О смысле любви", философ пытается возродить идеал платонической любви и указывает на необходимость преобразования эротического влечения.

В силу двойственности своего происхождения учение Соловьева изложено в форме, и философских трактатов, и поэтических произведений. Как философ Соловьев желал "оправдать веру наших отцов", а как мистик апеллировал к духовному опыту православных аскетов, но на самом деле он безуспешно пытался строить "церковный синтез из не-церковного опыта". Гораздо более справедливым будет вслед за Н. Бердяевым назвать Соловьева "пророком нового религиозного сознания, сознания апокалиптического". Согласно его "пророчествам", исторический период развития Церкви подходит к концу и должен перейти в фазу, отмеченную новым откровением Софии Премудрости Божией, в результате чего возникнет идеальная вселенская религия. Но, если в области богословия Соловьеву отчасти (во всяком случае, формально) удалось преодолеть оккультно-гностическое наследие, то в поэзии, в которой "его богатейший мистический опыт ..." нашел наиболее адекватное выражение", мыслитель открывает перед нами языческие корни своего учения. "Знайте же, – вещает "пророк", – Вечная Женственность ныне, / в теле нетленном на землю идет. / В свете немеркнущем новой Богини / небо слилось с пучиною вод".

Дело Соловьева продолжили его ученики философы и богословы священник Павел Флоренский (+1937 г.) и протоиерей Сергей Булгаков (+1944 г.). Ими была предпринята попытка "воцерковить" философско-мистические интуиции Соловьева. Для этого они продолжили начатое на Руси еще в XV-м веке и переосмысленное Соловьевым сближение образов Софии и Богородицы. Они видели в Богородице "Софию по преимуществу", то есть "личное выражение Софии, личный образ земной Церкви". И, хотя отец Сергей, разработавший

данное учение подробнее других, делал попытку дистанцироваться от своего учителя и даже выступал с критикой в его адрес, им были допущены не менее грубые догматические ошибки. По учению Булгакова, София одновременно является Дочерью, Невестой, Женой и Матерью по отношению к различным Лицам Святой Троицы. В этом смысле Она называется "четвертой ипостасью" Троицы и даже "богиней". Более того, и Флоренский, и Булгаков, говоря о Софии, уподобляют ее языческим богиням (Афине, Афродите). Не смущает о. Сергия и связь софиологии с каббалистическим учением о шехине: "Бог открывается в Софии и через Софию, которая, женственно приемля это откровение, есть "слава Божия" (шехина каббалы). София есть женственное начало, приемлющее силу Логоса, и это единение описывается в Слове Божиим, как "брак Агнца"". Специальный интерес для нас представляет учение о. Павла об особой (отличной от общехристианской) софийно-богородичной святости: "Есть особый род Божией Матери, – хотя и не всякий праведник – сего рода –, есть высший тип духовной организации. "... Эти ангелы во плоти, эти иноки по естеству, эти цветы мира сознают себя особыми избранниками Пречистой Девы, сами чтут Ее по преимуществу и от Нея получают благодатную помощь и знамения. И если вдуматься в их отношение к Пречистой, то делается явно, что в Ней для них "... на первом месте стоит не Ея Богородительство, т.е. не Христос "!! -д.И.", а Ея Приснодевство, Сама Она. Потому-то такой избранник Божией Матери как преп. Серафим имел у Себя в келлии одну только единственную икону. Кого? "... Нет, – не Спасителя, а Божией Матери, да и притом без "выделено авт. -И.К." Спасителя". Невнятное и противоречивое учение русских софиологов было осуждено Указами Московской Патриархии (от 7.09. и 27.12.1935 г.) за подписью митрополита Сергия (Старгородского) и Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви (30.10.1935 г.).

Идеи и художественные образы Владимира Соловьева получили развитие в среде русских поэтов-символистов Александра Блока (+1921 г.) (сборник "Стихи о Прекрасной Даме"), Андрея Белого (+1934 г.) ("Клубок метелей"), Сергея Соловьева (+1941 г.), Вячеслава Иванова (+1949 г.) и др. В смутные предреволюционные годы молодые поэты с восторгом принимают идеи Соловьева о "новой эре", откровении Вечной Женственности и всемирной теократии. Наиболее восприимчивым оказался Блок. "Предчувствия русских апокалиптиков начала века для него превращаются в свершение. Преображение уже "курсив авт. -д.И." наступило, небо уже преклонилось к земле, Вечная Премудрость Божия уже сходит в мир". Желание осязательного осуществления собственных мистических чаяний привели Блока к мысли о воплощении Вечной Женственности в его жене Л.Д. Менделеевой. Ее имя, Любовь Дмитриевна, он толковал как "любовь Деметры". Прелестность подобного умонастроения выявляется уже в поэзии Соловьева. Поэт невольно признается, что его "Подруга" является "светлой" дочерью "темного хаоса" ("На Сайме зимой") и ее "свет из тьмы". Но наибольшего накала переживание амбивалентности Вечной Женственности достигает в мистической лирике Блока: "В Тебе таится в ожиданьи / великий свет и злая тьма" ("Я – тварь дрожащая" (1902 г.)). Здесь женский лик начинает двоиться и приобретает ярко выраженные инфернальные черты, но Блок понимает это как подмену – какое-то другое существо (поэт называет ее Астартой) пытается заслонить собой "Владычицу вселенной". В письмах к А. Белому он настаивает на том, что настоящая Премудрость Божия неизменна, она входит в наш мир "соединяется с человеком, образует с ним Новый Завет, вводит в Царство Духа".

Эсхатологические чаяния, связанные с откровением "Женского Лица" Божества получили большой резонанс и за пределами круга русских софиологов. Приобрело новое звучание учение Иоахима Флорского о Третьем Завете, Завете Святого Духа. Его глашатаями были Д.С. Мережковский (+1941 г.), З.Н. Гипшиус (+1945 г.), Н.А. Бердяев (+1948 г.) и др. Важно отметить, что Ипостась Святого Духа воспринималась ими исключительно как женская манифестация Божества. В этом смысле Мережковский называет Третий Завет "Заветом Матери". Весьма оригинально представлялся и сам образ смены Заветов: "мстительной эсхатологии" Апокалипсиса противопоставлялся "активно-творческий эсхатологизм", заключающийся в "преображении мира". На личном уровне это таинственное преобразование сводилось к отказу от прокреативной любви, т.к. пол – следствие грехопадения, и попытке достижения андрогинного единства человека. При этом проповедники "бесполого эроса" питали повышенный интерес к оргийному эросу языческих мистерий, что в очередной раз доказывает диалектическое единство этих явлений.

В предельно откровенной форме проповедь о наступлении эпохи Великой богини Матери прозвучала в учении русских эзотериков Н.К. Рериха (+1947), Е.И. Рерих (+1955) и Д.Л. Андреева (+1959). Именно в культивировании женских ценностей видели супруги Рерих спасение мира. Этот процесс должен подготовить человечество к пришествию Великой Матери: "Женщине предстоит совершить подвиг двойной – поднять себя и поднять своего вечного спутника мужчину. Все силы Света ждут этого подвига. Грядет Великая Мать!"

Более подробного описания заслуживает неогностическое учение Даниила Андреева, "поэта и визионера не меньшего масштаба, чем Владимир Соловьев". Есть серьезные основания утверждать, что многие положения "богородичной" догматики непосредственно вдохновлены созерцаниями автора знаменитой "Розы Мира". Одним из краеугольных камней его концепции является идея проявления в "метаистории" женской стороны Божества. По мнению Андреева, Бог Отец и Бог Святой Дух – это одна и та же, первая Ипостась Троицы. Другая ее Ипостась – это Приснодева Богоматерь или Звента-Свентана – Соборные Души Народов. Звента-Свентана является Афродитой Небесной, а Афродита Всенародная носит имя Лилит. Вначале она была супругой Первоангела и праматерью первого человечества (ангелочеловечества), но в результате грехопадения с Гагтунгром ("планетарным демоном", антиподом Троицы) ее тело восприняло демонический элемент. Он присущ детям Лилит: человечеству и античеловечеству, названному "игвы". Согласно учению Андреева, женственность имеет и демонический лик – Велгу, стремящуюся к "перетягиванию эфирон-астральной субстанции сверхнарода в сферу демонической материальности". При этом мистик отмечает особую связь Велги с сексуальной сферой. Звента-Свентана и Лилит имеют национальные проявления. Наряду с ними каждый народ имеет своего Демиурга. Соборная Душа русского народа, олицетворяющая женскую ипостась нации носит имя Навны. К ней поднимается нечто от каждой русской души, входит в нее и сливается с ее собственным "Я". Русское проявление Лилит именуется Дингра, а Демиург – Яросвет. Подобно русским "рыцарям Софии", считавшим, что Россия "должна открыть миру софиологию, чтобы увенчать ею развитие и торжество христианского учения", Андреев был уверен в том, что именно на Россию, обладающую особыми взаимоотношениями с мировым женственным началом, возложена особая миссия – осуществить цель метаистории – явление эпохи Розы Мира. Для этого от брака Яросвета и Навны (снова иерогамия) в "Небесной России" должна воплотиться Звента-Свентана, что и будет означать наступление

эпохи Розы Мира. В историческом аспекте это означает, что российскому народу "предстоит ..." стать во главе созидания интеррелигии и интеркультуры".

Если софианские и хилиастические идеи Соловьева, Флоренского, Булгакова, Мережковского, Гиппиус, Бердяева и пр. продолжили свое развитие в основном в среде русской эмиграции (Л.П. Карсавин (+1952), П.Н. Евдокимов (+1970)), то неоиндуистские и оккультно-гностицистские воззрения Рерихов, Блаватской, Андреева, хотя и неофициально, продолжали свое существование в советской России. В конце 80-х г. г. в нашей стране произошли серьезные изменения: русский народ, утомленный продолжительным коммунистическим игом, разрушил "железный занавес", отделявший Россию от окружающего мира. Таким образом, в России были созданы все необходимые предпосылки (духовное утомление народа и взаимное ознакомление различных культур) для появления синкретических сект (антисистем), ярким примером которых является БЦ.

Приложение 2 (к главе "2. 6. Гносеология")

Священное писание, Священное предание и "откровение Девы Марии"

При разговоре о любой религиозной системе, рано или поздно встает вопрос об авторитетах. Для православного человека единственным незамутненным источником теоретического знания о Боге и мире является Священное Предание Церкви и Священное Писание как наиболее авторитетная его часть. Практическое богопознание сопряжено с усвоением духовного опыта Церкви через молитву и подвиг. Со дня Пятидесятницы Церкви Христовой открыта вся полнота Истины (Господь поведал Своим ученикам "все, что слышал от Отца" (Ин.15:15; Ср.: 1Ин.2:20)), поэтому Православная традиция не разделяет католической идеи прогресса в Откровении. Тем более неприемлемы для нас сектантские утверждения о возможности нового, более "полного" Откровения, по сути отменяющего прежнее, евангельское. Сам Христос пришел "не нарушить закон, но исполнить" (Мф.5:17), Он ничего не перечеркнул из того, что было открыто Им в Ветхом Завете. В свою очередь апостол Павел предупреждает нас об опасности такого рода обольщения со стороны новоявленных "пророков": "Если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема" (Гал.1:8). На протяжении всей своей истории Православная Церковь ревностно охраняла богооткровенную Истину, ничего к ней не прибавляя и не убавляя (ср.: Откр.22:18-19). Именно поэтому "Православие", "ортодоксия" ассоциируется с некоторым консерватизмом. Критерием истинности для Православия служит соответствие Преданию, содержащемуся в Священном Писании, деяниях Соборов, литургических текстах и творениях Святых Отцов.

Теперь вернемся к разговору о БЦ и постараемся определить те критерии, с помощью которых его представители определяют для себя "ложь и правду", надеясь при этом "различить истинную духовность от мнимой", и "церковь истинную" от "вражией". Уже одно то, что современное название БЦ включает в себя слово "Православная" подразумевает согласие "богородичников" со всем выше сказанным. Вот как определяет "Православие" "Державный катехизис": "Православие – правильное прославление Бога, что составляет прерогативу церкви Христовой". Вполне православное понимание проблемы можно встретить и в книге "богородичного" "священника" Ильи Попова "Какую Церковь ждет Россия?": "Православная Церковь Божией Матери "Державная", свидетельствующая святое православие в современном мире, "... исповедует догматы, утвержденные на семи вселенских Соборах. ..." Догматическое учение церкви "БЦ" составляет сокровище православия святых отцов, святое Писание и священное Предание; церковь следует апостольским правилам и святоотеческим канонам". "Священники Церкви Божией Матери Преображающейся имеют двойное образование – светское и духовное. Они глубоко знают и Евангелие, и Патристику. Мы шли путем преемственности, путем аскетике святых отцов", – утверждает "пророк". "Шли". А что же сейчас? Ответ на этот вопрос можно отыскать в действующем уставе БЦ (в пункте 1.2.), где имеется некоторое уточнение: "По вероисповедной принадлежности Церковь придерживается православного вероисповедания богородичной ветви "-д.И.". Что именно подразумевается под этим уточнением, устав не разъясняет, но очевидно одно: "православие богородичной ветви" не идентично Православию. Подозрение усиливается, когда читаешь: "Мы исповедуем Православие не конфессиональное"! -д.И.", но вселенское, боговидческое и внутреннее, каким оно было в учении святых отцов. Таково оно ныне в плане надмирном". Окончательно все точки над і

расставляет следующее "откровение": "Не называйте себя православными, ибо имя сие опозорено в устах человеческих. Преданные Христовы "..." называли себя христианами, а не новыми иудеями. "... Вас называю параклитскими". Таким образом "богородичники" определенно дистанцируются от исконного Православия, хотя при этом и заявляют: "Как Церковь Нового завета не изменила не только духу, но и букве богооткровенного Закона, и в полноте исполнила Ветхий завет заповедью любви, так и завет Святодуховский не отменит, но в полноте и воочию исполнит высочайший и недостижимый в настоящем веке христианский идеал. И ничего нового в нем не будет, чего не содержалось бы в Евангелии". "Никаких существенных догматических разногласий с Русской Православной Церковью у нас нет, – заявляет Береславский в ответ на письмо православного священника, – разве что мы считаем возможным обогатить сокровищницу православного богословия, украсить ее мариологическими жемчужинами". Самой Богородице Береславский приписывает следующие слова: "Я пришла не разрушить Православие, но возвести его на более высокую ступень". Чем же можно "обогатить", "украсить", "возвысить" и "исполнить" Православие?

В книгах БЦ то и дело встречаются выражения типа: "как учат святые отцы" или "как было открыто старцам", говорится о "непрестанном обращении к святым отцам", но так ли велик на практике их авторитет? Подчас кажется, что Береславский оказался под влиянием радикальных протестантов. Так, например, его возмущает, когда святоотеческие труды по значимости приравниваются к книгам Священного Писания, когда "святые отцы наравне с апостолами, каноны Романа Сладкопевца или Иоанна Дамаскина наравне с псалмами царя Давида". Такая позиция "пророка Божией Матери" вдвойне удивительна, если учесть, что судьба упомянутых святых (преподобных Романа Сладкопевца и Иоанна Дамаскина) тесно связана с образом Пресвятой Богородицы. Преподобный Иоанн получил чудесное исцеление после молитвы перед образом Пречистой (после этого чуда икона стала называться "Троеручицей") и прославил Ее в многочисленных проповедях и канонах. А преподобный Роман был удостоен явления Богоматери и от Нее получил особый поэтический дар. С именем преподобного Романа связан праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Тем ни менее Береславский называет подобное уравнивание не иначе, как "литургической ересью", "идолопоклонством на святых отцах" и взамен предлагает свою, "изумительно точную иерархию" ценностей: "Первое – евангельские заповеди. "... Вторая ступень – изучение собственно Евангелия в должном ключе. Третья ступень – изучение основного первоисточника евангельского богословия – послания апостолов. И четвертая ступень – предания, святые отцы". Итак, Писание, Писание, Писание и только потом – отцы. Это почти что лютеровское *solo scriptura*! Но на практике, как замечает г.Ю. Бакланова, непосредственное чтение Священного Писания часто заменяет "комментированное его изложение", что, по-видимому, и понимается как "изучение Евангелия в должном ключе". "Институциональной" (т. е. Православной) Церкви, кроме всего прочего, вменяется в вину то, что она, якобы, приравнивает к признанным писаниям апокрифы и другие "сомнительные источники". В то же самое время БЦ в своих книгах не редко апеллирует к "откровениям" Анны-Екатерины Эммерих, вступающим в явное противоречие с текстом канонических Евангелий. И уже оказывается, что в Православной Церкви сейчас "проповедуется ущемленное Евангелие". Береславский и сам не прочь пофантазировать на тему евангельских событий. Сотни страниц из его книг посвящены ранее "неизвестным" эпизодам из жизни Спасителя, пересказу бесед между Христом и Марией и особенно событиям Страстной Седмицы. Приведем некоторые из них: "Чада Мои! Скажу вам то, чего еще никто не знает... Вся жизнь

Господа с самого детства была сплошным страданием, унижением и мукой. "... И был Он бит неоднократно, без всякой причины. Дух злобы восставал ..." избивая Его до потери сознания и до полусмерти "... набрасывался на Господа и бил Его чем попало ..." И не раз находили мы его истекающим кровью". "Когда Господь просил у Меня "Марии" благословение на Распятие Свое, Он рыдал. О чада Мои, Мне тогда казалось, что Я умру от одного Его вида. Как Он рыдал! И Я тоже начала рыдать, и Мы долго рыдали вместе". "Когда привели Господа на Голгофу, то прежде омыли все раны Его, и Он просил недолгого отдыха, чтобы укрепиться". "После Распятия Господа у Меня "Марии" начались сильнейшие головные боли – сплошной звон и пустота, все кружилось и плыло". "После распятия Господа шла Я, ничего не понимая три версты". "О сколько испытала Я после разлуки с возлюбленным божественным Сыном Светов! Сколь часто была брошена, избита демонами и людьми, и проводила ночи в неутешных рыданиях и в оцепенении как полумертвая" и т. п. Кстати, при всем этом утверждает: "Госпожа наша была лишена каких-либо человеческих страстей, эмоций, переживаний".

Откуда такая "осведомленность"? "В Российской Церкви Моего Сердца "т. е. в БЦ - д.И.", – поясняет лжебогородица, – поставлен особый могущественный Ангел Откровения Евангельского Света. С его помощью откроются многие евангельские тайны и подастся истинный образ Спасителя". Причем значение этого нового "откровения" столь велико, что без него само Евангелие теряет смысл: "Традиционное толкование Священного Писания потеряет всякий смысл: совершилась тайна последних времен". "И не тщите без Моего Материнского Сердца прочесть Священное Писание: без наставления от Премудрости святые тексты запечатаны". "Учение Спасителя осталось тайным и запечатанным". Акцент явно смещается в сторону нового "откровения": "Не придавай исключительного значения школе изучения Священного Писания". "Не Мое Слово сверяйте с традицией, но традицию со Мной". На первый план выходит т. н. "Белое Евангелие" – откровения Марии по всему миру. И, хотя Береславский говорит о "единстве Откровений, уже 150 лет идущих в разных концах земли" конечно, наиболее авторитетным считается "российский престол откровения". По объему это более 2-х Библий! Именно к "Белому Евангелию" относит Береславский слова Спасителя о Евангелии Царствия, которое должно быть проповедано по всей вселенной (Мф.24,14; Мк.13,10), именно к нему прилагается апокалиптические названия "вечное Евангелие" (Откр.14,6) и "книга иная" (Откр.20,12). Ветхозаветное и Новозаветное Священное Писание, "надиктованное Божией Матерью Премудростью, ..." является частью Белого превечного Евангелия". В конце концов, Евангелию Христову полностью отказывают в богооткровенности! Возможно, это объясняется тем, что ведение Марии признается Береславским выше ведения Христа: "Я "Мария" имела несколько бесед с Самим Отцом. И Господь Саваоф, Царь воинств небесных и чинов ангельских ..." говорил Мне то, что не мог сказать даже Ему, Возлюбленному Сыну "!! -д.И.". Вот почему "Слово, явленное через тебя "Береславского", не пророческое и не апостольское, но первая весть "!! -д.И." – откровение Духа-Утешителя". "Ты первый на земле открыл окна Царствия". Две тысячи лет до этого момента христианство пребывало в состоянии детства. "Церковь сегодня выходит из состояния духовного детства", она теперь способна принять принципиально новое, более возвышенное "откровение", постичь ранее неведомые "тайны". "Тайны сии никому еще не были открыты, за исключением некоторых святых, которым я "Мария" являлась в затворе ..." Теперь же их узнают тысячи". Этот историко-философский подход более созвучен теософской экзотерике с ее "тайной доктриной" по секрету всему свету, чем Православию. Для православной гносеологии теория неразрывна с созерцанием (), "aΠίρωεα святые

свидетельствовали о том, что видели, т. о. глубина христианского гнозиса определяется чистотой сердца (Мф.5:8), а не информированностью. К сожалению, мы скорее можем констатировать религиозно-нравственную деградацию современного общества, апостасию, нежели "взросление". И сам Береславский прекрасно это понимает. Он постоянно обличает современное поколение в его слабости и некудышности: "О, ущербный, несчастный род"! "Как они немощны и ни на что не годны"! "Несчастный род "... род чужих Господу"! Чем же современные развращенные люди заслужили столь высоких духовных дарований, которых были лишены наши более благочестивые предки? Береславский примиряет это противоречие самым парадоксальным образом по принципу "чем хуже, тем лучше": "Придут души еще более тяжелые, призраки погостные населят мир. "... Чаши их будут столь тяжелы, что поневоле взалкают "... Вот для кого Слово Божией Матери станет благорастворенной брагой "!?" и мерцанием Славы!". "Какое предуготованное поколение! В них язвы, предрасполагающие к космизму, оккультным аквариумам и склонность к кофейному кайфу. В них и духовные стигматы, и предрасположенность к Марии... "... Особо чутки к голосу правды. Пережили облечение блудом, оккультной каббалой и астрологией. "... Какое странное, прекрасное и чистое поколение!". "Ни поста у них, ни бдения, ни мира в сердце. Раздражительны, гневливы, бесноваты "!! -д.И.". А любовь ко Господу, какой не было ни у кого из нас... Ею и спасутся!". Как можно понять из выше сказанного, самым главным достоинством современного поколения является его внушаемость, делающая его одинаково "чутким" и к оккультизму с астрологией, и к "откровениям" Береславского: "В мир идут души – как открытые раны, невероятно чуткие – антенны слуховые, без исключения все травмированные. Они просят: "Последую, внемлю – только не рань меня"". Здесь же бросается в глаза ярко выраженный гностический или, скорее, магический аспект нового "откровения". Уже одно информативное ознакомление с новооткрытыми "тайнами" имеет спасительной действие на человеческую душу: "Принявший Слово обрел печать, через которую придет все остальное". "Я "Мария" хочу преподнести учение, которое есть ключ для спасения всего человечества". "Я говорю – и выжигая метку на челе "под этим грубым словом, "метка", подразумевается нечто наподобие пропуска в Царство Небесное -д.И.", "Слово Мое воплощает Бога в вас". "Слово Богородицы будет рождаться изнутри и выпеваться из сокровенных недр сердечных".

Естественно, что кроме магического значения, "Слово" имеет и содержательную сторону. По большей части эти переполненные "тайнами" тексты представляют собой, что называется "бабьи басни" (1Тим.4:7), слезливые, приторно-сентиментальные бессвязные признания, рассчитанные исключительно на дешевые эмоции, например: "Мои нежные маленькие дети, мои прекрасные цветы, которые я ежедневно поливаю росой Своих слез". "Позвольте Мне приласкать и приголубить вас". "Не упираться, Я зову тебя. Мой сиротиночка, Мой нежно любимый сын! Иди, и Я прижму тебя к Сердцу, отру твои слезы и упокою". Или, вот: "Среди тьмы и хаоса, радиоактивного распада и мнимого торжества дьявола проливается Свет, и мы, взявшись за руки, поем песнь о весне нового человечества и, исполнившись трисиянным светом, идем к Престолу Ее "Марии" Света и плачем умиленными слезами..." и т. п. Зачастую это щедрые обещания неизреченной милости и "излияния океанической "? -д.И." любви". "Я жажду познакомить тебя с горним миром, ввести в прекрасные светлые и обители, где столько света радости, веселья и блаженства". "Одарю вас океанами, потопами любви! Утопайте в любви, ничего больше не знайте, кроме любви! Заполняйтесь любовью и ею только". Очень часто Береславский начинает ассоциироваться с гоголевским Хлестаковым, с той лишь разницей, что новоявленный Хлестаков

идет гораздо дальше литературного, перенося фамильярность с живых людей на Богоматерь и святых. Но и в том и в другом случае обман невозможно утаить, т. к. претензия на что-то великое и оригинальное оборачивается пошлостью или в лучшем случае курьезом. Так, например, иногда, как и подобает "пророку", Береславский говорит о будущем: "Утешу вас приоткровением предстоящего "выделено автором -д.И.". Скорее всего в ближайшее время ничего не произойдет "!!? -д.И.". Иногда, наоборот речь идет о предстоящих в ближайшее время катаклизмах, но "пророчества" такого рода ни разу не исполнялись и о них благополучно забывали. Кроме того, значительная часть "откровений" посвящена всевозможным обличениям, увещаниям и проклятиям.

Прежде всего, поражают фантастические объемы "пророчеств" (2 с лишним Библии -!!!) при качественной ("Вот, как смогла, так и сказала") и количественной скудости мысли. "О чада, сколько уже сказала Я! А вам все мало, мало". "Почему Я столько говорю? – как бы спохватывается словоохотливое приведение, – Мои дорогие, нет ничего прекрасней, чем слушать Господа. Его Голос совершен. Я любила слушать Его Голос. Я не всегда внимала Его словам. Его дивный Голос улаждал Мой слух превыше ангельских гармоний". Вот, оказывается в чем дело! Основной смысл подаваемых "откровений" заключается отнюдь не в содержании ("Я не всегда внимала Его словам"), а в чарующем тембре наговаривающего их голоса ("голос Его был баритональный" – уточняет в другом месте Береславский), который, впрочем, никто не слышит! Здравомыслящий человек, прочитав несколько строк, делает вывод, что имеет дело с бредом сумасшедшего, по крайней мере, с мыльным пузырем, пустотой в радужной оболочке. Но почему же находятся люди, которые принимают эти бредни за чистую монету? Неужели пусть даже у легко внушаемого человека не закрадывается сомнение в подлинности, предложенной ему "тайны"? Вероятно, по началу закрадывается, и тогда Береславский прибегает к хитроумному тактическому приему, усыпляющему бдительность: он сам предупреждает человека о возможном подлоге и сам же развеивает сомнение относительно себя, внушив т. о. мысль о собственной компетентности. "Нужно очень осторожно относиться к явлениям Божией Матери, поскольку многие духи с мертвых планет будут действовать под видом явлений Божией Матери". И вот, сам же "пророк" формулирует тот критерий, по которому следует отличать истинное явление от дьявольского: "Если кто приступит с видениями и слышаниями в гордости, мня себя особо избранным, – то от лукавого". Впрочем, это же говорит и сам субъект откровения: "Если бы был тебе соблазн и искушение от злого духа, враг явился бы в видимом Моем образе и произвел надмение великое "... Я же говорю как бы помимо тебя, так что сам не знаешь, откуда Слово Мое; и это чудо и явление истинное. Сурово предостерегаю и любовь предивную каждую "?" на раны твои, а явись к тебе лукавый, он бы тебя надмил, дал силу в силе. "... Дьявол надмевает, – уже третий раз повторяет лжемария, – Я же побуждаю к покаянию, к бдению трезвенному и говорю о даре любви "... и призываю вас к рыданию, – какой дух обольщения призовет к подобному? "... По плодам судите". И уже отношение к самому "откровению" представляется критерием истинности: "Вот вам испытание духа истинного – по реакции на Живое Огненное Слово Богородицы "... По восприятию Слова Живого судите о том, кто какого духа: более достоверного критерия не будет". "Самый факт признания Слова единицами есть знак божественности его".

Но попробуем по порядку разобрать, насколько "богородичные" "пророчества" соответствуют выше перечисленным требованиям, чтобы т. о. обличить лжепророка его же собственными словами. Первое, что было указано в качестве

критерия, это сам образ откровения. Иногда Береславский говорит о безобразном явлении, но с другой стороны, не редко можно встретить ремарки типа: "я вижу", "мне показано", "я слышу" и т. п. Периодически его видения сопровождаются обонятельными и визуальными эффектами: "В подтверждение того, что Сама Матерь Божия говорит, дам знаменем благоухание дивное в сердце и снопы Света" и это не просто обещания. Вот описание одного из явлений: "Она "Мария" стояла на вершине горы и преображалась в спектрах радуги". Кстати, "богоvideц" не раз упоминает о "дивных радужных цветах", более того, "Радуга" – одно из "новых ипостасных Имен" лжемарии. Порой богиня предстает и в более реальных образах. Например, "со свечой в руке в образе монахини". К визуальным эффектам можно отнести и постепенную материализацию призрака: "Я откроюсь миру как бы не сразу. Вначале увидят мерцающий Лик Мой, едва выраженный, и постепенно различат чудодейственное изображение женщины необыкновенной красоты". Если человек не знакомый со святоотеческими предостережениями относительно бесовской прелести легко может быть очарован этим явлением, ассоциирующимся скорее с появлением чеширского кота (сначала улыбка, потом голова и т. д.), то до какой степени бесчувствия надо пасть, чтобы принять "бесформенную серую массу", издающую вой "а-а, а-а" за "огромное рыдающее сердце богоматери"?! А именно в таком виде дух прелести порой является своему "пророку". Здесь уже впору говорить не о безобразности, а о безобразности. "Иные богословствующие (наихудшие и самый ненавистный тип кощунств) скажут: "Божия Матерь не могла открыться подобным образом", – и отрекутся от Меня "Марии" на богословских основаниях". Кощунством, вероятно, считается уже сама попытка усомниться в подлинности данного явления и желание подвергнуть его богословскому осмыслению. Но ведь не зря апостол Иоанн Богослов (столь почитаемый "марианами") предупреждает нас: "Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (1Ин.4:1). Да и сам Береславский не питает на это счет иллюзий: "Упыри разлагают Церковь через лжепророков (послания их принимаются за откровения свыше)".

Но посмотрим дальше. Вторым, наиболее существенным (судя по трехкратному упоминанию) признаком ложного явления называется гордость, которую злой дух возбуждает в прельщаемом. В качестве признака истинного явления указывается чувство покаяния. О "покаянном" настрое Береславского можно судить по следующему признанию: "Господи, сколько лжи во мне! Тонны, шахты, карьеры... Весь я соткан из стопудовой лжи, "и теперь обратим внимание на переход мысли - д.И." – конкретно уличить в неправде себя не могу, живу честно и как говорю, так и поступаю, никого видимо не обманываю, не окрадываю, не лицемерю, не паразитирую" "и прочие безумные глаголы". Перед нами молитва евангельского фарисея. Подлинное покаяние предполагает иную молитву: "Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, "... Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну" (Пс.50:1-6), а та "исповедь", что мы сейчас имели возможность выслушать свидетельствует об "окамененном нечувствии", замаскированном под покаяние. Но, хотя Береславский явно лицемерит, говоря о покаянии, зато он вполне искренен, когда рассуждает о собственном величии и власти: "Через тебя спасутся тысячи душ, восстающих на Суд, – нахваливает он себя от лица лжебогородицы, – Велико значение последнего избранника". Однако все же самое примечательное заключается в том, что Береславский ощущает себя не просто "реформатором и вестником", стоящим, подобно Иоанну Предтече на рубеже двух Заветов, не просто проводником принципиально нового "откровения", приближенным рабом и "любезным пророком" Марии, а Ее повелителем!!! "Мария в повиновении у нас, в повиновении у меня, Иоанна. Как я говорю, так

Пречистая и делает". Это ли не "надмение бесовское"? Кто из святых мог позволить себе такие вольности? Да и сам дух оболъщения, хотя и заявляет "Я жажду стать вашей рабой", судя по следующему высказыванию, особым смирением не отличается: "Поймите, чего стоит Мне, какого уничижения и скорбей, говорить с вами, – Распятие и Голгофа! Мне, Осиянной и Преображенной, исполнять обличительные, служебные и утешительные роли, достойные низших ангельских чинов. ..." Вонмите, какого уничижения стоит Мне увещевать и вести вас".

Наконец, третий признак – плоды. Здесь, прежде всего, следовало бы сказать об изменениях в нравственно-аскетическом облике последователей БЦ, но данному вопросу будут посвящены особые главы. Поэтому сейчас скажем о плодах в области догматической. Тем более, что по мысли самого "боговидца", "верность мирозозерцания (правильность мировоззренческих установок) находится в прямой зависимости от степени смирения сердца, поэтому несмиранный неизбежно слеп и горд, а значит, пребывает в прелести". Но относительно истинности своих "мировоззренческих установок" у Береславского сомнений не возникает, т. к. он утверждает, что видит Бога "каков Он есть ..." "перед" очами Его Матери" и "очами святых": "О чудо! – восклицает "боговидец", – Мы познали и увидели Его Таким, Каков Он есть"! Делая такое заявление, "архиепископ" претендует на полноту и непосредственность откровения. Своей миссией Береславский считает "вернуть миру истинный облик Всевышнего", вернуть христианство к его "первозданным образцам". Кроме того, через "пророка" миру сообщается бесчисленное множество неведомых ранее "богооткровенных тайн". Однако, все "озарения" и "озерцания" на поверку оказываются обыкновенными спекуляциями: "Почем нам знать, – оправдывается "доктор богословия" "отец" Викентий, – какова в себе божественная сущность? Какое мы имеем право определять, простая она или сложная? А, может быть, она ни та ни другая"? В отличие от идеологов БЦ, православные святые богословствуют "по созерцанию": "Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели" (Ин.3:11). Игнорируя святоотеческое наследие, "богородичные отцы" вместо "забытых" и "новых истин" предлагают нашему вниманию забытые ереси. При этом Береславский прекрасно понимает, что такое ересь: "Еретики были и будут, потому что дьявол всегда примешивает ложь к истине. ..." Еретик – лжец; не тот еретик, кто не понимает тайну Троицы, а тот, кто, понимая, предает ее, не следуя ей". Возникновение ересей лжепророк объясняет проникновением язычества в христианство: "Виной тому – языческие элементы гностицизма, эллинизма и неоплатонизма, тесно связанные между собой и каким-то образом проникшие в святоотеческие образцы, наложив на них свои печати ..." эллинизм накладывает убийственные печати, как бы космически распинает Христа". "Язычество проникало в девственную христианскую плерому и лишало невесту чистоты привнесениями условных чуждых норм ..." И чем более водружали деревянного и символического, институционального, тем меньше оставалось от Христа евангельского. И пошли одна за другой секты "сектами Береславский называет ереси -д.И.": манихейство, гностицизм, монтанизм, монархианство, арианство, евтихианство, аполлинаризм, монофизитство, неоплатонизм...". В этой главе мы не будем подробно описывать еретические элементы в учении БЦ (об этом достаточно подробно говорится в соответствующих вероучительных главах), лишь перечислим некоторые из них. В текстах "откровений" встречаются вполне внятные отголоски выше перечисленных ересей: монархианство, манихейство, гностицизм, арианство, несторианство, монофизитство (как вариант, патропассианство), а также оригенизм, хилиазм, имябожие и пр.

Как же Береславский сочетает борьбу за чистоту Православия с проповедью еретических учений? По мнению Береславского (кстати, один из переводов слова "ересь" "ziseria означает "мнение"), "Никоенареградский двенадцатичленный Символ веры устарел "... надобен живой Символ". "Все образы были искажены ..." все абсолютно было осквернено – Божия Матерь говорит о новых, истинных образах". Оказывается, ратуя за чистоту Православия, ересиарх имеет в виду не то вероучение, что содержится в Никоенареградском Символе веры, якобы забытое и оскверненное православными, а какое-то иное, доселе неведомое. "Но нет, не к раннехристианским образцам вернуться, – предлагает Береславский, – ..." но каким оно "христианство" было задумано от Превечного Отца, ..." к основной мысли христианства – Его олицетворенной мысли, Богоматери, в чье сердце Он "Христос" вложил Свое сокровенное "Жажду! Прощаю! Я люблю вас"". Здесь можно увидеть все, что угодно (например, автоматическое письмо В.С. Соловьева), только не Православие. При этом, игнорируя Соборное учение Православной Церкви, Береславский апеллирует к мнению "Богородичного Собора": "Единодушные Совета отцов исключает ложные суждения, еретические мнения, ошибочные взгляды". Чувствуя шаткость своей гносеологической позиции, Береславский переводит понятие "ересь" из области догматической в нравственную ("Назовем еретиками тех, кто нарушает заповедь о любви и учит о необходимости притеснений, гонений, осуждений инакомыслящих"; "ересь идеологическая – ничто по сравнению с душевно-нравственной. Многие еретики будут спасены") и даже в дисциплинарную ("Иосиф Волоцкий ..." решил ввести свой устав "в монастыре" и свои порядки! Никогда, ни в какие времена игумен не вводил свой устав и свои порядки. Согласно церковным канонам это был еретизм номер один!"). Однако, по мысли апостола Павла, нравственность и дисциплина неразрывны со стремлением к Истине: "Любовь ..." не бесчинствует, ..." не радуется неправде, а сорадуется истине" (1Кор. 13:4-6). В итоге, по Береславскому, виновницей возникновения ересей оказывается не язычество, а сама Церковь: "Официальная Церковь виновата в возникновении ересей и безбожии".

Подробно коснувшись содержания "богородичного" "откровения", скажем несколько слов и о его форме. Эта тема важна еще и потому, что сам ересиарх обращает на нее внимание, что не удивительно, если учесть его литературное прошлое. "Ревнуйте о чистоте речи" – призывает лжепророк. Что же "загрязняет" эту чистоту? Во-первых, опoшление и упрощение вероучительных христианских истин. "Труден путь христианский. И не миновать пустыни с искушениями. Но об этом знает лишь Православие, а у еретиков – "экстатическая молитва", выступления против властей, жалкая проповедь, джазовые псалмопения на второсортно-графоманские стихи. Легкодоступность. Космическому свойственно привлекать неглубокие души легкодоступностью "откровений", кажущейся открытостью тайн". Судя по всему, приведенная выше цитата является зарисовкой с натуры, в ней весьма умело подмечены типичные черты "богородичных" мистерий с их искусственностью, фальшью и позерством. И здесь лжепророк верен своему методу: приклеить ярлык и дистанцироваться от себя самого. Смешивая в одну кучу все известные ему ереси, Береславский наивно удивляется: как можно совместить Христа и проповедь о высокой морали с мерзостями мира сего? Абсолютно извратив понимание Православия и святости, он восклицает: "Не опoшляйте христианство"!

Иеромонах Серафим (Роуз), рассуждая о грядущей религии антихриста, отметил примерно те же, особенности: потребительское отношение к вере, подмена понятий, популизм, интерес к космосу и дешевым тайнам, связанным с этой темой (напр., НЛО). Отец Серафим назвал последний признак "духом научной

фантастики". О том, что к "пророчествам" Береславского приложимы все перечисленные признаки, наверное, не имеет смысла повторять. А вот о "духе научной фантастики" скажем подробнее. Конечно, Береславский не мог пройти мимо темы "летающих тарелок". Он грозно обличает эти явления как демонские происки, называя инопланетян "рефаимскими упырями, прилетевшими на своих черных ладьях, где совершают свои черные мессы лукавому", но самое интересное заключается в том, что и, говоря о светлых ангелах (или святых) он использует все те же фантастические архетипы: "И блеснет в небесах Колесница Славы: появятся сверкающие в голубовато-белых дымах воины Илии и Эноха". "Из Колесницы вышли триста ангелов, и были осиянны лики их в голубом и красном". Ну чем ни летающая тарелка с инопланетянами?! В связи с этим особенно примечательно упоминание о "жесте Марии", сделанном "из металла неземного происхождения (ближе к чугуну)".

Здесь же отметим, что упрощение и опошление православного учения привели к грубому антропоморфизму, столь характерному для язычества. Православные мистики свидетельствовали о непрестанном (!) молитвенном богообщении. Богиня Береславского иначе описывает свой "религиозный опыт": "Господь приходит ко Мне ежедневно, и Я беседую с Ним о земных делах Моей Церкви". "Я часто вижу Господа и беседую с Ним". Вероятно, эпизодический характер этих встреч объясняется загруженностью лже-Марии: "Я вынуждена оставить многие дела и взять в свои руки власть в России". Тот же самый "этикет" соблюдается в отношениях между "Богородице" и святыми: "Моя святая дочь "Императрица" Александра и вслед за ней ее сестра Елизавета удостоиваются чести первыми быть принятыми мной в час вышней аудиенции, когда слышу скорби мира и обращаю свой взор к просящим". Не менее бюрократической процедурой представляется "марианам" Страшный Суд: "На Суде бывает следующее: после представления о каждом грехе искуситель обличает общую сумму. "Сто сорок непростимых грехов", – говорит он" и т. п.

Во-вторых, отстаивая "чистоту языка", Береславский подвергает резкой критике "полуинфантильную наивность, доходящую до ребячества: ступеньки лесенки, ласкательные суффиксы". Речь идет вообще о всяком проявлении эмоциональности. "Психологическая эмоциональность в храме совершенно воспрещена. ..." Эмоции прочь! Им нет места. Надо стыдиться их". И уже буквально через три страницы, не стыдясь ласкательных суффиксов, Береславский умиленно говорит о том, как Мария "отирает наши слезы Своим платочком". Вот как характеризует "откровения" Береславского православный психолог: "Обращает на себя внимание нарочитая драматизированность стиля. Происходит нагнетание эсхатологического настроения, категорический призыв к немедленным действиям. С самого начала выражен принцип противопоставленности, конфронтации: "мы / они"". Для стиля Береславского характерно использование коротких, "рубленных" фраз, его язык очень желчный и язвительный, что еще более усиливает эмоциональное возбуждение слушателей. Но о дешевых эмоциях было сказано достаточно.

В-третьих, как бы вопреки недавним рассуждениям о неприемлемой "легкодоступности", лжепророк уже обрушивается с критикой на "пышные слова и заумную терминологию", "стереотипные слова, высокопарные обороты. Напыщенное многословие, возвышенный слог, "державинский стиль" на православной основе – порой имитацию, пародию святодуховско-пророческой проповеди". Институциональным схоластам с их заумными построениями противопоставляются "ангелы Марии" (т. е. "богородичные" проповедники),

"язык их понятен молодежи и соответствует духу времени". Но достаточно прочесть одну из книг Береславского, чтобы удивиться тому, насколько его язык перегружен "пышными словами и заумной терминологией". Например: "Чтобы избавить эсхатологию от соблазнительных умозрительных проекций, должно тотчас облечь эту тайну в воздуха Царствия, взглянуть на нее очами неба". Или еще: "Нижние центры тонкого тела обличаются при жительстве на втором дыхании". Не прошел бесследно для "пророка" и период симпатий к католичеству. В его книгах то и дело попадаются латинские слова и выражения. Сама богиня иногда совсем некстати начинает демонстрировать свое знание иностранных языков: "В районе Сибири или Дальнего Востока Она "Мария" благословляет построить город Ее божественной любви ("City of My Divine Love", – сказала Она по-английски и по-русски)".

"Марианам" становится тесно в рамках христианского богословского лексикона, дух противления их устами "требует тотального пересмотра всей понятийной системы христианского богословия". Сектантами активно используется индуистская, буддийская, языческая (греко-римская), оккультная, каббалистическая, психоаналитическая и пр. терминология, при этом все религиозные и философские понятия, заимствованные в различных системах, отрываются от своих идейных корней, превращаясь в перемещенный предмет постмодернизма, и произвольно включаются в "марианский" словарь. Иногда идеологи БЦ даже раскрывают секреты своей "кухни": "Надо хорошо нам известное понятие перенести в новое место, и оно заиграет новыми гранями". По мнению одного из "марианских" вероучителей, это не более, чем перевод сложных для понимания богословских терминов на современный общедоступный язык. Но несомненно, что, например, оккультное понятие "аура", используемое в "марианской" литературе, не идентично христианскому понятию "душа", "медитация" отличается от молитвы, а "дзен" не то же самое, что "юродство ради Христа". При этом выше упомянутые православные термины понятны широкому кругу слушателей намного лучше, чем их инославные "эквиваленты". Наконец, призывая "говорить на точном богословском языке", "отцы" секты не обращают внимания на то, что заимствованные ими термины размывают определяемые понятия.

Но Береславский не ограничивается "обогащением сокровищницы православного богословия" посредством одних лишь заимствований, он и сам очень любит позаниматься словотворчеством, при этом простые слова усложняются за счет приставок и эпитетов. Так православной Литургии он противопоставляет "огненные паралитургии" и "Литургии Открытого Неба", молитвам – "сверхмолитвы".

Очень часто эксперименты с русским языком порождают на свет уродливые неологизмы: "Россия была надышана теплотой Моего благодатного Сердца", "мошевитые могилы старцев", "палаческий топор", "сироты зоопаркные" и т. п. То, что человек, претендующий на звание "знаменитого поэта" проявляет подобное бесчувствие к родной речи, свидетельствует лишь о его бездарности и желании самоутвердиться (если не через творческое отношение к слову, то хотя бы через коверкание слов).

Наконец, в наиболее грубой форме пренебрежение к русскому языку проявляется через использование лжепророком в устной проповеди и даже в книгах (особенно раннего периода, до 1993 г.) ненормативной лексики! Это не мешает Береславскому осуждать "злоречие и "... сквернословие уст" (в частности

"матерную ругань"). Но самое главное здесь не в том, что Береславский привносит в религиозные тексты "базарную брань" и не в том, что мат считается "бесовским" языком и тесно связан с магией и эротической культурой язычества, а в том, что на Руси (да и не только на Руси) "матерная брань" традиционно считалась оскорблением Божией Матери! И после этого Береславский лицемерно заявляет: "Боюсь оскорбить слух Пречистой"!

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Береславский создает собственный язык. "Вам предстоит освоить Мой Язык", – предупреждает он от имени богини. Приведем здесь выдержку из своего рода словаря "марианского" новояза: "Обогрев – окуривание невидимым кайфом из полового центра женщин. Подселенец – родовой упырь, инородное "тонкое тело". Похотный жупел – черный шарик с экстрактом сатанинских дымов, вытесненный в область чресел в тонком теле. Пробитость – уязвимость для астральных ударов" и пр. А вот как эти неологизмы склеиваются в текст: "Нечестивая мать, не выпускающая сына из духовной утробы, родового гнезда, продолжает обогревать его и в 10 и в 20 и в 50 лет, из-за чего происходит варварское прободение тонкого тела и преселение жупела. Пробитый мужчина начинает греть, что для него неестественно. Девять десятых современных мужчин греют. Женоподобный греющий мужчина – человек с преселенцем, упырно одержимый".

Приложение 3

Влияние пребывания в БЦ на человеческую психику

Мы неоднократно обращали внимание на то, что Береславский в своих "пророчествах" и проповедях постоянно сталкивает противоположные тезисы (призыв к суровой аскезе, с одной стороны, и осуждение подвижничества – с другой и т. п.), ввергая слушателей, то в состояние гнева, нервного возбуждения (это чувствуется даже при чтении "откровений"), то – пассивного недоумения. На первый взгляд может показаться, что "марианские" тексты написаны человеком непостоянным, мечущимся из одной крайности в другую. Порой кажется, что любой разумный человек, услышав такое количество взаимоисключающих утверждений, распознает подвох и уйдет из секты, но люди почему-то остаются. И на проверку оказывается, что это столкновение противоречивых высказываний является не признаком недомыслия, а тонко просчитанным психологическим ходом. Его цель – ослабление воли слушателей через вызывание у них истерической реакции. "Механизм возникновения истерик у людей, – это столкновение в сознании двух противоположных неоспоримых истин. "..."

Предположим у человека столкнулись в мозгу две невозможные относительно друг друга мысли, то есть в сознании возникло противоречие. В этом случае человек должен напрячь волю и логическим путем попытаться разрешить это противоречие, привести обе противоположные мысли к общему знаменателю. "..."

Но бывает, что когда описанное состояние возникает у человека, то его реакцией может являться, хотя и не всегда и не у всех, не напряжение сознания, а отключение своей собственной воли и замена ее чужеродной волей".

Нейропсихологи Конвей и Зигельман считают, что "культовое обращение является результатом рассчитанного манипулирования информацией, ведущего к информационной перегрузке. "..."

Новички "..."

подвергаются постоянной бомбардировке радикальными идеями и верованиями. Им не дают времени на размышление или проверку этой информации в сравнении с реальностью. "..."

"Желание" извлечь смысл из этого нового жизненного опыта и информации толкает новичка к кризису, который может быть разрешен только внезапным некритическим принятием новой системы верований".

Процесс доведение адептановичка до состояния психологического кризиса ускоряется и за счет его физического и психического истощения из-за недоедания, недосыпания и прочих перегрузок. В результате происходит развитие т. н. "просоночных" состояний сознания с появлением гипноидных фаз в коре головного мозга, характерных для некоторых психических заболеваний, что в свою очередь заметно повышает внушаемость человека.

Таков первый этап вовлечения в секту. Далее происходит т. н. "удвоение личности". Суть этого явления сводится к следующему: когда человек попавший в секту сталкивается с жесткими нормами внутриобщинного поведения, абсолютно противоречащими нормам его "ветхого", досектантского "я", и, когда человеку уже не удастся при помощи логики разрешить данное противоречие, его психика в целях самозащиты невольно запускает механизм удвоения. В результате чего все эмоции, мысли, поведенческие установки, связанные с пребыванием в секте, заметно упрощаются и организуются в независимую систему, т. н. частичное "я", которое полностью соответствует требованиям секты. При этом новое частичное "я" действует параллельно со старым как целостное "я", устраняя внутренние психологические конфликты.

Говоря о значении языка в сектантской субкультуре, необходимо упомянуть о часто применяемой в тоталитарных сектах практике вербального кодирования сознания. Во-первых, важную роль в трансформации сознания адептов сект играет уже упомянутое изменение активного словаря сектантов: конверсия общепринятых понятий, наполнение их новым смыслом, привнесение множества неологизмов. "Подобные изменения активного словаря вызывают изменение категориальных структур индивидуального сознания, которые не осознаются субъектом, и в свою очередь, приводят к формированию паралогического стиля мышления". Кроме того, в сектах активно применяется методика НЛП (нейролингвистического программирования), вставка зашифрованных вербальных команд усыпляющих бдительность в музыку, звучащую на "богослужении" и т. п. Для выявления подобных вставок в музыкальной продукции БЦ необходима специальная экспертиза (вполне вероятно, что их там вовсе нет). Но зато безо всякой экспертизы можно найти схожие по своей усыпляющей функции команды, адресованные подсознанию человека в текстах БЦ. "Тишина... Тишина блаженная, воздух неколеблемый и покой святых. "... Минул час обличения, – покой и радость в сердце"! "Мария... Упокоенная земля. Рождается Господь в безмолвных воздухах... Упокоенная земля... Упокоение... Господь в безмолвных воздухах...".

"Итогом личностных изменений является сочетание сверхценного отношения, психологической зависимости, не критичности, субъективно-комфортного состояния при объективно наблюдаемом личностном неблагополучии "!! -д.И.", нарушении социальной и психологической адаптации вне пределов религиозной корпорации". В качестве заключительного аккорда в процессе деградации личности может возникнуть такая ситуация, когда "человека можно подвести к почти бесконфликтному принятию идеи самоубийства"!

Приведем здесь в качестве самокритики следующие слова лжепророка: "Горе, если стечением лет раскол между внутренним и внешним увеличивается действием лжи, заветом с лукавым. Такой "человек" все более удаляется от трезвого видения себя, впадает в транс, безумие, заведомо раздвоен, лицемерен. Бесплезно апеллировать к его уму, совести: в нем живут, над ним властвуют два существа, совершенно независимые, чуждые, и одно будет опровергать другое, и уста изрекают противоположное тому, что на уме, а на уме – обратное тому, что на сердце". Но на самом деле сумасшествие является закономерным следствием применения "марианской" аскетической практики: "Практикую брань, – жалуется в той же самой книге Береславский, – и дело кончается умопомешательством".